

Вячеслав Ракитянский

ОБЩЕСТВО СЛЕПЫХ

Вячеслав Ракитянский

Общество слепых

«Автор»

2026

Ракитянский В.

Общество слепых / В. Ракитянский — «Автор», 2026

Молодой человек с детства одержим странной и пугающей идеей: внешнего мира за пределами СССР и стран социалистического лагеря не существует. Все что за пределами лишь тщательно сконструированная иллюзия. Повзрослев, он становится журналистом и стремительно продвигается по карьерной лестнице. Его жизнь, наконец, обретает устойчивость: работа приносит признание, личные отношения долгожданное чувство счастья. Но именно в этот момент в его реальности начинают появляться тревожные несоответствия. Случайные факты, обрывки информации, странные совпадения всё это будто подтверждает его детскую теорию. То, что раньше казалось навязчивой фантазией, постепенно превращается в единственно возможное объяснение. Где проходит граница между правдой и вымыслом? И что страшнее заблуждаться или оказаться правым? Роман уже написан, но в настоящее время проходит этап авторской и редакторской правки. Текст будет публиковаться частями по мере готовности.

© Ракитянский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	67
Глава 8	78
Глава 9	89
Глава 10	96
Глава 11	105
Глава 12	113
Глава 13	123

Вячеслав Ракитянский

Общество слепых

Глава 1

Закон Божий.

Сколько себя помню, мир всегда делился на две половины, светлую и темную. Мы живем на светлой половине, но нас неумолимо тянет туда, где материальное навсегда победило духовность, где по начищенной мостовой несутся дорогие машины, гуляют элегантно одетые люди, а в сумерки улицы освещает неоновая реклама и переполненные рестораны выплескивают на оживленные улицы свет, джаз и громкий смех.

Наша реальность напротив не такая шумная и яркая, мы живем в простом и тесном мире, похожем на коробку от спичек. Но мы можем однажды вспыхнуть адским пламенем, только попробуй нас тронь! Наши лица не искажены фальшивыми улыбками, но мы светимся изнутри. Может быть наши машины не такие ладные и быстрые, они не напичканы электроникой, и большую часть времени проводят в автомастерских, а не на разбитых дорогах, но нам мила их ржавчина и стоны на ухабах. Наши квартиры, наша одежда, да и сами мы не такие элегантные. Ну и что с того? Пусть! Зато мы честные, ничего не боимся и рубим правду матку. Всегда! Ну, или почти всегда. И дружба, и любовь у нас настоящие. А еще у нас лучший в мире балет и хоккей.

Я помнил, как ещё будучи ребенком доставал с книжной полки огромный тяжелый атлас, открывал его наугад и водил пальчиком по странице, проговаривая полупрошепотом странные, такие сказочные названия городов: Копенгаген, Лиссабон, Карловы Вары. От названий этих веяло романтикой, неизведанными землями, чем-то космическим и далеким, несмотря на то что, земли эти были давно открыты и заселены. Чувство это переполняло меня вероятно от того, что я понимал в самой глубине моего детского разума, что я никогда не пройду улицами Копенгагена или Пармы, не увижу руины Рима или Афин. Потом я закрывал атлас и реальность возвращалась. Я снова оказывался дома, в своей комнате, в любимой стране, которая заботится обо мне, моей маме и вообще, обо всех своих гражданах. Без исключения.

Почти все, что мама накрыла на стол осталось нетронутым. Я налегал в основном на оливье, запивая его лимонадом. Мое внимание привлекла криво наклеенная этикетка на бутылке, из-за чего лицо Буратино казалось сморщенным как старое яблоко. Неужели нельзя клеить этикетки ровно? Это так сложно? Кроме того, стакан на картинке наполнен красной жидкостью, хотя лимонад всегда был желтого цвета. Но я уже давно заметил, что существует некая разница между тем что обещают и тем, что ты получаешь в реальности. Я развернул бутылку этикеткой от себя, чтобы не видеть сморщенное лицо Буратино.

Хоккей давно закончился, но я не выключал телевизор, потому что сразу после короткого выпуска программы новостей должны были показать артистов зарубежной эстрады. Да, там было на что посмотреть! Длинноногие девчонки, будут прыгать по сцене и петь иностранные песни детскими голосами. Потом патлатые парни в драных майках и джинсах начнут исполнять что-нибудь похожее на рок. Но это будет не настоящий рок, это будет весело, зажигательно и не более того. Настоящую рок музыку я слышал только записанной на магнитофонных бабинах у моего приятеля Ильи. Было это давно, мы тогда еще в школе учились. Теперь магнитофон есть и у меня, только вот музыка хорошая закончилась. У Ильи кроме магнитофонных записей вообще много чего было из того, что обычный смертный даже за деньги найти не смог

бы, например синие потертые джинсы, импортные сигареты, жевательная резинка или шусты Adidas. Но это было гораздо позже, уже после школы.

В новостной программе мне показали немного Парижа, немного Лондона и Нью-Йорка и очень много ведущих обозревателей. На лицах некоторых гуляла саркастическая улыбка, другие были более язвительны но все они рассказывали о том, как мир встречает Новый год. Из репортажей можно было понять, что улицы переполнены людьми, спешащими за покупками, кругом мириады огней, нарядные ели и музыка. Мне предлагают всмотреться в лица пешеходов, хотя при этом не показывают их достаточно близко. Остается только поверить на слово, что на лицах этих не видно беззаботных улыбок даже несмотря на праздник. Рост цен и преступности, безработица и инфляция, коррупция власти и падение нравов... в общем, улыбаться тут нечему.

Вспомнив про Илью, я поднялся из-за стола и прошел в коридор, к висевшему на стене телефону. После нескольких гудков трубку сняли, из ее утробы до меня доносились звуки то-ли застолья, то-ли танцев, то-ли того и другого. Наконец Илья рявкнул в трубку:

- Андрон, здоров! С Новым годом!

- Взаимно, Илюха. А ты как понял, что это я?

- Мне АОН подогнали, - ответил Илья.

- Что?

- Аппарат такой, номер определяет. Не слышал, что ли?

- Нет, - только и успел я сказать, в этот момент Илья отвлекся и над чем-то громко расмеялся.

Звуки на минуту стали глухими, видимо он прикрыл трубку ладонью, пока разговаривал. Меня всегда бесила эта его манера говорить по телефону или просто в компании и внезапно переключиться на кого-то другого, делая разговор с тобой чем-то второстепенным, опуская тебя до уровня плинтуса. Я уже было подумал, что про меня забыли, но в этот момент снова услышал голос Ильи.

- А ты чего дома?

- Да так... мама наготовила и ушла в гости. Я думал...

- Мама? Да ты хохмишь что ли, брат? Никогда не пей в одиночку, это дурной знак, очень дурной, брат. И дурной тон.

Илья называл меня братом вовсе не потому что считал особенным своим другом, нет. Он всех называл братьями, даже малознакомых людей, с которыми пересекался по деловым или иным вопросам.

- Да я и не пью вовсе, - ответил я.

- А вот это Андрюха уже совсем хреново. Слушай, двигай к нам. У меня тут новый альбомчик, звуча-н-и-е... м-м, вообще другое звучание, все другое. Закачаешься, я тебе говорю.

- Роллинги? - спрашиваю.

- Не-е, - протянул Илья, - круче. Приходи, сам послушаешь.

- Телки там есть свободные?

Я постарался придать голосу развязности. Мой вопрос Ильи оставил без ответа. Видимо он понимал так-же как и я, что вопрос мой, это чистая формальность.

- Короче, дуй сюда. Код в парадной поменяли. Три пять восемь.

- Три пять восемь, - повторил я и повесил трубку.

От моего дома до Ильхиного пять-семь минут ходу. Я наспех закинул в рот еще пару ложек оливье, порылся в шкафу, нашел более-менее подходящую для такого случая одежду и выскочил на мороз.

Илья мне очень помог в свое время. Я тогда только поступил на журфак, маме приходилось работать и обеспечивать нас обоих. Поэтому денег не было не то, чтоб на хлеб без масла, а вообще - в обрез. Илья тоже рос без отца, но его мать в отличие от моей долго не горевала, почти сразу нашла себе какого-то атташе, который постоянно мотался по границам и периодически у Ильи можно было разжиться неплохими шмотками на продажу. К слову говоря, я этого атташе-отчима ни разу в глаза не видел. Но дело не в этом. Поскольку сам Илья был ленив как боров, я частично брал на себя функцию по фарцовке импортным шмотьем. Небольшой навар помогал мне худо-бедно оплачивать мои скромные потребности и помогать матери.

Наши с Ильей отношения, это вообще вопрос отдельный. Благодаря таинственному атташе, Илью окружал плотный ореол из жополизов всех мастей и пробиться сквозь него такому лузеру как я было фактически нереально. Самые красивые девочки, надменные ребята со взрослыми взглядами на жизнь и просто модные индивидуумы, это был его круг общения. Наверное, благодаря тому что я презирал весь этот бомонд, и особо никогда не стремился к дружбе с такими как Илья и ему подобными, я и стал тем единственным человеком, которого он действительно смог позже назвать своим другом. Но было и еще одно обстоятельство, которое еще больше сблизило нас и связало затем на долгие годы.

Это было в тот короткий период, когда родители Ильи разбежались, но таинственный атташе ещё рыскал по планете в поисках любви и по этой причине Илья нуждался в деньгах не меньше остальных грешных. Это был самый конец апреля. Как сейчас помню - грязный снежок на обочинах, первые лучи ещё тщедушного солнца и колкий ветерок, пробирающийся за воротник куртки. Мы сидели с Сашкой на бетонном парапете возле метро Полежаевская и курили. Саня первым заметил Илью, который перебежал дорогу и теперь брел к нам по мокрому тротуару. Высокий, спортивный и широкоплечий, ноги затянуты в узкие джинсы. Я завидовал его фигуре, так как сам я хотя и был довольно высок ростом но вот красивой мускулатуры я себе не нагулял и широких плеч не унаследовал.

- Ну что черти, скучаете? – бросил Илья.

Нам с Саней было действительно не очень весело. Мы только что отслужили в армии, перспектив найти хорошую работу у нас не было. Я планировал поступать на факультет Радио и Телевидения в МГУ, Саня не планировал вообще ничего. Но оба этих варианта сулили в ближайшем будущем вполне нищенское существование и сидение на горбу у наших одиноких матерей. Да, забыл сказать, по иронии судьбы Саня тоже рос без отца. Ну такое часто случалось в то время, что поделата! Мужики либо пили, либо умирали, либо просто уходили в неизвестность, оставляя после себя такой вот своеобразный след.

- Тяжко на гражданке после щей дармовых?

Мы с Саней согласно покивали хотя ни я ни он по щам солдатским не скучали.

- Есть у меня одна идея, братья - Илья поежился и сунул руки в тесные карманы.

Нужно сказать, что Илья плодоносил идеями, словно племенная корова. Правда идеи эти редко воплощались в жизнь. И совсем не потому, что они были плохо продуманы или невыполнимы. Я уже упоминал о том, что Илья был ленив и ему хотелось просто забросить идею в народ и наслаждаться происходящим действием, самому ничего при этом не делая. Но так это не работает, всегда нужно проявлять хоть какую-то инициативу, зажечь народ своим собственным примером. Но на этот раз инициатива была и желание зажечь народ тоже. Я уже говорил, что на тот момент Илья нуждался в деньгах не меньше, чем мы.

- Тут в общем такое дело... есть у меня один знакомый, он батюшка.

- Чей? - спросил Саша.

- Ничей. Просто батюшка. Не тупи. Ему надо напечатать Библию. Ну там, не совсем Библия, скорее по мотивам что-то. С разъяснениями, с картинками, для детей. Он будет через свой приход распространять. Надо ему 2000 экземпляров, а для начала сто штук. Это ему как бы на пробу. Платит по три рубля за книжку.

- Ого! Батюшка то при деньгах! – присвистнул Саня, - ему послушники не нужны?

- Ему книжки нужны, брат. Просто книжки. Саня, ты же вроде в бога не веришь, какой из тебя нахрен послушник?

- Обязательно верить что ли? - спросил Саня и криво усмехнулся.

Илья оставил без внимания Сашкины измышления относительно веры и продолжил:

- Самое главное, это только за саму печать, сшивать, склеивать ничего не надо, у него вроде есть кому этим заниматься, - он покосился на Саню и продолжил, - послушники будут по ночам ишачить. Бесплатно, и во имя Господа нашего-о-о.

Илья пропел последнюю фразу высоким фальцетом и перекрестился.

- Ничего святого... - вздохнул Саня.

Илья был определенно в теме. Пока мы с Сашкой просто болтались без дела и между делом послужили Родине, Илья поступил на вечерний в Полиграф и работу хорошую нашел почти по специальности. В организации под красивым названием «Машиноэкспорт» он сидел в отдельном зловещем помещении и множил документы на копировальном аппарате, который все мы по темноте и безграмотности называли «ксерокс». Организация хотя и считалась экспортной, мало что продавала за границу, разве что в страны соцлагеря, в основном же наоборот завозила из-за границы разный полезный, но по большей части совершенно бесполезный хлам. Но если говорить конкретно о работе Ильи, то к продажам или закупкам он не имел прямого отношения. Я был пару раз у него на работе, знал как все устроено и однажды даже был допущен в секретную комнату где собственными глазами мог лицезреть таинственный копировальный аппарат. Оригинал для копии Илья получал через окошко в двери, его коллегам нельзя было даже переступить порог копировальной комнаты. Каждый такой оригинал сопровождался бумагой с резолюцией начальника отдела, которой требовалась данная копия. Кроме того, ксерокс имел счетчик, показания которого снимались неким ответственным лицом. И если счетчик не «бил» в конце недели с количеством заявок на копии, Илья мог иметь большие неприятности. Поэтому к концу дня Илюха сохранял так же и то, что уходило в брак: бледные отпечатки, рваную бумагу и прочее. О том, чтобы печатать Библию непосредственно на работе даже и речи быть не могло. Единственное, что Илья мог получать со своей трудовой деятельности кроме зарплаты, был спирт для обслуживания техники, чем он и пользовался время от времени. Я уж было подумал, что жажда наживы совершенно затуманила разум Ильи, но он почти сразу опроверг мои опасения. Его план оказался намного сложнее, чем просто отксерить 2000 экземпляров книги у себя в кабинете и тупо ждать прихода ментов.

- У нас на складе двадцать штук старых немецких ротапринтов, они годов шестидесятых, но работать должны как часики. Копий по сто в минуту смогут запросто выдать, а то и больше. Питерская типография заказала, но пока они у нас на фирме на балансе.

- На них небось тоже счетчики есть? - спросил я со знанием дела.

- Это как раз не проблема. Мы разобранный возьмем. Там есть несколько штук напольных, их так по частям и привезли. Это для запчастей, если агрегат там какой полетит...

- Да понятно. Не тяни резину.

- Вынести такую бандуру по частям втроем без проблем, он в сборе где-то 150 кило весит, может чуть больше. Крышки и лотки понятно легкие, там только мотор тяжелый, ну и барабаны ещё.

- Как выносить то? - спросил Саня, - за жопу могут взять.

- Ключи от склада у меня, Семичев в отпуске, я его еще полторы недели заменяю. Охраны там нет. Как стемнеет вынесем без проблем. Ротапринт я сам и соберу за пару часов. Думаю, что за выходные все успеем наштамповать и в воскресенье обратно на склад занесем.

- Ну, а печатать где? – спросил я.

- В этом основная проблема, - вздохнул Илья.

- Может, прямо на складе? - предложил Саня, - и тащить не надо никуда.

- Ты у нас на складе был? Там забито все. Станки прямо на улице стоят, в деревянных ящиках. И электричество тянуть далеко. Да и вообще, ты представляешь, что это будет? Там жилые дома вокруг. Одно дело вынести по-быстрому, но печатать прямо там... проще сразу на Лубянке отксерить, чтоб нас прямо там упаковали и далеко потом не везли.

- Тогда, где-нибудь поближе к складу? - снова предложил Саня.

- Вот! Там рядом жилмассив, наверняка есть подвалы пустые.

- Точно! - говорю я, - возле продуктового. Там можем любой подвал взять, замок выбьем и изнутри свой повесим. От твоего склада метров двести всего.

Я проявлял напускной энтузиазм, но в душе мне было немного не по себе.

- Круто! Шесть косых можем срубить! – прошептал Илья и хищно улыбнулся, потирая руки.

- Или года по три, если нас заметут, - мрачно сказал я.

- По десять, если пришлют антисоветчину, - хмыкнул Саня.

- Семь, братья. Семь, - успокоил Илья, - до семи лет лагерей. Статья 70 УК. Это за антисоветчину. А у нас просто Библия с картинками, так ерунда.

- Ну да, херня просто, - нехотя сказал я, но возможность заработать окончательно подавила мои сомнения.

Под вечер мы поехали в Петровский парк, обсудить подробный план в пивнухе «Семь дорог». Примерно через час Илья засобирался домой и мы остались вдвоем с Саней.

- Стремно как то, - сказал я.

- Да ладно, не бойсь. Библия, это не серьезно, Илюха же сказал – семь лет всего, - Саня хохотнул, и видя что мне не смешно продолжил меня троллить, - Иаков родил Иова, Иов родил Авраама или как там...

- Ежов убил Ягоду, Берия убил Ежова, Хрущев убил Берию... - мрачно пошутил я и Саня рассмеялся.

Ближе к назначенному дню, как водится, все пошло не по плану. В понедельник с утра Илья обрадовал нас тем, что на выходных не получится, потому что этого Семичева то ли раньше с отпуска вызвали, или сам Илья что напутал, но в общем у нас оставался только вечер вторника и ночь на среду. Утром оборудование должно было быть на складе. А днем Саня позвонил и сказал, что он не в деле, потому что мать в больницу попала, и ему кровь из носу надо было решать какие-то насущные семейные проблемы или с дядькой, или с бабкой его, я так толком и не понял.

В общем, вечером вторника, часов в семь примерно, когда было уже достаточно темно, мы волокли всю эту грудку железа вдвоем с Ильей. Корпус и крышки нам были не нужны, и мы взяли только самое необходимое; движок, механизмы, крепеж и раму. Хорошо, что о подвале позаботились заранее и там все было готово; толстые резиновые коврики, чтобы от вибрации и шума соседи сверху не загоношились, новый замок, две банки спиртовых чернил, бутылка спирта и электричество. В подвале Илья сразу же взялся за дело, нужно было быстро собрать машину. Я нервно вертелся рядом, подавал инструмент и детали. Пожалуй, это был единственный раз, когда я видел Илью непосредственно за работой, если не считать его обычной трудовой деятельности в «Машиноэкспорте».

- Уже полчаса копаешься, не успеем?

- Блин! Не трынди под руку, а!

- Да ладно, Илья! Чо ты... я просто переживаю.

- Я тоже переживаю, из-за чернил может барабан накрыться. Краска нужна типографская... Но где ее взять? Хотя... мы не так много печатать будем, может выдержит.

Мы запустили ротاپринт около одиннадцати вечера. Когда я увидел первые листы, выходящие из машины, я здорово расстроился; некоторые брали много чернил, на других печать выходила косо и криво. Бумагу периодически зажевывало. Илья время от времени подстраивал подачу краски, менял скорость печати, крутил какие-то винты и без конца матерился.

- Андрюха! Ты не видишь, что ли? У тебя валик сухой, воды добавь!

- Сюда?

- Да сюда, в лоток! Да.

Часам к двум ночи мы все-таки добились нормального качества печати и стали раскладывать готовые страницы по стопкам. К этому моменту я уже и сам неплохо разбирался в работе немецкой чудо техники. Мог снять барабан, удалить излишки краски или настроить давление между формным цилиндром и валиком.

- Все отпечатать не успеем, наверное, - мрачно сказал Илья.

Мы решили сделать хотя бы половину, настроили подачу бумаги и только было запустили станок, как в дверь по-хозяйски постучали.

- Открывайте!

Илья выдернул вилку из переноски, мгновенно наступила тишина и погас свет.

- Открывайте. Милиция!

В дальнем конце подвала было небольшое окно, которое мы предусмотрительно завесили старым одеялом. Окно вело в прямик, через который можно было попасть на улицу, там дальше плотные кусты боярышника и в нескольких метрах металлическая решетка ведущая в соседний двор.

В дверь безостановочно колотили. Наши глаза постепенно привыкли к темноте. Время жалось и сердце отбивало секунды. Один. Два. Три...

- Андрюха, двигай за мной!

Я выдернул из машины формный цилиндр с еле заметным оттиском и побежал за Ильей в сторону окна. Илья рывком сдернул одеяло и когда он был уже снаружи я сунул ему в руки барабан. Илья подтянулся и выбрался из прямка, затем протянул мне руку.

- Давай, валим отсюда!

У меня был другой план на этот счет.

- Спички есть?

- Зажигалка возле станка. Зачем тебе?

Я уже не слушал его, только бросил через плечо:

- Илюха, вали! Барабан выкинь где-нибудь.

Я кинулся обратно к ротاپринту, рыская в поисках зажигалки. Затем я нащупал вилку и сунул ее обратно в переноску, появился свет, вместе с ним включился печатный станок. Снаружи уже не стучали, а просто вышибали дверь ногами. Сколько она продержится, сказать было трудно. Я сгреб в кучу все, что мы успели отпечатать, вылил сверху полбутылки спирта и поднес зажигалку. Бумага принялась сразу, я ворошил ее куском арматуры, постоянно оглядываясь на дверь и молился чтобы она продержалась еще хотя бы пару минут.

То, что стоит говорить, а о чем лучше умолчать, я решил еще даже не по пути в отделение, а скорей всего уже в ту минуту, когда менты вышибли дверь и ворвались в подвал. Хорошо, что мы не успели напечатать все что запланировали и пламя сожрало «закон божий» в считан-

ные секунды. Я даже успел притоптать ногами пепел. Странно было осознавать – то, что еще полчаса назад меня так раздражало, теперь воспринималось словно подарок судьбы.

Следователь был немногим старше меня, по крайней мере так казалось. А может он просто был из той породы людей, которые никогда не стареют. Я смотрел на его серый затасканный костюм, на усталый вид и думал, что наверняка у этого парня есть семья, что он сейчас должен быть дома. С женой, если у него такая имеется или даже с детьми. Вместо этого он в шесть утра вынужден проводить со мной политинформацию.

- Ты знаешь, какая сейчас международная обстановка?

- Знаю.

На самом деле я не знал о политической обстановке ровным счетом ничего, я просто этим не интересовался. Хотя нет, я лукавил. Совсем не интересоваться возможности не было; радио, телевидение, газеты, мужики, забивающие козла за столиком во дворе, все это вкуче формировало в мозгу каждого гражданина довольно устойчивую структуру внешней политики и внутреннего курса.

- Связи за границей есть? Родственники или знакомые, которые там проживают?

У меня не было знакомых, которым повезло не то, чтобы жить, но даже побывать за границей. Не говоря уже о родственниках. О чем я и уведомил следователя.

- Учишься?

- Нет. Собираюсь поступать, но на Радио и ТВ вряд ли пройду... там сорок человек на место. На журфак скорей. Хотя, тоже сложно.

- Ясно.

Следователь что-то постоянно записывал в огромный журнал. Причем, писал он гораздо больше, чем я говорил. Вероятно, излагал свои умозаключения и выводы, а может быть описывал то, что они нашли в подвале.

- Так, рассказывай. Сколько вас было?

- Нисколько. Я один.

- Откуда печатный станок?

- Нашел.

Следователь оторвал взгляд от журнала. Видимо, мой ответ показался ему чистым бредом. Я еще в подвале решил - чем бредовой будет история, тем скорей в нее поверят. Этому меня постоянно учила жизнь, этому же меня будут учить позже на факультете журналистики.

- Нет... ну, не то, чтоб прям на улице...

Я рассказал, что летом навещал своего приятеля Роберта в Шатуре, где его семья снимала дачу. Там, на местной свалке я и нашел детали станка. Возвращались мы все вместе, на машине отца Роберта, он еще помогал загрузить мешок с моими находками в багажник. Я действительно ездил летом к своему другу и это будет единственная правда в моей версии для следствия. Я тогда нашел на свалке в деревне старый чугунный утюг, работавший еще на углях, здоровенный самовар, дверные ржавые петли, несколько навесных замков причудливой формы и еще какую-то железную дребедень. В общем много из того, что местная пионерия хотела честно сдать в утиль, я беспардонно увел и использовал потом в корыстных целях. Все это я хотел применить для реставрации или вернее для декорации нашего задрипанного кухонного гарнитура, чтоб хоть как-то придать ему пусть и не новый, зато вычурный и нарядный вид. Маме нравились старые вещи, ей казалось, что наличие всей этой старинной атрибутики придавало нашему жилью некий загадочный стиль. У нас даже была швейная машинка „Singer“, она стояла в углу, не работала и только занимала место, но мама души в ней не чаяла. Благо, площадь нашей «сталинки» позволяла натащить туда много разного хлама.

Я был горд собой, ведь Штирлицу для того, чтобы придумать легенду с радиопередатчиком и отпечатками пальцев потребовалось несколько часов, а в моем мозгу план возник почти сразу. Я даже улыбнулся этому, что не осталось без внимания следователя.

- Тебе смешно?

- Да не очень.

Роберт все это сможет подтвердить, но я очень надеялся, что до этого не дойдет. Мне вообще никого не хотелось впутывать в эту историю. Но следователь задавал именно те вопросы, на которые мне так не хотелось отвечать: Дача где находится? Когда это произошло? Кто это может подтвердить?

После формального допроса следователь сменил тактику и направил разговор в этакое панибратское русло.

- А нафига ты его вообще в подвал притащил?

- Ну не дома же его собирать? Мать если бы узнала, ей вообще хана. У нее давление. Дело то подсудное...

- То есть, законы ты знаешь.

- Каждый должен знать. Я просто хотел посмотреть, будет ли он работать, ну и что-то напечатать потом, если повезет.

- Что печатать собирался?

- Да я особо и не думал об этом. Картинки всякие сейчас модно.

- Порнографию?

- Что? Да нет, что вы! Какая порнография... Джоконду вот на ЭВМ сейчас много печатают, видели? На перфоленте? Или Че Гевару еще.

- Допустим.

- Билеты там экзаменационные, курсовые. Пригодилось бы? Разве нет?

Следователь задавал рваный ритм, то закидывал вопросами, то молча и пристально смотрел на меня или долго чиркал в своем журнале. На этот раз пауза уж слишком затянулась, я даже занервничал. И не зря, как потом оказалось.

- А что ты там сжигал в подвале? – как бы нехотя и не отрывая взгляда от журнала спросил следователь.

- Бумагу.

Паузы между вопросами стали больше и это было мне на руку, я лихорадочно искал выход из этого стремного лабиринта. Пишите, пишите гражданин следователь, мне нужно подумать немного.

- Следы заметал? Мы можем, и экспертизу сделать, - мрачно сказал следак.

- Делайте. Я же вам уже говорил, что я даже не печатал ничего. Просто...

- Что просто?

- Руки замерзли, гайки крутить. У коммунальщиков же зима в марте заканчивается, не топят уже пять дней. А в подвале сыро к тому же. Ну я и поджигал бумагу, чтобы пальцы хоть отогреть.

- Бред какой-то, - тихо сказал следак, но я заметил как он еле заметно улыбнулся. В марте месяце отсутствие тепла в домах сближает людей как любая общая беда.

- Может это и выглядит как бред, но у меня нет смысла врать. Ничего я не печатал! Да и не смог бы я ничего напечатать, понимаете? Там барабана не было. Я даже его собрать полностью не смог бы, станок этот. Я просто хотел посмотреть, чем можно барабан заменить. Ну сам вал в токарке допустим можно заказать... Но там понимаете, сложность есть. Там покрытие такое... как вам объяснить?

Оставалось надеяться, что Илья сбежал, а не сидит в соседнем кабинете с пресловутым барабаном в руках и не дает такие же нелепые показания. У меня вспотела спина и начали нервно подергиваться руки. Я зажал ладони между коленей.

- Ты когда его нашел, вообще понимал, что это за машина?

Тут я решил врать уже без оглядки. Будь что будет.

- Конечно! Я еще до армии хотел в Полиграфический поступать, но не сложилось. На подготовительные курсы ходил, там в библиотеке у нас были и описание, и инструкции по ремонту. Меня вообще эта тема интересовала. Я когда его увидел на свалке, у меня... я вообще не поверил даже...

- А чего тебя сейчас на Радио и Телевидение потянуло? Двигал бы по полиграфии уже, раз интерес имеешь.

- На ТВ будущее. Ну и в журналистике тоже.

После этого наступила продолжительная пауза. Следовательно что-то долго писал, мы молчали, наверное, четверть часа если не больше. Я ждал и гадал, что там на этой бумаге? Какой приговор мне готовит этот парень в сером помятом костюме. Наконец, он закончил писать и поднял на меня взгляд.

- Ну, значит так. Машинку твою мы конфискуем, будем выяснять откуда она вообще могла всплыть.

Я строго кивнул. Мол, раз так надо то я полностью на стороне следствия. Нужно выяснить, что это вообще за безалаберное отношение к подотчетной технике. Чего это у нас рота-принты по свалкам валяются.

- Я тебе административное правонарушение выписал. Ты ни сном ни духом, что это за машинка такая, понял?

Я снова с серьезным видом кивнул.

- Собрал ты ее по незнанию, просто хобби у тебя такое. Технику любишь. Ты ведь любишь технику?

- Люблю. Да.

- Ты особенно не радуйся. Я тебя побеспокою, если по станку этому какая-то информация появится. Живешь с матерью?

- Да, с мамой.

- За отсутствием состава я закрыть не могу, так как печатный станок налицо, и ты его все-таки собирал в подвале.

- Ясно, товарищ следователь.

- Раз ясно, тогда пиши, с моих слов записано верно и подписывай.

Он развернул на столешнице исписанный журнал и подвинул его ко мне.

Илья и Саня встретили меня как настоящего героя, да я и сам был горд собой и своим безрассудным поступком. Как потом выяснилось Илья не стал избавляться от барабана, а той же ночью по-тихому занес его на склад в надежде, что пропажа остального железа обнаружится не сразу, если вообще это вылезет на свет божий. Такое ведь периодически случается на всех складах и предприятиях нашей страны, и ничего... что-то списывают, на что-то просто закрывают глаза, но никого обычно не наказывают.

- Андрюха, ну ты дал жару! Я думал, ты уже на Лубянке паришься, - сказал Илья и криво так улыбнувшись добавил, - выкрутился значит.

- Я сам думал, что тебя повязали и в соседнем кабинете прессуют. Надеялся, что ты хотя бы барабан выкинул.

Илья начал осторожно, видимо в голове его копошилась мерзкая мыслишка, что просто так из отделения никого не выпускают. Он был прав, я и сам считал, что мне сказочно повезло. Следовательно был молодой, я был в ударе от страха и мои сбивчивые показания сделали свое дело. А может у следователя мама тоже страдала гипертонией. Я рассказал ребятам как все было, что со мной провели беседу о внешней угрозе с запада, на меня повесили административное правонарушение и конфисковали печатный станок.

- Тебе жопа, Андрон. Хана твоим планам на учебу, - Саня был категоричен.

Илья же наоборот, успокаивал меня как мог:

- Да не слушай ты его. Потаскают немного в отделение, скорей всего. Если все будет норм, и без залетов, то через годик административку твою спишут в архив. Не парься, брат.

Глава 2

Психическая атака.

Вот с тех самых пор, когда Илья понял, что на меня можно положиться, что я готов на безрассудные поступки ради товарища или ради общего дела, между нами и возникла эта самая дружба. Конечно, в дальнейшем мы могли ссориться и совсем не по мелочам, мы могли не сойтись в каких-либо важных принципиальных вопросах. Но в конечном итоге все это было не так важно, потому что он знал, что я его никогда и ни при каких обстоятельствах не сдам. И в ответ на это чем мог он помогать мне по жизни.

Последствия нашего подпольного бизнеса оказались менее ужасны, чем я ожидал. Один раз к нам домой зашел участковый, посмотрел на наш быт, на наши милые семейные отношения с мамой, провел со мной короткую разъяснительную беседу о вреде западной пропаганды, на этом, собственно, все и закончилось. Но нет, не совсем так. Мама послушала и ей стало плохо. После ухода участкового она тихо плакала, упрекала меня, что я в 22 года так и не нашёл ни грамма ума, что вот если бы был жив отец... и так далее, и тому подобное.

Мне тяжело и неловко, когда женщины плачут. Чужие, свои - без разницы. Не люблю. С раннего детства, с того самого дня, когда мы похоронили бабушку, а ровно через две недели умер мой отец. Уж сколько я тогда слёз повидал... на всю жизнь бы хватило.

В те дни наша квартира напоминала погребальный конвейер. Гробы на столе сменяли друг друга, по комнатам бродили печальные люди, знакомые и не очень. Чужие. Некоторые наблюдали за мной очень внимательно, как хищные птицы, которых я видел зимой в вольере зоосада. Они словно ждали чего-то, какого-то тайного знака. Другие просто гладили по голове и сочувственно улыбались, третьи наоборот, прятали глаза. Я хорошо запомнил их голоса, напоминавшие шелест книжных страниц. Шелест, переходящий в еле различимый свист.

- Ш-ш-шу... ш-ш-ш, - доносилось с кухни.

- Ш-ш-с-ссс, - отвечали из коридора.

Люди ушли, растворились, но свист этот долго ещё мерещился мне по ночам.

Мать слегла почти сразу. Она молчала, не плакала, и лицо у неё было серым как простыня. После похорон ходить она не могла очень долго, да и потом, когда начала понемногу вставать с постели, отказывалась разговаривать или узнавать близких. Я был совсем крохой и жутко испугался. Кто же теперь будет бегать за продуктами, если я считать сдачу не могу, да и через дорогу мне нельзя!

Первое время в магазин меня сопровождал сосед по коммуналке, прапорщик Рымарь. Мы тайно называли его Дуремаром, потому что от него страшно воняло кислятиной, мочой и гуталином. Впрочем, в те времена каждый взрослый имел свой аромат. От моего отца, например, исходил стойкий запах пота, но только пока он был жив. Когда его гроб стоял сутки на столе в гостиной из него пахло то ли мылом, то ли ягодами. Прапорщик переводил меня через проезжую часть, закуривал папиросу такую же вонючую как и он сам, после чего командовал - Давай хлопец, дуй до молока. Я бежал в магазин, а Рымарь пристраивался в хвост длиннющей очереди, состоящей из подобных ему Дуремаров.

Мы пересекались на обратном пути. Я - с хлебом, картошкой и девственно белой бутылкой молока и Рымарь - тоже с бутылкой. Но его бутылка была загадочного, темно-бурого цвета. Словно её содержимое добывали из утробы сказочного чудовища. Обычно я ждал Рымаря на лавочке городского парка, наблюдая, как он заливает в себя страшную бурю жидкость. Иногда он пил с приятелями, но чаще один. После того как Дуремар разделялся со своей жуткой бутылкой он соловел и шатался так, что было непонятно, кто кого переводит через дорогу.

Потом я стал бегать за продуктами самостоятельно. Отморосила осень, и город завалило хрустким снежком. Однажды зимой мама встала с постели и встретила меня на пороге. А у меня в руках авоська с продуктами, а в кармане правильно сосчитанная сдача. И мама заплакала в первый раз за столько месяцев. Ну и я тоже. С тех пор, если вижу бабу в слезах, у меня начинает сердце на куски рвать.

Совместные походы за продуктами сблизили меня с Дуремаром, я даже стал при друзьях называть его уважительно - Иван Карпыч. В те редкие минуты, когда Рымарь бывал трезвым, он рассказывал про Восточный Берлин, где ему довелось служить после войны. И тогда мне приходилось терпеть тяжелый смрад его ядреной папироски. Но было ради чего, ведь рассказчик он был просто замечательный.

Я вслушивался в его голос, в вой ветра за окнами, в нервное дребезжанье форточки. И тогда мне казалось, что по углам полупустой комнаты притаились диверсанты, потолок резали лучи прожекторов, в ушах звучала немецкая речь и почти наяву слышались выстрелы. Где-то за стеной предательски скрипели половицы, наводя на меня ужас. Я представлял себя волком, который отбил от стаи и теперь одиноко брел по заснеженному полю навстречу гибели. Я мог поклясться, что в эти минуты на спине у меня встает дыбом шерсть, то ли от холода, то ли от ужаса.

- Карпыч, а страшно было?

- Ну, ещё бы. У меня брат в памяти ещё зверства немцев, а тут прямо в самом логове приходилось жить. Прямо у забора с колючкой, где стену начинали строить. Вот прямо там, где всё начиналось. Ты представь, с вышки смотришь всю ночь - глаза слипаются, и чёрти что примерещиться может. Иной раз казалось, что сейчас немчура либо палить начнёт, либо ещё того хуже - психическая атака.

- Что за атака такая?

- Психическая. Сам лично не видел, я же на фронте не был, но мне рассказывали.

Я продолжал допытываться. Мне почему-то представлялись психи, которых побрили наголо, надели смирительные рубашки, построили в шеренгу и заставили идти в атаку.

- Да нет, Андрейка. Психическая, это когда на психику воздействуют.

- Газами? - спрашиваю.

- Нет, это газовая.

- Тогда чем?

- Страхом, Андрейка. Страхом легче всего управляться с людьми.

- Что же вы за войска такие, если им страшно? - спрашивал я и криво так улыбался, хотя мне и самому было жутковато.

- Да вот в том то и дело, что страшно было не только нашим. Им тоже.

- Но им-то чего бояться, Карпыч? Мы же хорошие.

- Мы хорошие, но красные. Одно это им уже на психику давит, понимаешь?

Рымарь вспоминал социалистическую Германию, говорил про жизнь в воинской части но, сколько я не допытывался, сколько не просил его рассказать мне про настоящих немцев, про тех, что живут за Берлинской стеной, прапорщик только плечами пожимал. Никого мол, не замечал. Ни одной живой души, будто повымерли все. Днем оттуда не было слышно ни заводского шума, ни рыночных криков, ни рева моторов. Только лай собак. Иногда ночью можно было разобрать приглушенные звуки музыки, видеть, как зажигаются огни в домах. Но в окнах не мелькали тени. Не было слышно ни голосов, ни смеха, ни звона посуды.

Вроде пару раз Карпыч видел, как проносились по шоссе Мерседесы, тихие словно швейные машинки. И всё. Как будто на той стороне жили самые настоящие призраки или вурдалаки.

- Может, им совестно было? - спрашивал я, но прапорщик задумчиво молчал, раскуривал свою дрянь и тайлся в густом дыму.

- Как думаешь, Карпыч?

- Чо?

- Совестно, говорю. За Бухенвальд.

- Может...

Однажды мы сидели с Рымарем на кухне, и прапорщик сказал фразу, которая навсегда лишила меня покоя.

- А может, и нету их на самом деле... всё подстроено.

- Кого нету? - спрашиваю.

- Немцев. Вообще никого нет кроме нас.

Рымарь поморщился и выпустил сквозь зубы смрадный дым, затушил папироску в блюде и поднялся с табурета.

- Это как?

Дуремар не ответил, подмигнул и вышел с кухни.

Карпыч уходил в длительные запои, всё чаще оставался по ночам в парке, где облюбовал скамейку, на которой спал, укрывшись шинелью. Стали поговаривать, что Рымарь серьёзно страдает неизвестным душевным недугом. Мама строго настрого запретила мне бывать в комнате прапорщика и слушать его бредни.

- Он сумасшедший, - сказала она, - ты разве не видишь?

Я это видел. Я много чего научился замечать. Например, что у Карпыча появились новые слушатели - двое мужчин в светло-серых костюмах и шляпах. Я несколько раз наблюдал их за доминошным столом в парке. Эти двое покупали Рымарю вино, он пил, соловел, и язык его развязывался всё больше и больше. И тогда Карпыч начинал кричать, что-то доказывал, хватал собеседников за руки. Я мог слышать только отдельные слова.

- Я вам говорю! Нет доказательства их существования! Никто их не видел... вот ты! Ты бывал за границей?

Мужчина в костюме пожимал плечами.

Меня так и подмывало подобраться поближе и подслушать. Я полз словно муха на варенье, и вместе с тем боялся увязнуть в сладкой жиже. Но ещё большую жуть на меня нагоняли эти двое в костюмах. Они по-гусиному вытягивали шеи и внимательно смотрели по сторонам. И тогда страх начинал гнать меня вперёд с ещё большей силой. Наверное, именно так чувствуют себя те, что идут в психическую атаку. Я подкрадывался, прятался за кустами, и снова чувствовал себя волком. На этот раз загнанным. Так продолжалось всё лето и осень.

Арест Карпыча грянул словно гром среди ясного неба. Вернее, это был не арест. Морозным январским утром в квартиру вошли серьёзные люди в коротких душегрейках, из-под которых смешно топорщились полы белых халатов.

В коридоре нашей коммуналки стояла новогодняя ёлка, и они в своих ватниках и халатах были похожи на помощников Деда Мороза, которые пришли разгрузить машину с подарками.

Серьёзные люди постучались в комнату прапорщика и, не дожидаясь пока тот ответит, вышибли дверь и вошли. Всё произошло быстро, никто из соседей так толком ничего и не понял.

Рымаря связали смирительной рубашкой, вынесли на носилках из квартиры и с тех пор его никто больше не видел.

Я часто вспоминал его рассказы и думал, что забрали прапорщика совсем не в дурку. Скорей всего, Рымаря использовали тайные спецслужбы, и он ещё долгое время ходил в психические атаки на врагов нашей Родины. Ведь войн всегда хватало. Войны велись и ведутся повсюду, затухая в одном уголке планеты и с утроенной силой разгораясь в другом. Все вокруг всегда хотели заполучить нас и нашу землю. И мы с самого детства знали - наша страна самая лучшая.

Я набрал код и ввалился с мороза в нагретый подъезд. Отряхнул снег и не дожидаясь лифта взлетел на третий этаж. На лестничной площадке из-за всех дверей доносился шум, музыка и смех. Обычно перед всякого рода вечеринками в малознакомой компании в меня вселялся какой-то бес нетерпения. Он щекотал меня изнутри, в предвкушении чего-то необычного, что вот на этот раз обязательно со мной случится нечто, произойдет какая-то судьбоносная встреча, которая навсегда изменит мою жизнь.

Я остановился перед дверью, отдышался и попытался понять, присутствует ли и в этот раз внутри меня тот самый нетерпеливый черт. Нет, сейчас я был совершенно спокоен. Возможно, виной тому была компания Ильи, которая веселилась за дверью. Ничего необычного или судьбоносного я там точно сегодня не увижу. Впрочем, за мое презрение и показное безразличие его знакомые взамен платили мне точно таким же чувством глубокой неприязни. Борясь с желанием развернуться и пойти обратно домой, я надавил на кнопку звонка.

Дверь распахнулась, и я почувствовал запах импортного табака, алкоголя, духов и прочих атрибутов загадочной иностранной жизни.

- Ба! Какие люди, заходи.

Илья с порога налил мне полстакана напитка, напоминающего коньяк, и заставил немедленно выпить.

- Есть хочешь?

Я мотнул головой и промямлил что-то про оливье.

- Это Дарья, - Илья махнул рукой в сторону дивана и подмигнул, - она, кстати, одна пришла, ты интересовался. Там Олег, он тоже в МГУ учился, может вы пересекались. Остальных ты знаешь, вроде.

Я мельком оценил Дашу, попытался определить кто из присутствующих мог быть Олегом.

- Угу. Не суетись, я не пропаду.

В этот момент я увидел Саню, который томно курил и беседовал с брюнеткой баскетбольного формата и у меня немного отлегло. Будет с кем пообщаться, если уж совсем станет неумогу.

- Альбомчик новый хочешь послушать? Или позже?

- Не, давай сейчас. Наушники у тебя где-то были.

Я устроился в спальне, где стоял проигрыватель для винила, Илья передал мне наушники и торжественно достал с полки яркую желтую упаковку с черным и розовым текстом.

- Та-дам!

Я взял в руки альбом и прочитал Never Mind the Bollocks, Here's the Sex Pistols.

- Пытался перевести, но я в английском не очень, сам понимаешь... - осканился Илья.

- Не-а. Не понимаю. У тебя отчим из-за границы не вылезает, а ты английский не знаешь.

Позорище. Потрещал бы с ним на английском...

- Ага. Я его видел только один раз. Как раз перед их свадьбой.

- Да ладно! Что, с тех самых пор?

- Я тебе говорю! Вообще. Один только раз лицезрел. Мать к нему ездит куда-то там иногда.

- За границу? - спросил я.

- Не, ее не выпускают. У него в Прибалтике квартира, в Риге что ли, я особо не интересовался. Да пофиг. Мне главное, что хата свободна, - ответил Илья и развел руки в стороны, демонстрируя уровень свободы, помолчал и добавил, - и чтобы шмотки периодически подгоняли, и на том спасибо.

Мне всегда была интересна загадочная фигура отчима Ильи, этого неуловимого атташе, выскочившего из ниоткуда, словно черт из табакерки. Причина моего интереса была банальна,

я просто ревновал. Да, я был тогда влюблен в Илюхину мать как последний идиот. Елена Александровна или просто Лена, как она просила себя называть скорей всего об этом даже не догадывалась. Она была лет на двадцать старше меня, рано родила и рано развелась с отцом Илюхи.

Как и всякая настоящая любовь она обрушилась на меня внезапно. Это было сразу после службы в армии. Я зашел однажды к Илье, но его не оказалось дома и Лена предложила мне дождаться сына. Мы сидели на кухне и пили чай. Елена Александровна видимо, только что приняла ванну, ее длинные рыжие волосы были влажными и растрепанными, щеки горели, а глаза... боже, я вдруг захотел схватить ее лицо в ладони и целовать эти горящие щеки, ее лоб и губы. Она закинула ногу на ногу, на кончиках ее пальцев болталась домашняя туфля, Лена смеялась и что-то рассказывала. Я всеми силами старался быть равнодушным и смотреть куда угодно, только не на ее прекрасные длинные ноги.

Лена продолжала трещать без умолку, она была такая естественная и доступная в своем халатике на голое тело, что у меня вполне могла случиться поллюция прямо там, на кухне. С того момента я совершенно потерял голову и мечтал только о том, как однажды мне представится возможность остаться наедине с Леной и уж тогда...

Но мечты так и остались мечтами. Я нашел свое счастье в учебе на журфаке, Лену нашел атташе, вот так все и закончилось, не начавшись. Скорей всего моя страсть тогда была обусловлена тем, что мне всего-навсего не хватало сексуального опыта, а может быть я просто влюбчивый по натуре человек. Нет, не в том смысле, что я влюбляюсь постоянно в первых встречаемых девчонок, нет. Но если уж я вклеился в кого-нибудь, то у меня это доходит до настоящей паранойи. Я буду мучиться, злиться на себя и на весь белый свет но никогда и ни за что не подам вида, не признаюсь, что влюблен. Но и остыть своим чувствам не даю, даже если вижу, что шансов у меня нет. Зато перед какими-то мимолетными отношениями страх мой испаряется. В общем, любовь это довольно странная и не поддающаяся логике материя, которую я не в состоянии объяснить.

Я погрузился в прослушивание альбома. Музыка действительно была довольно странная, вокал резал слух и мне даже казалось, что музыканты несколько раз сваливались в какое-то бессмысленное нагромождение звуков. Но я старался уловить каждый гитарный риф, чтобы расшифровать и понять их стиль. Тексты были оголтелым протестом против лживого западного общества. Но это был протест бездействием. Типа, у нас все хреново, но мне на все настрять. Мы пустые, потому что мир, это ложь, бла... бла... бла. Этаким манифестом молодежного отчуждения. Очень как-то одноклеточно, но чертовски смело. Однако, о загнивании Запада я видимо был осведомлен гораздо больше, чем сами музыканты, поэтому примерно на середине их оголтелых протестов я потерял интерес и стал разглядывать обложку альбома. На обратной стороне был список треков. Ни фотографий, ни имен исполнителей или их биографии - ничего. Снизу я прочитал следующее: © 1977 Virgin Records Ltd. Published by Glitterbest Ltd.

Я все-таки честно дослушал альбом до конца, снял наушники и вышел в люди. Пока я был занят прослушиванием, остальные времени зря не теряли. Сашка зажимал на кухне ролую баскетболистку, Илья обхаживал обещанную мне Дарью, остальные были заняты тем, чем обычно заняты люди в новогоднюю ночь; пили, ели, танцевали или жались по углам, если было с кем. Я почувствовал себя лишним и уже пожалел о том, что вообще пришел сюда. Но и уходить было глупо. Я решил было вернуться в спальню, чтобы послушать что-нибудь более удобоваримое, но тут меня заметил Илья.

- Ну как тебе?

Я пожал плечами.

- Честно? Не очень. Ну а если говорить прямо, откровенное говно.

Я плюхнулся на стул, напротив дивана, на котором расположились Илья и Даша. Девочка действительно была стоящая - красивая, длинноногая с большими и как мне показалось

немного печальными глазами и тонкими чертами лица. Я даже пожалел, что битый час просидел в спальне слушая бредовую музыку, но почти сразу отогнал эту мысль, так как был знаком с контингентом Илюхиных друзей и вряд ли Дарья чем-то отличалась от стальных. Обычная, охочая до красивой жизни телка.

- Да ладно! Сейчас это самые крутые ребята на западе, вся Британия на ушах, как во времена Битлов.

- Ну ты сравнил. Не, ну тексты у них вполне себе смелые, а вот музыка... извини, конечно... слушать это невозможно.

- О чем там, кстати?

Меня всегда немного удивляло, как люди могут слушать и хвалить подобное дерьмо, не врубаясь в смысл. Ну я еще могу понять, будь это Queen, или Цепеллины. Там правда тоже тексты иногда трудны для восприятия, но они по крайней мере музыку делают стоящую. Меня так и подмывало сказать какую-нибудь гадость но я решил не нагнетать, вкратце пересказал, о чем идет речь в этом довольно революционном альбоме, и вдруг подумал, что для меня это прослушивание было как нельзя вовремя.

В газете в которой я работал в отделе культуры, статьи мои были сплошь про отечественную эстраду и кино. А тут можно тиснуть обличительный материал, хотя любое упоминание рок-музыки, даже критическое, строго регулируется сверху. Но если написать осторожно, то могут пропустить в печать. Главное, чтобы статья не была с «душком», чтобы редакция не почувствовала ни малейшего намека на лояльность или боже упаси на скрытый интерес. Только правда-матка: культурное разложение, наркозависимость и духовная нищета.

- Так это точно свежак, ты уверен? – спросил я.

- Ну да, так отчим сказал. А что?

- Отчим? Ты же его вроде не видел...

- Мать сказала, когда предавала барахло. Это стопудово, брат! Так и сказала, типа новинка, только что выпустили. С пылу так сказать...

- Там на обложке дата стоит, значит альбом пять лет назад вышел. Ты что, не видел? На обороте.

- Не-а. Это ты у нас журналюга. Прямо как мент, все замечаешь, без мыла в жопу влезешь. Дата у него где-то там.

- Я не собираюсь лезть ни в чью жопу, я просто констатирую факт, Илья. На обложке стоит семьдесят седьмой год.

- Ну ты и нудный, Андрон.

Ну да, я еще с детства был склонен замечать незначительные детали, натура у меня такая. Что я могу с этим поделаться? Мне, наоборот казалось странным, что все остальные не видят очевидного. И обвинять меня в занудстве было не совсем корректно. Хотя я возможно и перегнул палку, и проблема эта не стоила даже выеденного яйца, но все-таки решил, что последнее слово должно быть за мной. Мне вдруг захотелось показать всем присутствующим, что я единственный здесь, кто может сказать то что думает, независимо от того, понравится это хозяину вечеринки или нет. Возможно, меня будут ненавидеть в этой компании еще сильнее, мне плевать.

- Послушай, если там стоит дата пятилетней давности, значит альбом старый. И музыка дерьмовая.

Дарья первый раз удостоила меня взглядом, в котором чувствовался интерес. Меня это еще больше подогрело и я уже готов был продолжить тираду, но Илья поступил более мудро.

- Да ты у ребят спроси, вот у Фомы, например. Он по музыке у нас профи. Знает, что и когда вышло. Да и сам посуди, это же чистой воды панк. Какой панк мог быть пять лет назад, Андрон? Фома, подтверди!

Фома, уплетавший за столом крабовый салат молча и авторитетно кивнул.

Подошел Саня, в компании баскетболистки. Скажу честно, это было вовремя. Слава богу тема музыки была закрыта, они начали болтать о какой-то ерунде, девчонки смеялись, но мне было не до смеха. И тут я встретился взглядом с Дарьей. Я внезапно ощутил что-то особенное, как тогда на Илюхиной кухне в компании Елены Александровны. Я усиленно отгонял от себя это совершенно не нужное мне чувство, но при этом постоянно пытался перехватить Дашин взгляд. Потом Сашка предложил проветриться, и мы все засобирались на улицу.

Мне действительно показалось странным, что альбом, вышедший уже давно сейчас на пике популярности. Я не сильно разбираюсь в западных музыкальных течениях, но даже мне было понятно, что стиль, звук, а самое главное такой оголтелый и неприкрытый протест который я услышал сегодня вряд ли мог появиться пять лет назад. Но и идти против фактов тоже не стал, ведь я своими глазами видел дату записи на пластинке. Я честно попытался все списать на ошибку типографии, или студии звукозаписи, но это было маловероятно.

Мы с Ильей вышли из квартиры последними, Илья закрыл дверь и спрятал ключи в карман куртки.

- Андрон, ты что так разошелся?

Я не ответил, пожал плечами и ждал что будет дальше.

- Ты там у себя в газете вообще буквоедом стал... старый альбом, старый альбом, дата не та, заладил тоже. Какая нахрен разница, что за дата там стоит? Может и музыка там говно, но всем кстати понравилось. Кроме тебя.

- И поэтому я тоже должен пищать от восторга, так что ли?

Теперь уже Илья промолчал, только покачал головой и прошел вперед. Я спускался следом, злился на себя и на весь белый свет. Какого черта я вообще прицепился к этой дате? Не все ли равно?

На улице продолжал валить снег, все дурачились, но мне было не особо весело. Я больше ждал подходящего момента чтобы улизнуть домой. При этом я упорно старался не смотреть в сторону Дарьи, но постоянно ловил себя на том, что ищу взглядом ее красный пуховик. Когда я увидел, что Илья приобнял Дашу за талию, я развернулся и быстро зашагал в сторону дома.

Сразу после Нового Года у меня была запланирована поездка в Калугу. Нужно было осветить прорывную постановку в местном Драматическом театре «Любовь под каштанами» тамошнего главрежа Воронкова. Я конечно поеду и освещу как положено, это моя работа. Но я так же был в курсе, что с парткома спустили заявку на статью о Западной культуре. Я решил предложить редактору мои измышления о Sex Pistols, и тем самым получить пару очков на будущее. Ведь такая статья могла пойти мне в зачет, когда я подам заявление о переходе в международники. Тем более что раньше я уже писал о борьбе чернокожих артистов США за свои права, освещал кинофестиваль Московская неделя. Да и английский мой был уже на довольно хорошем уровне. Кроме того в следующем месяце у меня подходил к концу кандидатский срок и можно будет подавать заявление в партком. В общем, все шло настолько гладко, что я уже ждал подвоха.

В середине января меня вызвал к себе наш редактор Олег Дмитриевич. Он хорошо ко мне относился и всегда положительно отзывался о моей работе. Олег Дмитриевич или Горшок, как мы в редакции его между собой называли из-за дурацкой прически, был человеком старой закалки, прошел всю войну военкором и сейчас взвалил на себя непосильную ношу являясь одновременно и партгором и главным редактором нашей газеты.

- Андрей, статья твоя хорошая, но вот название ансамбля мы не можем так просто взять и оставить. Секс, понимаешь... Это же ни в какие ворота не лезет.

Я знал, что с названием будут проблемы, но я всегда давал возможность старику поучить меня уму разуму. Ему было приятно видеть, как железная рука партии в его лице направляет

мысли поколения в правильное русло. Кроме неуместного названия в тексте статьи я оставил еще несколько зацепок, на которые должен был клюнуть Горшок.

Поэтому я тут же поддержал его идею по поводу имени группы.

- Я тоже так сразу подумал, Олег Дмитриевич. Как раз хотел с вами посоветоваться. Мы же не можем просто изменить название, верно?

- Ну...

- Может, я тогда сокращу? Ну скажем, назову их просто Пистолз. И что м-мм... они мол, и некоторые другие популярные рок-ансамбли...

- Так называемые, - поправил меня редактор, - популярные не годится...

- Само собой. Можем написать популярные в некоторых около культурных кругах.

- Лучше вообще убрать популярные, Андрей. Ты уж мне поверь, я знаю о чем говорю.

Совместными усилиями мы лишили Sex Pistols сначала половины имени и индивидуальности, затем смешали их творчество с дерьмом, прошлись по поклонникам, обозначив их как больных, бездуховных наркозависимых и ведомых идиотов. Основной же скелет моей статьи остался без изменений, но по большому счету мне было совершенно безразлично, даже если бы она вся пошла под нож.

К тому моменту моя работа на поприще культуры уже не доставляла мне той радости и восторженной дрожи, которую я испытывал раньше, когда только пришел в редакцию сразу после универа. Разочарование пришло как только я понял, что мое личное мнение должно быть не просто согласовано с руководством, оно может быть оспорено, оно безусловно будет обрезано, выправлено, остругано и подогнано под необходимый формат. Но даже не это вызывало особую печаль, это еще можно было как-то перетерпеть, закусить удила и жить с этим. Наивысший же градус омерзения я испытывал тогда, когда мне необходимо было восторгаться тем, чем нормальный человек, мало-мальски разбирающийся в искусстве восторгаться просто не имеет права. Это уже было не просто подавление собственного мнения, а насаждение чужого, порочного и в корне неверного. Я надеялся, что на международном поприще эти проблемы если и не искоренятся вовсе, то отойдут на второй план. Там хотя бы все более-менее понятно, есть черное и белое, есть мы и есть наш классовый и непримиримый враг. Все-таки не такая тонкая материя, как искусство.

- Ты я смотрю метишь в международную редакцию? – в голосе Дмитриевича я услышал нотки ревности.

- Да, Олег Дмитриевич. Хочу. Честно скажу, я уже и заявление написал, но не подавал еще.

- Молодец, Андрей. Честно сказал и молодец. Я за тебя похлопочу, ты же знаешь. Ты мне как сын.

Олег Дмитриевич не соврал. Когда встанет вопрос о моем переходе в международную журналистику он действительно поддержит меня как будто я и вправду его сын или близкий родственник. Вот такой был у меня шеф. Несмотря на партийные предрассудки, он умудрился оставаться вполне добродушным человеком. Сказал, что поможет. Сказал, что я ему как сын. Кстати, я был коротко знаком с его сыном Артемом.

Олег Дмитриевич как-то пригласил меня на юбилей, я точно не помню что именно отмечали. Уж очень хотел Горшок познакомить меня с сыном, и я был не против.

В нашей редакции слухи об Артеме ходили довольно нелестные.

Поговаривали, что был он обычным тунеядцем и алкоголиком, который доставлял немало хлопот своему отцу. По хорошей отечественной традиции и с помощью мохнатой лапы Горшка Артем был пристроен сначала в приличный ВУЗ а потом и на работу мечты - в один известный столичный журнал. Но рвения к работе он не проявлял, постоянно валялся по больничкам, лечился от цирроза и белки.

Как у нас водится, слухи оказались верными лишь наполовину. Артем и вправду страшно пил. Но на это был ряд причин, некоторые из которых мне были абсолютно понятны. Да, отец действительно чрезмерно опекал свое чадо и это в большей мере наложило отпечаток на характер Артема. Он был баловнем судьбы, что в итоге сыграло трагическую роль в его жизни.

Мы быстро сошлись, так как нас связывала общая работа. Работа... О работе своей Артем отзывался не очень лестно, хотя он определенно мог стать талантливым журналистом. Мне посчастливилось прочесть его неопубликованные работы и рассказы, которые произвели на меня впечатление, я даже позавидовал его манере письма и умению подать материал. И конечно же все эти пробы пера резко контрастировали с тем, что выходило в печать.

Юбилей оказался довольно веселым мероприятием, так как большинство приглашенных были молодыми людьми. Мы с Артемом вышли покурить на балкон и он внезапно разоткровенничался.

- Понимаешь, я в этом журнале вообще лишнее звено.

- Да не нагнетай.

- Я тебе говорю. Какой толк в моей писанине, если все что я приношу, до печати доходит в кастрированном виде. Знаешь, если бы не отец то я бы вообще не пошел по этой теме, клянусь! Поехал бы на стройку какую-нибудь. А что? На БАМ например или что там у нас сейчас строят...

- Батя у тебя – золото, - вступился я за Горшка.

- Ты его просто не так хорошо знаешь, как я. Он сначала сделает то, что тебе совсем не нужно. Ну, то есть оно вообще тебе не уперлось, понимаешь? Навяжет, втиснет! На мол, принимай подарок с барского плеча. Не отказывайся. А потом будет вспоминать годами. И нудить, и нудить... типа, помнишь, я мол тебе тогда помог. Цени, сынок. Цени! Помру, кто тебе помогать будет?

- Да брось. Он же для тебя старается.

Артем хмыкнул и щелчком выбросил окурочек в сумерки. Мы смотрели как он описал широкую дугу и где-то там внизу рассыпался искрами, ударившись о ветви тополя.

Особенно близко мы не сдружились, по причине того, что Артему нужен был не просто собутыльник, а союзник и партнер, который планомерно себя уничтожает, а в мои планы это не входило. Олег Дмитриевич постоянно спрашивал меня о своем сыне, что да как. Горшок очень хотел сдружить меня с Артемом, потому что чувствовал, как теряет контроль над ним, а это было не в его стиле. По этой причине я стал желанным гостем как в доме Горшка, так и в его рабочем кабинете, где он учил меня журналистскому искусству врать напропалую и безоглядно несмотря на собственное мнение и вольные мысли.

Мы иногда созванивались с Артемом, встречались у них дома или в редакции, пару тройку раз даже выпивали вместе, но в такие моменты Артем становился совершенно несносным. Алкоголь развязывал ему язык и риск попасть за компанию с ним в неприятности был довольно велик. А при последней нашей встрече сын Дмитрича выглядел бледным, тощим как щепка и совершенно подавленным. Это произошло случайно, мы просто столкнулись на улице возле здания ТАСС.

- Ты на диете что ли? – пошутил я.

- И не говори. Только у меня диета особенная. Индивидуальная, так сказать. Собственная разработка. Сечешь?

- Хорошо работает, значит. Результат налицо.

Артем глубоко затянулся сигаретой и я заметил как дрожат его пальцы. Он сделал над собой усилие и улыбнулся.

- Это не предел, Андрей. Через месяц ты меня не узнаешь, да и вы все.

Он замолчал на мгновение и посмотрел на меня совсем как-то отчужденно.

- Устрою вам сюрприз.

Меня внезапно охватило тяжелое предчувствие, но я не обратил на это внимания, так ничего и не сказав моему тогдашнему шефу. Вернее, я просто забыл. Счел это не столь важным, да и дел у меня было выше крыши в связи с переходом в международную редакцию.

В конце концов Артем таки сделал то, что обещал. Как раз через месяц. Когда Олег Дмитриевич позвонил мне и сообщил о смерти сына, я чуть было не разревелся. Я вспомнил наш последний разговор и пожалел о том, что не предложил ему посидеть где-нибудь, пообщаться. Да, возможно и выпить! Ведь тогда я почувствовал, как что-то темное витало вокруг головы Артема, причем такое явное, что я его как будто даже мог видеть и потрогать рукой. Возможно, мне бы удалось уговорить его... Хотя, вряд ли. Что я мог ему сказать? Хорош бухать - жизнь прекрасна... так что ли? Боюсь, мои призывы не возымели бы действия.

Да, мы не были с Артемом закадычными друзьями, но из уважения к Дмитричу на похороны его сына я не мог не прийти.

- Ты знаешь, это несправедливо, когда родители переживают своих детей. Это противоречит всяким законам, Андрей. Дети должны провожать нас на тот свет, не мы... Знаешь, Артемка был хорошим парнем, он же по сути добрый и отзывчивый. Помню, маленький когда был так прямо не отходил от меня, когда мы на даче отдыхали... ну, как отдыхали? Ты же знаешь, что за отдых на даче, только работа, еда да сон. Так он вечно возле меня крутился, папка, папка дай помогу...

Дмитрич смахнул слезу и нервно сглотнул горечь и тоску, спрятал их глубоко в своей утробе. Я честно говоря не знал что ответить, я вообще не имею понятия что сказать человеку, который ребенка потерял.

На похоронах Артема были так же и те, кто распускал слухи о его «подвигах». Вот ведь парадокс, о мертвых или ничего или... при жизни люди могут говорить что угодно, но как только помер, давай о покойнике дифирамбы петь.

Все эти слухи, которые распространяли дамы из нашей редакции или из бухгалтерии - особенно из бухгалтерии - были пронизаны жалостью к Дмитричу и брезгливостью к Артему. «Артем попал в милицию за драку. Артем украл у отца деньги и пропил их. Артем снова попал в вытрезвитель. Артем позорит своего отца, уважаемого человека. Артем то, Артем се».

Сейчас они говорили совершенно противоположное. Дамы из нашей редакции и бухгалтерии - особенно из бухгалтерии - куксились, шмыгали мокрыми носами и смахивали воображаемые слезы. Аккуратно, чтобы не повредить макияж.

Могли ведь слухи эти быть спровоцированы просто завистью? Безусловно. Молодой, красивый парень, с ходу поступает в МГУ на журфак, косит от армии, потом журнал, успех, признание, алкоголизм и смерть. Как я уже говорил, его статьи не были гениальными по понятным причинам, и это давало возможность людям несведущим завидовать и даже отчасти презирать Артема. Кроме неизданных рассказов, я ведь тоже читал его статьи в журналах, и прямо скажу ничего особенного в них не было. Обычная проходная дрянь.

Я на секунду подумал, а что можно сказать о моих собственных статьях? Полюбился ли читателю мой репортаж о постановке в Калужском Драмтеатре пьесы «Любовь под каштанами» или как там она называлась? Какими возвышенными словами я описывал историю любви шофера к работнице общепита, и как положительно отношения эти повлияли на их успехи в производственном плане. «Прорыв в театральной сфере, мы в авангарде жанра», и так далее... Сам то я что бы сказал, прочти я эту статью под авторством того же Артема? И кстати, спектакль я выдержал только до середины первого акта, бегло полистал сценарий, поговорил с режиссером и взял интервью у главной героини.

Ну или еще один перл - моя статья о борьбе черных артистов в США за свои права? Я ведь никогда не дискутировал об этом с черными. Я даже не знаком ни с одним иностранцем, уж не говоря о зарубежных артистах. Но подать негодование угнетаемых негров нужно было так, чтобы это выдавило слезу у руководства и не шло в разрез с направляющим вектором

газеты. Выходит что я просто писал не то, что думаю. Вернее, не то о чем имею хоть маломальски понятие. Работа такая, что тут поделаешь...

Я отчетливо понимал, что покойный сын Олега Дмитриевича строчил свои «шедевры» в такой же невыносимой обстановке. Мы ведь живем... вернее, жили в одной стране, сражаемся за одни и те же ценности... Ну что я мог сказать несчастному отцу в качестве утешения?

- Знаете что, Олег Дмитриевич, Артему было просто тесно в рамках...

Я не договорил, в каких рамках было тесно сыну Горшка, потому что понимал, что бесполезно объяснять партийному функционеру о свободе творчества. А во-вторых, если услышат посторонние, то могут не так понять и применить меры. И тогда прощай перспектива зарубежных поездок. А ведь у меня все уже было на мази.

- Да, Андрей. Все у нас как-то так...

Я решил не обсуждать столь щекотливые темы на предмет «что и где у нас не так» пользуясь нестабильным состоянием Дмитрича и больше в тот день с ним решил не разговаривать, но он сам нашел меня и взяв за руку отвел в сторону.

- Знаешь что, ты заходи ко мне, не забывай старика.

Я пообещал что непременно и вскоре смылся, потому что уже не мог выносить все это.

Глава 3

Рассказ о правде.

Суббота. На улице стоит лютый мороз, пожалуй впервые за несколько последних лет термометр замерз на отметке минус 32. В такую погоду лучше всего оставаться дома, пить чай, читать или просто валяться на диване и думать о чем-нибудь... тем более мне было над чем подумать. Впервые за несколько лет я почувствовал, как вселенная разворачивается ко мне, и теперь только от меня зависит, насколько долго мы будем находиться в этом нестабильном и вечно меняющемся положении.

- Mam, ты атлас не встречала?

Мама заглянула ко мне в комнату.

- Он на полке где-то, Андрюша.

Благодаря маме и покойному отцу у нас в доме имелось много книг, поэтому отыскать нужную порой бывало сложно. Я рыскал взглядом по разноцветным корешкам, разыскивая знакомый золотой узор на зеленом фоне.

- Ma, ну я же просил... вечно ты засунешь куда-то.

- Не надо его бросать где попало.

- Я не бросал.

Это было явно несправедливо по отношению ко мне, ведь у меня всегда и во всем был порядок. И мама знает, если я положил ножницы в верхний ящик секретера, значит им там место и они там лежали и будут лежать всегда. Она в то утро как будто сама нарывалась на конфликт, но я не был в настроении это поддерживать, потому что...

Потому что я знаю настоящую причину ее нервозности - маме не нравится, что я в моем возрасте рассматриваю атлас, словно мне три годика. Разве что не вожу пальцем по страницам как раньше и не шепчу названия стран и городов, пуская слюни. Просто разглядывание карт помогает мне сосредоточиться или расслабиться, смотря какую цель я преследую в данный момент. Иногда мне просто нужно подумать о чем-то своем и я достаю атлас, раскрываю на случайной странице и начинаю свое путешествие. Каждый раз новое.

Ну а сегодня подумать было над чем. В понедельник к обеду мне нужно сдать статью в которой я разъясню читателю, почему советский человек гармоничен априори. И почему такой же индивидуум на Западе полностью раздираем и разлагаем противоречиями. Не то чтобы я не знал, как выразить свои мысли. Знал, конечно. Меня долго учили оперировать штампами и меньше думать головой, но мне хотелось чего-то большего. Хотелось лично поговорить с человеком, который действительно находится по ту сторону, который на собственной шкуре чувствует хищные зубы капитализма и его цепкие пальцы на своем горле. Кроме того, меня будоражило желание сразить заветделом своим видением темы и стилем. И если уж взять реальное интервью у реальной персоны у меня возможности нет, можно хотя бы вообразить такую возможность.

Я открыл страницу наугад, выпала карта Лондона с пригородами. Столица Великобритании напоминала цветок розы, который бросили на землю, придавили каблуком и расплющили. Этим карта Лондона очень похожа на карту Москвы. Но это пожалуй единственное сходство. Я пересек Темзу по воображаемому мосту в районе Гринвича и двинулся вдоль реки по направлению в Челси, миновал Тауэр и Вестминстер. Вокруг меня шныряли прохожие. Все как на подбор в котелках и пенсне, с тросточками... Нет, не так. С черными зонтиками в руках. В каждом взгляде чувствовалась тревога, наверняка всех их раздирают противоречия, точит изнутри червь неуверенности в завтрашнем дне... Я раздумывал, кого из них лучше выбрать в интервьюеры. Может вон та пожилую даму в старомодном чепчике? У нее наверняка найдется что порассказать. Или вот этого молодого повесу... В этот момент я увидел бездомного,

сидящего прямо передо мной на куче тряпья. Уж он то в полной мере может удовлетворить запросы нашего читателя и рассказать, как его заживо сжирает акула капитализма...

- Андрюша, а куда Катя делась? Давно ее не видела.

- Мам, не начинай.

- Такая девочка хорошая...

- Мы расстались. Ма, слушай займись своим борщом или что ты там варишь.

- Жаль, - сказала мама и отправилась на кухню, только бросила через плечо, - солянку.

Катерина очень нравилась маме, но очень недолго оставалась в орбите моих увлечений. Она была совсем молоденькая, юная и доверчивая практикантка. Закончила школу и появилась у нас в редакции как поток свежего морского бриза. Честно говоря, связь наша возникла совершенно спонтанно и я бы даже сказал вопреки здравому смыслу. Просто я точно знал, что это несерьезно и ненадолго. И как раз это легкое и ни к чему не обязывающее чувство легче всего помогало мне сойтись с женщинами. Но стоило возникнуть чему-то серьезному, как мной овладевала неуверенность, граничащая с животным страхом.

Горшок закрепил Катерину за мной, посчитав почему то, что я буду безмерно счастлив. Сказать по правде, какое-то время так оно и было. В Катерине все было прекрасно, но между нами наблюдалась огромная пропасть, она хотела веселиться, встречаться со своими сверстниками и кушать бланманже в «Шоколаднице», я же просто хотел немного секса и покоя. С сексом получалось не очень, а с покоем вообще плохо. Я был у Катерины первым мужчиной, поэтому практика не ограничивалась только производственным процессом, продолжаясь в постели. Иными словами, я занимался своей подшефной достаточно плотно как в рабочее так и в нерабочее время, поэтому покоя я был лишен окончательно. На работе никто ничего не подозревал, по крайней мере я старался не вести себя безрассудно.

- Настоящий тандем у вас, - восхищался Олег Дмитриевич.

У моих друзей однако был свой взгляд на подобные тандемы.

- Не трахайся где работаешь и не работай там, где трахаешься, - сказал однажды Илья.

Впрочем сам Илья трахался везде где только мог. Не могу сказать точно, делал ли он это на работе. Но определенный смысл в его словах был. Когда я решил расстаться с Катериной, жизнь моя на работе превратилась в настоящий ад. Катя ходила по редакции с мокрыми глазами и красным носом словно немой укор моей похоти. Я вздохнул с облегчением, когда практика закончилась и Катя вернулась к бланманже и веселью. А может быть она поступила, я не интересовался.

Я снова погрузился в созерцание карты Лондона. Где же я остановился? Ах да! Напротив Вестминстерского дворца. Вот и бездомный, которого я оставил на мостовой. Возможно он уже давно потерял работу и жилье. Семьи у него тоже наверняка нет. Возможно она была раньше, но кто же будет терпеть рядом человека, потерявшего работу. Жена тут же оставила его и сбежала с банкиром в Малибу. А мой персонаж запил с горя и...

- Андрей, ты молоко забыл купить, - донеслось с кухни.

Ожившая было картинка внезапно рассыпалась на детали, которые тут же растаяли в воздухе.

- Щас схожу.

Я накинул куртку и выскочил на улицу. Гастроном был прямо на первом этаже нашей «сталинки». На кой ляд сдалось ей молоко? Я думаю, маме просто не нравится что в выходной день я сижу дома, вместо того чтобы проводить время в компании друзей. Но больше всего она хочет, чтобы я нашел себе приключений на задницу в виде какой-нибудь скромной доверчивой девушки с русой косой по пояс и румяными щеками. Желательно при этом чтобы избранница моя страсть как хотела детей и могла испечь в духовке что-то эдакое невообразимо пышное и благоухающее сдобными ароматами. И тогда мама при случае сможет похвастаться подругам, смотрите мол какая у моего Андрюшки хозяйственная жена. Мне же наоборот хотелось

чего-то совсем другого. Я вспомнил о своем юношеском увлечении Еленой Александровной и представил как я привожу ее к нам домой в качестве своей жены. У Елены Александровны длинные ноги, роскошные огненные волосы и ни грамма таланта в плане испечь пирог. Зато у нее наверняка имеются иные таланты, раз ей так быстро удалось подцепить таинственного атташе. Кроме того, у нее уже есть сын, отличный взрослый парень мой ровесник и друг Илья. Думаю, маму хватил бы удар, сотвори я такое.

Честно говоря, я вообще старался избегать отношений. Я бы не хотел, чтобы моя устоявшаяся жизнь перевернулась с ног наголову, превратилась в постоянный контроль за тем, насколько искренне я буду исполнять чью-то постороннюю волю. Мне этого и на работе с головой хватает. С этими мыслями я пристроился в хвост очереди за молоком.

- Привет! – кто-то дернул меня за рукав куртки и я оглянулся.

Передо мной стояла Дарья, в том же самом красном пуховике и огромной вязаной шапке, натянутой по самые брови. Сегодня ее глаза не казались мне такими печальными. Меня как будто парализовало и я даже не мог сказать, ответил ли на ее приветствие.

- Живешь здесь? – спросила Даша.

- Привет, да... Ну, не прямо здесь, конечно. На пятом этаже. Со двора...

Я нелепо повел плечами и рукой, показывая с какой стороны нужно обогнуть магазин, если вдруг будет желание попасть ко мне в квартиру. Даша мило улыбнулась и посмотрела на меня так, что я тут же заперезживал насчет своих устоявшихся принципов. Принципов, которые еще секунду назад казались мне незыблемыми.

После нашего знакомства в Новогоднюю ночь я пару раз встречал Дарью вместе с Ильей, помню что меня это немного расстроило, поэтому последнее время я старался вообще не вспоминать о Даше да и с Илюхой почти не общался. А между тем прошло чуть меньше года.

- Ты меня пропустишь? – она заговорщически шепнула мне в самое ухо и кивнула в сторону очереди, которая уже извивалась за моей спиной, словно змеиный хвост, - мне только маслица взять.

Она так произнесла это свое маслица, что я тут же вспомнил и Новый Год и свой внезапный страх и порыв одновременно, которые я тогда почувствовал. Дама стоявшая сразу за мной недовольно фыркнула и принялась рассматривать кафельную стену молочного отдела, кроваво-красный рисунок которой напоминал разрезанную плоть коровы с прожилками белого жира.

- Так что? – снова шепнула Даша.

- А?

Дарья поняла, что если я буду продолжать тупить, ее тут же выпрут из очереди и неожиданно взяла меня под руку, словно старого знакомого. Она положила голову мне на плечо и я почувствовал как земля уходит у меня из-под ног.

Мы заняли столик возле окна в небольшом торцевом зале гастронома, где продавали соки и молочные коктейли. Я подошел к прилавку за которым стояла женщина-глыба с квадратным подбородком. На ее макушке красовался белый чепчик.

- Вам что? – произнесла глыба не открывая рта.

- Два молочных.

- Сироп надо?

Я повернулся к Дарье, сидевшей возле окна. Она сняла свою огромную шапку, ее растрепанные волосы рассыпались по плечам. Даша не смотрела в мою сторону, наблюдая как за окном падает снег.

- Сироп надо? – рявкнула глыба и я вздрогнул.

- Не надо сироп.

Я взял два ледяных стакана и направился к столику. Дарья повернулась ко мне и наши взгляды встретились. Я сказал сам себе, почти вслух: «Не будь идиотом! Не отпускай эту

девочку!» Я не понял, действительно ли сказал это вслух. Возможно и так, но только очень тихо. Да, так и было! Мои губы при этом еле шевелились. Наверное так же минуту назад говорила со мной женщина-глыба.

Я начал довольно осторожно, чтобы не спугнуть Дашу раньше времени. Чтобы не разочароваться, не оказаться внезапно отвергнутым по какой-то причине. Я старался уловить в ее жестах, словах или взгляде точно такую же осторожность, а еще лучше намек на то, что она не просто так сидит здесь со мной и пьет холодный молочный коктейль. Сразу спросить о ее отношениях с Ильей я все-таки не решался. Из двух вариантов ответа мне бы не хотелось получить тот, который сразу же расстроит меня и сделает наши посиделки в кафе бессмысленными. В данной ситуации я предпочитал мучиться, вместо того чтобы умереть быстро и без боли. Я ненавидел себя за это но ничего не мог с этим поделать.

- Ты тоже здесь живешь где-то? – спросил я.

- Нет, работаю. Поликлинику знаешь на Бирюзова?

- Маршала Бирюзова? Знаю конечно.

- А ты журналист, кажется? Илья что-то такое рассказывал.

- Да, вроде того.

В магазине было довольно жарко, Дашины щеки горели, волосы на висках и на лбу стали влажными и она постоянно поправляла их рукой. Мне вдруг захотелось дотронуться до нее, ощутить пальцами ее разгоряченную кожу. Еще немного и я готов был признаться, что очень хорошо помню вечер нашей первой встречи, что всю следующую ночь я думал о ней, что искал взглядом ее красный пуховик, и сразу сбежал, как только увидел, что Илья ухватил ее за талию. Хотел признаться, но не решился.

Мы сидели довольно долго, разговаривали о работе и о прошедшей учебе, о друзьях и родственниках, об увлечениях, о том что нравится и о том, что раздражает. Мне показалось, что Даша так же как и я избегает щекотливой темы и за все время не словом не обмолвилась об Илье. Мы были словно два волка, которые встретились случайно в зимнем лесу, приюжились и заглядывали украдкой друг другу в глаза. По крайней мере мне очень хотелось так думать, но я не могу сказать думала ли она о том же самом.

За окном уже начало смеркаться, я забыл причину по которой оказался в гастрономе, но теперь у меня не было желания покидать это место. Я вдруг захотел остаться здесь навсегда, просто сидеть напротив Даши и разглядывать ее красивое лицо, смотреть как она улыбается. Но всему хорошему рано или поздно приходит конец. Реальность вернулась и навалилась на меня тяжким бременем. Дарья посмотрела на висевшие в зале часы.

- Андрей, мне бежать надо. Дома уже заждались наверное. С работы позвонила, сказала что еду, только в гастроном заскочу... а уже пять почти.

Мы вышли на улицу, где все еще валил снег. Я не знал что сказать, а времени оставалось все меньше и меньше. «Попроси у нее номер телефона, болван! Не отпускай ее просто так! Ну что же ты ждешь?» - твердил голос в моей голове, но я всеми силами старался его заглушить.

- Мне на метро, - сказала Дарья и протянула руку.

Наверное это все. Ну да, чего я собственно говоря ожидал? Просто Даша увидела меня в очереди, вспомнила Новый год... ну посидели, поболтали о всякой ерунде. Это же все имеет простое объяснение. А я уже размышлялся, нарисовал себе картинку про двух потерянных в лесу волков... Чушь какая-то.

Я просто чуть дольше подержал в руке ее маленькую теплую ладонь, буркнул: «пока», и побрел в противоположную сторону.

Через пару шагов я остановился, оглянулся и как год назад начал вглядываться в темноту, разыскивая красный пуховик. Сквозь падающие белые хлопья я увидел, как Даша идет в сторону станции метро. Не оглядываясь.

Да, против Ильи шансов у меня просто нет. Я представил как он трахает Дарью, как она извивается под ним, а он шепчет ей на ухо какую-нибудь гадость о ее киске или что-то в этом роде... Я хотел вызвать в себе отвращение к Даше, но образ этот возымел обратный эффект. Это было невыносимо, мне нужно было переключиться на более важные вопросы. В конце концов мне тоже надо быть дома и заняться делами. Позвоню Горшку и попрошу помочь со статьей, понедельники ведь никто еще не отменял.

Мама скорей всего уже и не ожидала увидеть меня сегодня. Да еще и с пакетом молока.

- Ты куда пропал то? Пять часов, остыло уже все! Есть будешь?

Я поймал себя на мысли, что это просто прекрасно. Мы снова вдвоем - мама и я. И нет никакой посторонней женщины, о которой нужно беспокоиться, которую надо ублажать, думать о том, понравится ей или нет... какой бы распрекрасной она ни была.

- Ага, мам. Я только позвоню.

Я набрал Олега Дмитриевича и слушая длинные гудки в трубке, все-таки думал о сегодняшней встрече с Дарьей, о том какая у нее гладкая кожа на щеках, о том какой блеск излучали сегодня ее глаза и еще раз почти тактильно ощутил ее теплую ладонь в своей руке. Одновременно с этим какой-то еле заметный червячок ревности точил меня изнутри. И эта червоточина не давала такому уютному домашнему вечеру стать по настоящему счастливым.

Наконец Горшок снял трубку и я услышал его хриплый голос:

- Слушаю.

- Вечер добрый, это я... Андрей. Не заняты?

- Андрюшка! Нет, нет... все нормально, говори. Рад слышать.

- Олег Дмитрич, разговор есть. В общем, помощь ваша нужна.

- Помогу чем смогу, Андрюш.

- Завтра можем встретиться, Олег Дмитрич?

- Ах ты-ж! Я завтра в Останкино целый день... разве что в обед. Срочное что-то?

- Да ладно, я сам тогда.

Но Горшок уже ухватился за меня как курцхаар за подстреленную куропатку и не хотел отпускать добычу. Его помощь кому-то нужна, а это для Дмитрича святое. Эх... Артем не оценил, а мне такая функция моего бывшего шефа вполне подходит.

- Я тебе пропуск на студию выпишу. Во сколько приедешь?

- Ну, в обед. Я не знаю, как вы скажете...

- Давай в час. Знаешь где бюро пропусков?

Я не знал, так как никогда не был на телецентре. Горшок мне все объяснил и пообещал что пропуск будет меня ждать в понедельник уже часам к двенадцати.

- Паспорт не забудь. До завтра.

Мы молча ели приготовленную мамой солянку и слушали по радио нечто заунывное про сельскую жизнь и любовь. Музыка, сопровождавшая постановку нагоняла невероятную тоску и рвала мою душу на куски. Мама даже не заметила что со мной творится что-то неладное, а может быть просто старалась не подавать виду. Иногда мне казалось, что она вообще не замечает моего присутствия и вообще ведет себя странно. Пару раз я заставал ее на кухне или в гостиной, сидящей на табуретке или в кресле с совершенно стеклянным взглядом. Иногда она разговаривала сама с собой, но я не придавал этому особого значения. Видимо ей было одиноко, да и смерть моего отца она пережила довольно тяжело.

- Ма, ты помнишь соседа нашего по коммуналке? Рымаря?

- Ивана Карповича? Помню, конечно... а что?

Я впервые рассказал маме о том, о чем поведал мне в свое время отставной прапорщик перед самым своим арестом. О восточной Германии, о строительстве Берлинской стены, о собственных страхах и об утопической теории про западных немцев. Я не стал ей рассказывать

только про странных друзей Дуремара, которые появились незадолго до прихода санитаров. И конечно же я умолчал о том, как следил за этими странными людьми прячась за кустами сирени. Думаю, мама снова стала бы нервничать, а мне сегодня нужно выспаться а не бегать пол ночи за водой и таблетками.

- Да ну... ерунда какая-то, - резюмировала мама, - как это такое может быть, что там никого нет? Нам по телевизору только и показывают, то самолет захватили, то у них цены растут.

- Я за что купил, за то и продаю. Я сам за границей не был, и не знаю у кого спросить можно. Я факты люблю, мам. Я же журналист или где?

- Ой, моя Элеонорка ездила в Болгарию по турпутевке, - внезапно вспомнила мама, - так что Болгария есть. И болгары есть.

- Элеонорка это которая бухгалтер у вас была? – спросил я, хотя прекрасно знал, что бухгалтерша на последней маминой работе была Зинаида Андреевна.

- Нет! Бухгалтерша, это Зинаида...

- Да знаю я мам! – рассмеялся я и тут же получил полотенцем по голове.

- Паршивец.

- Болгария не считается, - сказал я и встал из-за стола.

В воскресенье, ровно в половине первого я был уже у входа в Останкино. Телецентр жил своей жизнью и не имел права на отдых, потому что людям нужно что-то посмотреть по телеку не только по будням но и в выходной день, чтобы потом это обсудить, осудить или единогласно одобрить. Я бы даже сказал - особенно в выходной день.

Получив пропуск я поднялся по лестнице к лифтам, где меня уже поджидал Горшок.

- Давай поднимемся наверх, здесь столовая хорошая есть. Там все обсудим, заодно и поедем. Голодный?

Я сказал что не очень, но за компанию поем. Тем более хочется посмотреть, что это за столовка такая хорошая в Останкино. Мы поднялись на лифте, прошли каким-то невероятным лабиринтом коридоров и наконец попали в довольно маленькую столовую, нашли свободный столик и расположились за ним. Горшок здорово поседел за то время, что мы не виделись. Шутка ли, потерять сына в расцвете сил и лет... переживал конечно же и думал наверное об этом постоянно. Но несмотря на это держался Горшок бодро.

- Хорошо что позвонил, Андрей. Рад, что не забываешь старика. Так что там у тебя за проблема? Статья не выходит?

- Да в общем то затык сейчас по ряду вопросов. Статья - это так, повод всего лишь.

Я изложил Олегу Дмитриевичу вкратце свою проблему. Не имея опыта в международной журналистике я должен выдавать материал, о природе которого понятия не имею. У меня нет возможности общаться с иностранцами, пока еще я никуда из страны не выезжал. Конечно, я могу сострять фельетон на заказ, оперируя только штампами и заготовками, но как воспримет это мой новый шеф? До этого я уже написал несколько статей и обзоров, но там было все относительно просто. Я под кальку копировал уже готовые материалы с якобы проверенными фактами, чуть добавлял от себя, подправлял стилистику и сдавал шефу на подпись. Но я находился буквально в растерянности, зачем я оканчивал МГУ? Чтобы просто переписывать готовые тексты? Мне хотелось получать больше фактов и на их основе строить и подавать материал. В общем, мне нужен был совет, насколько я свободен в своем творчестве.

- Факты? На одних только фактах далеко не уедешь, Андрюш.

- Ну вы скажете тоже... Я когда в культуре работал, то хотя бы с людьми общался, фильмы смотрел, спектакли. Интервью брал, с натурой работал. И если фильм был полное дерьмо, я мог написать, что авторы не дотягивают, героиня поверхностно отыграла... ну вы поняли...

- Слушай. Не хватает фактов, включи воображение. И вообще, ты себе как представляешь взять интервью у иностранца? Он что, правду тебе скажет? Они же враги наши идейные, у них в башке только и мыслей, как нас всех уничтожить.

Дмитрич говорил тихо, но я все равно боязливо поглядывал по сторонам.

- Олег Дмитриевич, я ведь в международники поэтому и подался, думал что у меня свободы будет больше...

- Может хочешь обратно вернуться? - съязвил Горшок.

Конечно же о возвращении и речи быть не может, сказать что я хочу вернуться, это признать что все мои труды были напрасны. И не только мои, ведь Дмитрич тоже приложил немало усилий для моего перехода, поэтому я тут же ответил:

- Нет, конечно.

- Понимаешь, Андрюша... свобода она ведь не всегда нужна и не всегда полезна. Я тебе так скажу, в каждой редакции своя степень свободы имеется, но по большому счету разница будет невелика, культура это или политика. А у правды как у и монеты две стороны, а цена одна, понимаешь? Я когда во время войны военкором работал, меня здорово натаскали в первые годы. Я тебе сейчас расскажу историю, но это строго между нами, Андрей. Никому ни-ни, понял?

Я кивнул.

- Я в августе сорок первого был под Вязьмой, немец тогда пер страшно, по всем направлениям. Дороги разбитые, грязь... Еле выбрались, водитель мой контуженый машину вел, кровь ушами хлещет... а он все равно баранку крутит, не стонет. В общем, спешим в Москву. Вернулись слава Богу в редакцию и я ребятам нашим возьми да и расскажи. Секретов между нами не было. Ну я сводку подготовил для газеты и к начальству значит. Прихожу. Сидит наш редактор Светлов и парторг, Степаненко Богдан Иванович. Хороший мужик был. Прочитали они статью и Степаненко говорит, какие к черту немцы в Вязьме! И тычет мне картой, вот мол смотри! Минское направление. Вот где они сейчас! Где Вязьма, а где Минск! Тут ещё выясняется что кто-то из наших доложил, мол я слухи распускаю и деморализую личный состав.

- Жесть какая-то, - сказал я.

- Погоди, Андрей. Это ещё не все. Жесть дальше будет. Закрыли меня в подвале, прямо там, в здании газеты. Связали руки, ноги. Сиди, говорят. Будем разбираться. Не знаю сколько уж я там сидел, может часов пять, может больше. Потом пришел Богдан Иваныч и два солдата с ним. Развязали, постригли меня и побрили, дали чистое исподнее и я при них переодеваюсь. А у самого руки трясутся, не знаю что и думать. И они молчат. Завязали мне глаза и вывели во двор. Я стою босой в грязи, дождь льет как из ведра. Пришел так же Светлов, я его голос услышал. И тут Богдан Иваныч вдруг зачитывает мне приговор, громко так, с выражением. За деморализацию личного состава в военное время и так далее...

Горшок минуту помолчал и задумался, наверное снова переживал тот непростой эпизод своей жизни.

- Да. Я тогда на колени упал, плакал даже. Да, Андрюш, вот прямо в ногах у них валялся. Но меня снова поставили на ноги и Богдан Иваныч скомандовал - огонь!

- Ну и? - спросил я, с трудом веря в то что услышал только что.

- И ничего. Стреляли в воздух. Я чуть не помер тогда, Андрюш. И без пули сдох бы прямо там во дворе, идти обратно сам не мог, ноги не шли. А потом дали мне сто грамм спирта, мой листок обратно. Степаненко сказал, у тебя мол 20 минут есть чтоб все исправить. А у меня руки не слушаются, я карандаш держать не могу. Но кое как справился, жить то хочется.

Мы молчали несколько минут. Я переваривал услышанное.

- И вот скажи мне теперь, кому стало бы лучше узнай народ, что немцы уже под Вязьмой? Героизма бы у них прибавилось? Сомневаюсь. Богдан Иваныч толковый был мужик, дельный. И душевный, кстати. Он много чего понимал в партийной работе и пропаганде. Это уже через

года два, уже в 43 можно было с фронта правду писать, когда мы немцев обратно на Запад погнали. Правда, Богдан Иваныча уже не было с нами... Жаль его...

- Погиб? – спросил я.

- Расстреляли через полгода. За измену Родине.

- Как же так... Он что предатель был?

- Да какое там! Завистников везде хватает. Вот такая у меня для тебя история есть, Андрей. Она и про правду... и про факты твои. Правдивей некуда.

- Не сравнивайте. Тогда время было другое, война.

- Брось! Время, оно всегда одно, Андрюш. Я вот в Останкино сегодня по какому поводу, знаешь?

- Нет.

- Программу снимают ко дню журналиста. И меня как участника войны и военкора пригласили рассказать, что оно и как в те годы происходило. Обмен опытом и советы старшего поколения... Ты думаешь им понравится, если я сейчас выйду и расскажу как очевидец эту вот правдивую историю?

Я промолчал. Конечно же, эту историю не то чтобы не одобряют, я думаю Горшка за такие откровения и из партии выпереть могут.

- В общем у кого-у кого, а у вашего поколения свободы для творчества выше крыши. Фантазия у тебя имеется, так что дерзай. Ты главное помни, на Западе про нас правды никогда не напишут, да и про себя тоже. Адмирал Мерино или Пиночет могут младенцами питаться, но они этого не заметят, найдут им любое оправдание. А мы что, рыжие! Будем бороться с ними тем же оружием. Так что ты тоже можешь особо не стесняться. Ясно?

Горшок глянул на часы и присвистнул.

- Однако, заболтались мы с тобой. У меня перерыв уже заканчивается. Дорогу сам найдешь?

Я кивнул и побрел по коридору, раздумывая о том, что только что услышал.

Я блуждал лабиринтами Останкино и никак не мог вспомнить, в какой стороне находятся лифты. Пару раз я уточнил у спешащих по своим срочным делам работников, они указывали в совершенно противоположных направлениях и в итоге я совсем потерялся.

В конце концов лифт я все-таки отыскал, в кабину мгновенно набилось человек пять, кто-то нажал кнопку и мы двинулись вниз. Я вышел на первом этаже, но совершенно не узнал холл, в котором мы встретились с Олегом Дмитриевичем. Я снова стал приставать к работникам телецентра.

- Скажите, центральный выход в какую сторону?

- Это не здесь, тут павильоны только. Вам нужно к лестнице.

- Простите, это куда?

Мне снова указывали направление и я брел какими-то лабиринтами, пока не оказался в полутемном коридоре с большими металлическими дверями по обе стороны. Коридор местами расширился, превращаясь в огромные темные залы.

Я шел и думал о том, что мне только что рассказал Горшок. Неужели все это правда? У меня были несколько иные представления о войне, о работе военкоров и уж тем более о партийных руководителях в армии. Я представил на минуту, что бы я делал на месте Дмитрия, попади я в подобную ситуацию. Тоже умолял бы наверное, плакал. Хватал бы их за руки, обещал бы все на свете, но не в расход... на передовую, под танки, куда угодно, только простите. А может нет? Гордо и молча стоял бы и ждал расстрельную команду, думал о том, что вот сейчас пострадаю за правду но не упаду на колени, не стану унижаться и плакать. Дудки вам, не стану я переписывать донесение... если немцы под Вязьмой, значит так и напишем! И пускай расстреливают. Ну и что дальше? Расстреляли бы, а потом сами переписали сводку

или поручили бы какому-нибудь зеленому писаке поменять Вязьму на Минск и дело в шляпе. Так что понапрасну бы погиб герой-журналист Андрей такой-то...

Олег Дмитриевич так спокойно рассказывал про расстрел, словно это все не с ним происходило! И этого ублюдка, который таким вот образом решил поучить жизни молодого военкора он еще называет отличным мужиком! Душевным! Он мол прекрасно разбирался в партийных делах. Хороши дела, без суда и следствия расстреливать своих же сотрудников. Это что, шутка такая?

Я заметил что одна дверь была приоткрыта, в щель пробивался свет и приглушенные голоса. Я сомневался лишь мгновение, затем решил посмотреть, что происходит внутри.

Это был внушительных размеров павильон, освещаемый огромными софитами. Я не сразу заметил то, что находилось по центру этого павильона. Первое что бросилось в глаза, это пульт звукозаписи, группа работников в наушниках и с рациями в руках, оператор, статисты, администраторы, и длинная стрела съемочного крана, которая в этот момент описывала широкую дугу прямо над их головами. Я постепенно привык к яркому свету и увидел, что в центре площадки находится огромный полотняный экран с видами Нью-Йорка, на переднем плане несколько фонарей, искусственных деревьев, скамья и пара статистов в пальто и шляпах, которые по всей видимости изображали обычных прохожих. Откуда-то сверху, из самой темноты над софитами падали хлопья искусственного снега. Я было подумал, что снимается какой-нибудь сериал или телефильм из жизни о загнивающем Западе, если бы не увидел в самом центре этой живой картинке нашего корреспондента в США, Анатолия Вишневого. Вишневский что-то говорил в микрофон, который держал в руке, и медленно двигался в направлении одного из операторов. Мне стало интересно и я прислушался. Голос ведущего дублировался из небольшого динамика на пульте. Вишневский что-то рассказывал о выступлении Рейгана перед Конгрессом США, но я не мог расслышать о чем конкретно шла речь. Работники вполголоса разговаривали друг с другом, кроме того оператор с крана тоже бубнил что-то по рации.

Наблюдая за действием, я не заметил, что ко мне уже спешат два представителя доблестной милиции. Один из них грубо схватил меня за руку и потащил к выходу. Второй в то же самое время придавал мне ускорения, толчками в спину. Все это они проделали быстро и не говоря ни слова. Только когда мы оказались в коридоре и дверь за нами захлопнулась, у ментов прорезался голос.

- Вы что делали в студии? Пропуск есть?

- Какой пропуск? Да подождите, что вы меня хватаете! У меня здесь встреча!

- Пропуск! – не унимался один из ментов. Он носил сержантские погоны. У второго было только две лычки и наверное это доставляло ему невыносимые страдания, иначе трудно объяснить его излишнее рвение. Он все еще держал меня за локоть и при этом так дергал мне руку, словно хотел вытрясти из меня этот злосчастный пропуск.

- Да есть у меня пропуск, успокойтесь...

- Я тебе щас успокоюсь! – оба мента выкрикнули это в один голос.

Однако они отпустили меня и я стал рыться в карманах в поисках пропуска. От волнения я никак не мог вспомнить, куда я его засунул, перерыл все, в том числе бумажник. Наконец я нащупал его кармане куртки и протянул сержанту. Тот повертел бумажку в руке.

- Это что?

- Пропуск, - ответил я.

- Это на телецентр пропуск. В студию как попал?

Я попросил мне не «тыкать», сержант что-то злобно прошипел, но перешел на «вы» и повторил свой вопрос. Я честно рассказал все как и было. И про встречу в столовой и про то что я просто заблудился. После чего старший остался со мной, а младший побежал за руководством. Минут через десять он вернулся в сопровождении старлея. Тот внимательно изучил сначала листок со штампом, затем долго всматривался в мое лицо.

- Документы проверяли?

- Э-э... сейчас, - старший сержант стушевался и обратился к напарнику, - Борисов, ты паспорт у него проверял?

Борисов удивленно пожал плечами и промямлил:

- Чего я-то сразу? Мы же вместе...

- Отставить, - устало сказал сталея, - ваши документы.

Я протянул паспорт и лейтенант приступил к изучению документа. Скучающее выражение на его лице не изменилось, видимо ничего необычного он в моем паспорте не отыскал. Он вздохнул с сожалением, но документ мне не вернул.

- Давайте пройдем, - предложил он.

Меня отвели в отдельную комнату, где я прослушал продолжительный ликбез о том, что ломится в закрытые двери не стоит, особенно в такой тяжелый момент для страны. В Польше беспорядки, протестующие убили сотрудника тамошней милиции. Спросили, хочу ли я чтобы у нас тоже так было. Я ответил, что нет, не хочу. Рассказал им что я журналист международник, в подтверждение чего предъявил удостоверение с работы. Изучив документ они немного оттаяли. Для приличия менты еще несколько раз полистали мой паспорт, позвонили в бюро пропусков, дабы удостовериться в подлинности моего пропуска. Когда все необходимые процедуры были выполнены, а компромата на меня накопать не получилось, ментам стало скучно и они решили отпустить меня на все четыре стороны.

- Хорошо, сейчас быстренько составим протокол и можете ехать, - заверил меня старлей.

Он заполнил бланк и передал его мне. Попросил прочесть и расписаться. В бланке говорилось, что я такой-то обязуюсь не разглашать. В противном случае ко мне будут применены административные меры, вплоть до уголовной ответственности.

- Что так строго то? – спросил я.

- Телецентр, это режимное предприятие. Тем более аппаратные и студии. Я вообще должен был вас задержать, но так как вы журналист, то на первый раз можем обойтись протоколом и предупреждением. В другой раз дополнительный пропуск оформляйте, если в студию идете.

Старлей объяснил мне как пройти к главному выходу и я еще битых полчаса блуждал коридорами, пока не оказался наконец на улице и не вдохнул морозный воздух.

Люблю снег, потому что он скрывает от глаз все то, что натворила с моим городом промозглая осенняя погода. Октябрь, а за ним и ноябрь оставляют после себя грязь, неубранные жухлые листья, и торчащую клочками бурую траву. Все это навевает тоску и желание залезть под одеяло и не выказывать носа до весны. А снег делает все это безобразие более-менее сносным, все приобретает этаким стерильный вид; лысые деревья, некрашенные скамейки, потрескавшиеся бордюры и даже брошенные машины во дворах под слоем снега смотрятся удивительно нарядно и празднично.

Я изучал город через заиндевевшее окно троллейбуса, время от времени дышал на него, снимал перчатку и грел ладонью холодное стекло, но мороз был настолько сильным что небольшой отогретый мною островок мгновенно затягивался инеем. Наконец, я устал бороться и погрузился в собственные мысли.

Что делает в Останкино Вишнеvский? Я ведь еще вчера вечером видел его репортаж из Вашингтона, он как раз говорил о надвигающихся Рождественских праздниках. Это естественно была запись, у нас на телевидении прямых эфиров нет и быть не может. В любом случае ему нужен был еще день на монтаж и согласование. Получается, он сразу же после съемки должен был вылететь в Москву? Почему так срочно? Может, его лишили аккредитации и экстренно выслали из Штатов в связи... в связи... Да, господи! В связи с военным положением в Польше. Может такое быть? Вполне. Ну не на съемку же в Останкино он так спешил... Хотя, почему быть и нет? Да бог с ним, с этим Вишнеvским!

На смену размышлениям о Вишневском нахлынули мысли о моей вчерашней встрече с Дашей. О встрече, которая так многообещающе началась и так провально закончилась. Я быстро отогнал эти горькие размышления и сосредоточился на статье. Итак, почему Западный человек раздираем противоречиями? Это просто - он имеет несколько взаимоисключающих целей и вынужден лавировать между ними, чтобы не посадить судно на мель и в то же время стараться чтобы его не выбросило на скалы. Прибавим к этому бушующий океан рыночной экономики, который не подвержен законам гравитации и меняет течение и силу вне зависимости от... от чего? Я решил разобраться с этим позже. Напротив, я вот человек советский, а значит цельный. Я плаваю в спокойных водах, которые спланировала для меня твердая рука Партии. Во мне нет противоречий, потому что для меня единственной целью является что? Ответ напрашивался сам собой, он был настолько очевиден, что я задался внезапной мыслью – а зачем об этом тогда писать если это и так всем известно? Но я человек обычный, такой же как все. Вот Вишневский, например, это совсем другое дело... Допустим три дня назад в Вашингтоне он встречался с... Ну, с конгрессменами или просто сидел в ресторане в свете свечей и под фортепьянную музыку пил *Veuve Clicquot*. Интересно, он с наслаждением пил импортное игристое или всей душой ненавидел это прозападное пойло и хотел во что бы то ни стало прильнуть к бутылке Советского шампанского? Он мог притвориться перед иностранными гостями, что ему приятно пить этот дорогой напиток, он даже мог похвалить его. Да, мол... букет хорош. Это скажет о его тонком вкусе, о том, что он не от сохи и не какой-то там необразованный мужик из страны медведей, а вполне окутан цивилизацией. С другой стороны он мог выпить и сказать, наше мол тоньше по вкусу в разы, и в башку шибает крепче. Но будет ли это правдой? Ведь наш человек должен быть правдив, чего бы мне там ни наговорил сегодня Горшок. Да он и сам это прекрасно знает. Выходит, по логике вещей Вишневский должен был вообще отказаться пить. А так получается он бы соврал в обоих случаях. В первом случае им, во втором – себе. Или наоборот, в первом случае себе, во втором – им. А окажись на месте Вишневского простой советский человек типа меня? И вот тут получается самая страшная дилемма. Если уж выбора нет и врать надо, то наш человек уж точно не должен врать себе. А если Вишневский будет стоять перед выбором, значит в этот момент он тоже будет раздираем противоречиями, хотя по сути своей он является человеком советским. Бред какой-то...

Глава 4

Спрут в приемной.

Кислицин Антон Борисович был моим шефом. Довольно молодой для своей должности и в высшей степени высокомерный тип, которого в тайне ненавидела вся наша редакция. У него была отвратительная прилизанная на косой пробор прическа, взгляд комсорга и огромные как у землекопа ладони с ухоженными ногтями. Он носил дорогие костюмы и запонки, которые постоянно тербил своими длинными пальцами.

При переводе в международный отдел мои документы рассматривал предыдущий завотделом и в общем-то лично он и принимал решение о моем переводе, непосредственно перед уходом на пенсию. И конечно после проверки моих данных парткомом и КГБ. Само собой, о проверке моей персоны в Комитете я даже не был поставлен в известность, но точно знаю что проверка эта была. Плюс, как я уже и говорил, не последнюю роль сыграла характеристика да и личная просьба Горшка.

Когда я первый раз переступил порог своей новой работы то был несколько удивлен, увидев во главе редакции холеного блондина Кислицина в дорогом синем костюме. Через неделю Антон Борисович решил поближе познакомиться с новым сотрудником. Перед встречей меня напутствовал Самойлов Борис Львович, или дядя Боря – старший международный обозреватель. В кабинете, место в котором мне было выделено для создания шедевров журналистики, кроме нас с дядей Борей трудилась так называемая «смотрящая» по регионам, Людмила. Она отвечала за Ближний Восток. Оба моих сослуживца пока были невыездными на Запад, хотя Борис Львович имел призрачные на это надежды и несколько раз уже побывал в соцстранах, посетив Софию, Варну, Дрезден и Дубровник.

- Не бойся, шеф как шеф. Он молодой совсем, немного амбициозный. Любит чтобы его слушали. Так что ты поменьше там говори.

- За умного сойдешь, - вставила Людмила.

Дядя Боря поморщился и строго посмотрел на Людочку.

- Не нервничай главное.

Я ответил, что абсолютно спокоен. Меня начальство не пугает, тем более что я тут человек новый и напортачить еще не успел. Ну а то, что он будет высокомерен, это я уж кое как переживу.

Но посещение начальства особо меня не обрадовало. Первые же слова Кислицина удивили меня, а вернее даже расстроили. Приходил я на новое место как корреспондент по направлениям, а в итоге новый начальник определил меня в штат, как литературного редактора и по совместительству переводчика.

- Вообще то предыдущий завотделом меня рассматривал...

- Послушайте, как вас... - Кислицин посмотрел в журнальный бланк, - Андрей Павлович. У предыдущего руководства были свои планы. Как он вас рассматривал, меня честно говоря, мало интересует. Вы тут уже вроде неделю работаете и может недостаточно владеете ситуацией. Я немного откорректировал штатное расписание.

Кислицин встал, картинно расстегнул пиджак и сунул руки в карманы брюк. Развернулся ко мне спиной и долго стоял глядя в окно. Я был прекрасно осведомлен о том, что он был назначен всего месяца полтора назад и скорей всего и сам еще толком не знал, как тут все устроено. Естественно, я не стал качать права и проглотил его замечание о своей некомпетентности, хотя меня так и подмывало с ходу поставить на место этого выскочки. Антон Борисович видимо добивался именно такой моей реакции, поэтому продолжал молчать и даже повернулся в мою сторону. Мне даже на секунду показалось, что он разочарован.

- Поработаете переводчиком, потом посмотрим.

- Литературным редактором, - поправил я Кислицина.

Возможно сказал я это немного резковато, потому что Кислицин тут же с наслаждением прочитал мне небольшую нотацию:

- Вы не иронизируйте. Каждый текст должен быть строго и четко идеологически отформатирован. Даже маленькие ошибки в формулировках абсолютно недопустимы. Надеюсь это вам не надо объяснять? Вы в культуре вроде работали? Кино, цирк...

Я ответил, что работал в отделе культуры в известной столичной газете. Кислицин еле заметно поморщился, видимо все что касалось культуры и искусства казалось ему чем-то дурно пахнущим. Затем развалившись в кресле задумчиво потерял запонку и изрек:

- Я хочу сразу предупредить, здесь не цирк. И не кино. Надеюсь, вам это понятно.

Сказано это было в высшей степени цинично и с таким надменно-равнодушным лицом, что мне даже понравилось. Я чувствовал себя как кролик перед удавом. Перспектива рано или поздно выехать в командировку на Запад, пускай и довольно призрачная, заставила меня проглотить эту горькую пилюлю.

За семь месяцев работы на новом поприще мои перспективы так и оставались неясными. Я проверял тексты, правил формулировки и время от времени переводил западные статьи. Как ни странно, эта часть работы была самой интересной. Интересней даже, чем писать собственные статьи о заграничной жизни, о которой я и понятие не имел. Засиживаясь за этими переводами я мог прикоснуться к неизвестному и такому недоступному миру, о котором я мечтал с детства.

Встреча с Горшком и воскресные медитации над атласом воплотились в итоге в статью о гармоничности советского человека и должны были произвести неизгладимое впечатление на Кислицина. Предварительно я дал почитать материал дяде Боре.

- Слушай, неплохо. А что это за бездомный у тебя? Откуда ты его выкопал?

- Знакомый один рассказал, - соврал я, - он в Лондоне был в командировке, повидал там всякого.

- Ну дерзай тогда. Я кстати сейчас иду к Кислицину. Хочешь, оставлю твою писанину у секретарши?

Я согласился, в надежде получить ответ через неделю... или не получить его никогда. Да, такое тоже случается. Вопреки ожиданиям, главный вызвал меня уже на следующий день.

Когда я вошел в приемную, Инга Карловна, секретарша Кислицина перебирала бумаги на столе и посмотрела на меня поверх очков. Пепельные волосы, собранные на затылке в огромный продолговатый пучок, густые черные брови, здоровенные серьги с жемчугом и пронзительный хищный взгляд, который не сулил ничего хорошего. Ей было лет под шестьдесят, она пережила уже двух завотделом, и Антон Борисович должен был стать ее лебединой песней, хотя на пенсию она определенно не собиралась. Дама она была немногословная, держалась независимо и относилась ко всем работникам отдела с некоторым подозрением. Мне с первых дней была непонятна эта ее подозрительность, но старожилы рассказали, что Инга Карловна очень дорожила своим местом и могла утопить любого, почувствуй она угрозу своему стабильному положению. А терять было что, так как все вопросы касавшие завотделом проходили через ее цепкие щупальца. Попадешь ли ты на прием к «заву» сегодня, или должен ждать целую неделю, получишь ты новую печатную машинку, или будешь довольствоваться старьем под списание, кому достанется свободный кабинет, кто первым будет предупрежден о предстоящей проверке, кому стоит помочь и подсунуть от твоего имени редактору хорошую тему – все это решалось в приемной Кислицина. А самое главное, она могла утопить любого, даже самого талантливого или трудолюбивого работника, просто передав завотделом рукопись с явными идеологическими ошибками, или наоборот, любезно вернуть рукопись автору для исправления еще до того как ее увидит шеф. Она могла положить твою срочную заявку под сукно, могла про-

пихнуть ее первой. От этого зависело, будут ли тебя считать перспективным и пунктуальным, назначат ли тебя в загранкомандировку, пойдешь ли ты в отпуск летом, и еще много всего. В общем, секретарша была вторым человеком в отделе после шефа, ее щупальца крепко держали за горло каждого сотрудника в отдельности. По иронии судьбы фамилия секретаря была Спрут. Видимо благодаря ее литовской родне. Благодаря этой же родне, Инга Карловна Спрут обладала, или быть может притворялась что обладает, модным прибалтийским акцентом.

- Добрый день, Инга Карловна. У себя? – я указал на дверь шефа.

Инга Карловна в ответ молча кивнула на пару стульев, стоящих возле стены. Я уселся на один из них и положил ногу на ногу, всей своей позой демонстрируя независимость. За что был тут же удостоен взглядом настолько красноречивым, что мгновенно поставил обе ноги на пол. И даже негромко кашлянул в кулак, как бы извиняясь за вольность.

Мы молча сидели минут десять. Наконец, секретарша встала и проследовала в кабинет Кислицына. Я прислушивался к их разговору, но разобрать что-либо за закрытой дверью было практически невозможно. Они говорили минуту, не больше, после чего Инга Карловна вернулась, уселась на прежнее место и продолжила рыться в бумагах. Я следил за ее длинными тонкими пальцами с ярко красным маникюром и представлял, как пальцы эти сжимаются на горле воображаемой претендентки на место секретаря. Претендентка с хрипом уползает из приемной, а Инга Карловна наблюдает за жертвой, победоносно покачивая серым продолговатым пучком на голове.

Прошло еще какое-то время, Инга Карловна подняла на меня свой стеклянный взгляд и буркнула что-то нечленораздельное, но очень похожее на «проходите». Я не стал переспрашивать, просто встал и сделал движение в сторону двери, проверяя реакцию секретарши на предмет, не ослышался ли я ненароком. Она продолжала ковыряться в бумагах и я прошел в кабинет заведомом.

Кислицын довольно долго читал, видимо освежая в памяти мой материал, но я был даже рад такому вниманию к своей работе. Наконец, Антон Борисович нарушил молчание.

- Послушайте, Андрей Павлович... подача в целом неплохая. Идеологически все верно, к этому вопросов нет. Кое-что я бы поправил, конечно. Но вот эти ваши домыслы с этим... с нищим, они здесь выбиваются из контекста. Зачем это здесь?

- Вы так считаете?

Кислицын вроде даже не услышал мою реплику и продолжал, оставаясь на своей волне.

- Вы его слишком очеловечиваете, Андрей... э-э... Павлович. Он хоть и нищий, но для нас все равно остается представителем западных ценностей.

- Нищий? Это же практически пролетарий, разве нет?

Кислицын смерил меня высокомерным взглядом.

- Вы тут сами написали о его прошлом, разве нет? И что же мы видим... он даже не сочувствующий, а наоборот... Не изменись его жизнь таким образом, еще неизвестно как бы он оценивал свою субъектность. Он же сам говорит, что у него был и дом и работа и возможно домработница...

- Это я для контраста, я просто хотел...

Кислицын приподнял руку, блеснув запонкой и оборвал меня на полуслове, затем продолжил:

- Можно сделать его негром. Тогда он будет априори последним в пищевой цепочке, ведь по факту рождения он уже человек третьего сорта. Согласны?

- Надо будет переписать первую часть... и...

- Да. Вообще, будет лучше, если мы в первую голову опишем нашего, советского человека. Это важно. Тут у вас все в порядке, как я вижу. Причины его цельности показаны предметно, отсюда и следствие – его гармоничность как личности. Но это нужно все переместить в начало статьи, мы должны нашего человека описать с самых первых строк.

- Я наоборот думал что отечественному читателю не особенно интересно читать про советского человека. Он и так про себя все знает. А вот осветить для начала представителя Запада...

Я осекся, потому что заметил как заводелом откинулся на спинку стула и внимательно меня изучал, теребя пальцами золотую запонку. Затем он отвлеченно и я бы даже сказал задумчиво произнес:

- Мне кажется, вам стоило остаться на прежнем месте работы. По крайней мере, ваши ошибки на поприще шапито и клоунады не были бы так фатальны. По-моему вы забыли, куда пришли работать.

- Я понял вашу мысль, - спохватился я, но было уже поздно.

Кислицин сел на своего любимого конька и мне пришлось довольно долго слушать о том, что и как я должен делать, а чего делать не стоит. Для себя я выяснил одно - если я хочу как минимум издаваться, и как максимум стать выездным, мне необходимо навсегда избавиться от творческого подхода, оперировать исключительно штампами и делить все на белое и черное. У советского читателя в голове не должно быть места для полутонов.

- Mam, я в воскресенье на телецентре был, прикинь? Первый раз.

Мы сидели на кухне и пили чай. Мама разгадывала кроссворд и кажется даже не услышала меня. Сегодня она снова вела себя отчужденно. И если раньше меня это пугало, то последнее время я попытался понять причину этого странного поведения. Принимая во внимание, что ей вообще нельзя волноваться, я списывал все эти странности на защитную функцию ее организма и позже научился воспринимать изменение ее состояний с пониманием. В такие минуты мама старалась пропускать большую часть информации мимо ушей, превращаясь в немого слушателя.

- Мне Горшок одну историю рассказал, о своем прошлом...

- Какой горшок?

- Мой шеф бывший. У которого сын умер, Артем. Помнишь? Я же тебе рассказывал. Ну, мам!

- Шесть букв. Сосуд для комнатного растения. Ужас какой! Как умер?

- Не важно. Горшок, мам.

Мама улыбнулась и заполнила клетки.

- Подходит горшок, Андрюш...

- Так вот мам, я случайно попал в студию и там был Вишневский. Ну, знаешь его? Он репортажи ведет из Штатов? Ну, Вишневский! Обозреватель, ма.

Мама улыбнулась и кивнула. Даже отложила в сторону карандаш. Мы с минуту смотрели друг на друга и я думал, стоит ли мне рассказывать об этом маме. Внешне она была спокойна и я решил, что хуже ей от этого не станет.

- Он вообще то сейчас должен быть в Вашингтоне. По крайней мере пару дней назад его показывали по телеку. А в воскресенье я его в Останкино видел.

- Сынок, что ты хочешь, чтобы я ответила?

- Мне просто не с кем об этом поговорить.

- Была бы Катюша рядом, поговорил бы с ней. Чего вы расстались? Делать вам нечего...

Мама покачала головой и снова взяла в руки карандаш, давая понять что тема Вишневского ей не интересна. Я подумал, была бы Кате интересна информация о Вишневском? Затмила бы она мечту о поедании бланманже? Вряд ли.

- Горшок не подходит Андрюш, там буква другая.

- Жаль, - посочувствовал я.

- На «К» начинается.

Мама ждала от меня подсказку, но я думал совсем о другом. Не было никакого смысла рассказывать ей о том что в нашей редакции на пороге кабинета заводелом сидит прибалтийский Спрут с красными ногтями. О том, что мою статью безжалостно порезали, причем хирург был настолько искусным, что умудрился вырезать все, в чем еще пульсировала жизнь, пускай и искусственная. Зато оставил все то, от чего за версту воняло мертвечиной. Я представил все это и ужаснулся. Нет, пожалуй маме лучше оставаться в неведении относительно моей работы. А вот моя личная жизнь возможно заинтересует маму больше. И я сказал то, что действительно казалось важным для меня и о чем я думал постоянно в течение последних дней.

- Ма, я кажется влюбился.

Как ни старался я запрятать эти мысли насколько возможно глубже внутри меня, но они постоянно крутились в голове, и я волей-неволей думал о Дарье. Все эти дни. С момента нашего нелепого прощания у гастронома. Как ни странно но и эти мои слова оставили маму совершенно равнодушной.

- Ты слышала? – спросил я.

- А может кувшин? Тоже шесть букв, – задумчиво произнесла она.

Как я ни старался заснуть, все мои усилия были тщетны. Поворочавшись в постели подумал о том, что не помешало бы немного помедитировать над атласом. По крайней мере, раньше это всегда помогало.

Я рылся на книжных полках, но спасительный атлас как сквозь землю провалился. Оставив безнадежные попытки, я отправился на кухню, аккуратно спрятал оставленный на столе мамин кроссворд в выдвижной ящик, заточил сломанный карандаш и так же положил его рядом с газетой. В такие моменты как сегодня мама становилась рассеянной, и оставляла после себя жуткий беспорядок. Скорей всего и атлас мой засунула куда-то и как обычно забыла.

Но лишало меня сна и раздражало вовсе не отсутствие атласа и не беспорядок оставленный мамой. Мне необходимо было найти хоть какое-то объяснение увиденному в Останкино. Зачем вызывать Вишневого из Вашингтона и снимать в павильоне то, что можно получить через спутниковую связь прямо из Америки? Так же не похоже, что наш ведущий корреспондент переквалифицировался и теперь снимается в телесериале... Оставалась еще версия с лишением аккредитации и выдворением из страны. Итак, вариант - Вишневого действительно выперли из Штатов в связи с Польшей или Афганистаном. Да мало ли в связи с чем. У них вообще полно к нам всяческих претензий... Почему тогда просто не сообщить об этом в какой-нибудь политической программе, да еще и возмутиться подобным произволом. Нелепица какая-то. А эти строгие правила... ну да, допустим Останкино режимное предприятие, но не до такой же степени. Раз у меня был пропуск на телецентр, то какого черта они людей за руки хватают! Сюда можно, а туда ни под каким видом нельзя! Запрещено и все тут, еще один пропуск извольте получить. Бред! Нет, тут что-то не так... Не может такого быть, чтобы все наши корреспонденты международники снимают свои новости в подвалах телецентра. Разве что иногда, когда не хватает времени, или к примеру нет валюты. Тогда съемка в Останкино объясняется очень просто – решили сэкономить и писали в павильоне. Да нет... ерунда какая-то. Полная чушь! Не подходит.

Но дело тут было совсем в другом, я увлекся деталями и упустил суть. Все это мелочи по сравнению с тем, что Вишневский просто физически не мог быть в воскресение на телецентре! Это все равно что быть в двух местах одновременно. Остается вариант, что увиденный мной по телеку репортаж мог быть снят не 24 декабря, а примерно за неделю до эфира. Тоже чушь! Не выдерживает никакой критики. Это же не культурная программа и не мыльная опера, это новости! А новости недельной давности, это не новости вовсе. Так что этот вариант тоже рассыпается в прах. Ну как здесь не вспомнить рассказы прапорщика Рымаря? Уж очень логично некоторые нестыковки ложились в канву его невероятной теории.

На стене висел отрывной календарь и мне внезапно пришло в голову просто сопоставить даты. Ну конечно! Значит так; я смотрел передачу из Вашингтона 24 числа вечером в пятницу, как раз у них был вечер Сочельника. А в воскресенье 26 декабря я был в Останкино, примерно... еще не было и двух часов дня. Даже если учесть что Вишневецкий не присутствовал лично при монтаже, что маловероятно, он должен был в тот же вечер вылететь в Москву. Допустим. С большой натяжкой, да еще и разница во времени восемь часов... он все-таки мог успеть на съемку.

Это то, что касается Вишневецкого. Но ведь есть еще и запись. Нужно было все это еще успеть смонтировать, попасть в спутниковое окно чтобы передать в Москву для согласования, встроить в сетку и утвердить выпускающим в эфир. Допустим, аппаратная в США собственная есть, так что смонтировать можно было на месте в ту же ночь. По счастливой случайности они и в спутник попали, и фрагменты записи тут же улетели в Союз. Но ведь это все просто из области фантастики, особенно учитывая нашу бюрократию.

Я решил выбросить все это из головы и не допускать, чтобы подобные мысли преследовали меня и в конечном итоге превратились в манию. Чего доброго, можно и в дурдом загреметь, как друг моего детства Иван Карпыч.

За завтраком я ненадолго вернулся к вчерашним мыслям и с облегчением заметил, что мои ночные логические потуги хотя и не прояснили ситуацию полностью, но все-таки возымели свое действие и пресловутая теория Рымаря уже не цепляла меня так сильно, как ночью. В конце концов наверняка всему есть простое объяснение и я его со временем обязательно найду. Все-таки утро, самый позитивный отрезок дня. Из динамика настенного радио еле слышно доносилось завывание модного шлягера:

Не надо печалиться,
Вся жизнь впереди,
Вся жизнь впереди,
Надейся и жди.

Ну уж нет, ждать я не собирался. Есть одно лекарство, которое точно поможет окончательно избавиться от навязчивых мыслей. Я должен не листать бесконечно атлас, а стремиться к тому, чтобы все увидеть собственными глазами. Сегодня я невыездной, но все в этой жизни может внезапно измениться. И это зависит от меня лично. Для этого необходимо сосредоточиться на работе и найти подход к Инге Карловне и Кислицину.

Борис Львович ежедневно появлялся в редакции раньше остальных, я тоже старался прийти пораньше и мы могли минут 10-15 посидеть в курилке, обсудить последние новости, или просто посплетничать. Этаким фальш-старт перед рабочим забегом. Иногда дядя Боря рассказывал мне про Софию и Варну и я с благоговейным трепетом ловил каждое слово. Он говорил о своих командировках с важным видом, выпячивал губу и томно смотрел в потолок.

Людочка вечно опаздывала, зато периодически приносила в контору печенье собственной выпечки или пироги. Благодаря этим угощениям она имела индульгенцию у нас в кабинете и полное прикрытие, если ее вдруг кто-то будет разыскивать с утра пораньше. Это случалось редко, но в этом плане Людочка всегда могла на нас положиться.

- Привет ребята! Фу, так неслась... опять не успела на автобус.

Мы с дядей Борей понимающе кивали, переглядывались и приняхивались, молча жестами делали ставки - будут ли сегодня пироги с капустой или с мясом. Я показывал два пальца под столом, так чтобы видел только Борис Львович. Это значило, что я ставлю рубль на то, что это будет мясной пирог. Один палец - с творогом, три - с картошкой и так далее.

- Ну что, Андрюха, сделаешь мне перевод сегодня? Я тебе там на столе оставил статейку.

- Не вопрос, дядя Боря.

Я был рад ему помочь, потому что знал что и Борис Львович окажет мне услугу при случае. Он на хорошем счету у шефа и всегда может договориться со Спрутом, чем я лично пока похвастаться не мог. Я был для Инги Карловны пустым местом, она могла пройти мимо меня по коридору и не поздороваться, не ответить на моё «здрасьте». Могла вовремя не передать поручение Кислицина и тогда я вынужден был в спешном порядке выполнять его задание или же оставаться до позднего вечера в редакции. Я стискивал зубы, я был зол, но делал свою работу. Меня сжигало изнутри чувство несправедливости, я бы даже сказал просто враждебное отношение ко мне, но что я мог с этим поделать? Вот поэтому на первых порах вся связь с руководством у меня была только через дядю Борю. За исключением тех случаев, когда Антон Борисович вызывал меня лично. Но по правде сказать, такое случалось довольно редко.

- Шеф просил отредактировать, - говорил Борис Львович заходя в кабинет и бросал мне на стол папку с бумагами.

- Благодаря, - говорил я по-болгарски.

- Няма защо, - отвечал дядя Боря.

Дядя Боря так же относил мои статьи и документы на подпись. Но так вечно продолжаться не могло и с этим нужно было что-то делать.

Каждый вечер я по поводу и без повода бегал в Гастроном в надежде увидеть Дашу. Блуждал по залам магазина, переходил дорогу, искал красный пуховик в ближайшем универсаме, высматривал его в овощном, спускался в метро и стоял у турникета, вглядываясь в толпу. Но Дашу я больше не видел. Просто пойти в поликлинику и найти Дарью на работе я не мог по причине панического страха быть отвергнутым. Совсем другое дело случайная встреча. Я сам понимал, что это глупо, но ничего не мог с собой поделать.

В канун празднования Нового Года я навестил Илью. Он как обычно планировал шумную вечеринку, но я не был готов проводить новогоднюю ночь в этой компании. Впрочем, была одна причина, благодаря которой я изменил бы свое решение.

- Заходи, выпить хочешь? – Илья захлопнул дверь и тут же отправился на кухню, - извини брат, девчонки наготовили чего-то, вот-вот принесут... мне надо посуду найти, а я не знаю где сейчас лежит. Мать приезжала, все вверх дном. Налей себе, там в зале, увидишь в общем.

- Ну да, знакомое дело, - ответил я проходя следом за Ильей в кухню.

Я вздохнул, вспомнив что моя мама тоже куда-то запрятала атлас, но мне не хотелось обсуждать с Ильей наши общие домашние проблемы. У меня был другой повод для визита, я хотел узнать приглашал ли он Дарью, но я не знал с чего начать. Мне не хотелось задавать вопрос в лоб, возможно у них все еще были отношения, а может и нет. Я ведь видел, как Илья откровенно лапал Дашу, там на улице в Новогоднюю ночь... и после встречал их вместе. С другой стороны, будь между ними что-то серьезное, я бы узнал об этом, ведь Илья настоящий болтун и о всех своих интрижках тут же рассказывал мне или Сане. На самом деле мне просто не хотелось, чтобы Илья понял, что я заинтересовался Дашей. Он сразу начнет своё «о, так тут любовь у нас», или что-либо в этом роде. Я лихорадочно искал причину своего визита и внезапно повод нашелся сам собой, я вспомнил прошлогоднее веселье и историю с Sex Pistols. Повод конечно довольно нелепый, но ничего другого я по дороге сюда не сочинил.

- Слушай, я в прошлом году у тебя альбомчик один интересный слушал...

- Как же, помню. Ты его вроде интересным не считал, еще и поскандальить тогда пытался, - сказал Илья и оскалился.

Я хотел ответить так же язвительно или более жестко, но сдержался. В конце концов я сюда не за этим пришел.

- Я бы хотел саму пластинку глянуть.

- Ну иди посмотри, сам знаешь что где, - сказал Илья.

Я отправился в спальню, и стал искать ярко желтую упаковку на полке, потом в ящике письменного стола. Винила было не так много, так как достать импортный альбом да еще и оригинальный невероятно сложно. В основном все записи хранились на пленочных бабинах или кассетах, но пластинку я так и не смог отыскать. Когда я рылся на очередной полке в дверях появился Илья.

- Слушай, нет нигде, все вроде обыскал.

- Сейчас.

Илья посмотрел вслед за мной везде где только можно, даже заглянул под кровать. Пластинки нигде не было.

- Странно. Пару недель назад еще была, вот сюда я ее поставил. Мне Фома вернул, переписывал кому-то...

Илья на секунду задумался и почесал макушку.

- Так... Мать приезжала в прошлый вторник. Может она куда задевала? А что ты хотел еще раз заценить? Проникся панк-роком? – насмешливо спросил Илья.

- Еще чего. Там на самом виниле может быть гравировка. Вернее, должна быть. Смотри. Я достал с полки альбом Юрия Антонова, вытащил пластинку и показал Илье на внутренней стороне возле этикетки еле заметные цифры.

- Видишь? Маркировка Г.М. 8312.

- Ну, допустим. И что?

- А то, что это дата выпуска. Декабрь 1983 года. Сморим теперь на самой обложке. Видишь, здесь та же самая дата!

Я остановился и понял, что все это время говорил с таким не очень здоровым воодушевлением. И тут же увидел, что Илья смотрит на меня сочувственно, как на душевнобольного.

- Слушай, не начинай, а... ну правда, это уже не смешно. Считаешь, что альбом старый, черт с ним! Пусть так и будет.

- Да ты не так понял... я еще надеялся что это ошибка типографии и мне хотелось просто взглянуть на сам винил.

- Ты что целый год - вот это все в себе носил? Реально?

Я видел что он еле сдерживается, чтобы не заржать в голос. Наверное я действительно производил впечатление если и не сумасшедшего, то маниакально одержимого.

- Да нет... только сейчас вспомнил, дай думаю посмотрю... мне вообще все равно, старый альбом или нет...

- Ты главное не нервничай, хорошо? Может тебе водички дать, Андрон?

- Нет, я пойду, дел по горло еще, - буркнул я.

Действительно, это была не лучшая идея с моей стороны. Лучше было напрямую спросить про Дарью, а не разыгрывать здесь весь этот спектакль. Я быстро засобирился, но становился в дверях.

- Илюха, а кто будет сегодня?

- Анжела, Светка будет. Фома, Олег... Да, Саня придет точно с Маринкой своей, кто еще... Настя наверное, если помирилась со своим этим... как его...

Я собрался с духом и выпалил:

- Слушай, а Даша будет?

- Кто?

- Даша. Я ее просто на днях встретил в гастрономе... ну и хотел спросить, ты ее не приглашал?

- Дашу? – Илья сделал круглые глаза.

Меня начинало злить, что тему которую я хотел упомянуть лишь вскользь мы муссируем уже с минуту. И теперь Илья вцепится в нее мертвой хваткой и уж точно не выпустит. Пути назад уже не было и я уточнил:

- Которая в прошлом году была.

- Вообще то звонил, - ответил Илья, - она правда точно не сказала, будет или нет. Могу сейчас еще раз набрать, если хочешь. Хочешь?

- Не, не надо.

- Так тебя ждать сегодня? – спросил Илья.

- Нет, я буду с ребятами с работы отмечать.

Илья состроил понимающую гримасу. Я уже хотел побыстрее слинять, но мой друг сообразил, что поймал жертву на горячем и теперь не упустит возможности немного поглумиться.

- Что-то я не въеду, брат. Тебе то какая разница пригласил я Дашу или нет, если ты сам не придешь. Тебя же не ждать, я правильно понял?

- Ты правильно понял, бро. Можешь приглашать, мне все равно.

Я уже уходил, когда Илья язвительно бросил мне в спину:

- Приглашу, даже не сомневайся.

Я сбежал вниз по лестницу, пихнул входную дверь и с облегчением вдохнул морозный воздух. Зачем я вообще приходил сюда? Илья прав, мне разве не все равно, будет там Даша или нет? Я медленно удалялся в сторону своего дома, но меня так и подмывало развернуться, снова подняться в квартиру Ильи и сказать: «да, хочу! Хочу! Пригласи ее и тогда я тоже приду».

Я плюхнулся на первую попавшуюся заваленную снегом лавочку. Черт, да что со мной? Я физически ощутил, что внутри у меня происходит настоящая борьба. Как будто меня разрывают надвое, одна половина рвется назад и хочет хоть что-то изменить в этой моей чертовой жизни... остаться, напиться, целовать Дашу, и всю ночь заниматься с ней любовью. Прямо там, закрывшись в ванной комнате в квартире у Ильи. Другой «я» хотел немедленно вернуться домой, запереть дверь, лечь на диван и уставиться до утра в телевизор. Да, я не собирался ни на какую вечеринку ни с какими сослуживцами. Я просто соврал Илье, чтобы закончить этот разговор. Но оба эти сознания внутри меня не были на самом деле тем настоящим, истинным «я». И этот настоящий, истинный «я» не хотел ни одной из этих двух реальностей. Я закрыл глаза, поежился от холода и попытался нарисовать в мозгу тот вариант, который как мне казалось и должен был оказаться той самой истиной.

Меня резко толкнули в бок, я открыл глаза и увидел Сашку с его новой пассией. Марина, кажется так ее назвал Илюха. Долговязая, как и все Сашкины пассии. Видимо недостаток собственного роста он пытался компенсировать за счет своих подружек.

- Андрон, ты уже бухой что ли? Не рановато ли начал?

Я поднялся со скамейки и отряхнулся от снега.

- В самый раз.

- Да я пошутил, - улыбнулся Саня, - я бы и сам уже не прочь, да вот Маринка не позволяет... ты к Илье? Или...

- Или, - ответил я, развернулся и пошел по направлению к дому.

- Странный какой-то, - услышал я за спиной голос Марины.

Не первый раз слышу это в последнее время. Сначала мама, а затем и мои друзья начали обращать внимание на некоторые происходящие со мной странности. Да, пожалуй это не нормально, когда парень в 29 лет замыкается в себе, и занят только работой днями или посиделками с мамой по вечерам. Я же не всегда был таким. Еще пару лет назад я куролесил с друзьями напропалую, ввязывался в рискованные истории, влюблялся и валял дурака. Я даже пытался протестовать против системы, но из-за трусости или рассудительности оставался при этом в рамках закона.

А потом вдруг все изменилось, и теперь я даже не могу вспомнить в какой момент и по какой причине я стал замыкаться в себе, я просто потерял интерес ко всякого рода тусовкам, ста реже бывать у друзей. Припоминаю, что это произошло примерно после похорон Артема,

и до того как я расстался с Катей. Да, примерно в этот период. Но хоть убей, не могу понять, что же послужило этому причиной. Да и важно ли это?

Сегодня, в последний вечер уходящего года, я снова гулял по полупустому гастроному в надежде встретить Дашу. Продавщицы с нетерпением смотрели на часы, было около восьми, но обычно перед Новым годом работу в продуктовых магазинах продлевали на час или полтора. Кроме меня в гастрономе паслось еще несколько потенциальных покупателей. Довольно часто в последний день на прилавках могли «выбросить» что-нибудь дефицитное; колбасу, мандарины или даже икру.

Я хотел зайти в отдел соков, чтобы поностальгировать, но к счастью он был закрыт. Иначе я бы там наверное и слезу пустил ненароком.

Насладившись тоскливым видом интерьера гастронома я вышел на улицу и побрел по хрустящему снегу в сторону поликлиники. Остальные магазины на нашей улице были уже закрыты, но витрины светились призрачным светом, создавая иллюзию достатка, праздника и безжизненной красоты. Изредка мне навстречу спешили смеющиеся парочки, скорей всего направляясь в гости или домой, но в любом случае – к праздничному столу. У меня не было на примете ни одного накрытого стола, за которым я хотел бы очутиться сегодня ночью. Не было ни одного человека, которого я хотел бы лицезреть. Ни одного. Почти ни одного.

Внезапно я понял, что хочу увидеть ее. Прямо сейчас! Отыскать во что бы то ни стало и убедить что не нужно сегодня идти к Илье, сказать что я хочу быть только с ней, и конечно же услышать в ответ, что она этого тоже хочет. Нужно просто успеть, ведь еще есть время.

Я со всех ног бросился вдоль сияющих гирлянд, фонарей и окон, в надежде что смогу перехватить ее у дома Ильи.

Но что если все не так? Что если она уже там... с Ильей. У меня была возможность в первый же вечер посвятить время не прослушиванию идиотского альбома, а уделить его реальной жизни и реальным отношениям. Но я тогда сделал свой выбор, а Илья сделал свой.

Я остановил свой забег, развернулся и медленно пошел домой. Сегодня я буду встречать Новый год один, мама уехала к двоюродному брату в Ижевск.

Просто посмотрю телек и лягу спать.

Глава 5

Несчастливая Анна К.

Утро в редакции прошло как обычно. Курилка и обсуждение новостей с дядей Борей, позднее появление Людочки со вздохами и пирогами, неизменные ставки и мой запланированный проигрыш. Я явственно чувствовал запах печеных яблок и шарлотки но поставил на пирожки с мясом. Маленькие хитрости делали свое дело, дядя Боря радовался как мальчишка, когда рублевая бумажка перекочевывала в его карман. В такой день он бывал в особенно приподнятом настроении и можно было просить его о небольших одолжениях. Но сегодня ничего от Бориса Львовича мне получить не удалось, так как нашу идиллию нарушили сначала шаги за дверь, затем голоса, а затем...

Дверь открылась и я увидел своего бывшего шефа из отдела культуры Олега Дмитриевича.

- Физкульт привет! – Горшок сиял и кажется был в прекрасном настроении.

Я встал, подал руку Горшку и представил его моим нынешним коллегам. Олег Дмитриевич оценил нашу рабочую обстановку, отметил порядок и сказал пару любезностей Людочке. После этого повернулся ко мне и продолжая широко улыбаться, обратился к остальным:

- Вы позволите, я украду вашего молодого человека ненадолго?

Дядя Боря что-то промычал в знак согласия, Людочка хохотнула и сказала: «ни за что», после чего Горшок подхватил меня под руку быстро и вывел из кабинета.

Мы отошли на несколько шагов от двери и Олег Дмитриевич вполголоса спросил:

- Мы можем где-нибудь переговорить без лишних ушей?

Я предложил пройти в курилку, но Горшок скривил мину и сказал, что ему бы хотелось, чтобы нас не прерывали, а в курилке это практически невозможно.

- Знаю я вас, журналистов. Дымите как паровозы без остановки. Точно кто-нибудь да заявится.

- Может, в актовом зале тогда? Там уж точно никто не помешает.

Мы поднялись по лестнице на пару этажей, и зашли в большой зал, заставленный рядами стульев. Горшок сказал, что это то что надо и стал пробираться к центру зала, подальше от дверей.

- Там за сценой что у вас? Второй выход есть?

- Нет, - ответил я, искренне удивляясь такой необычной конспирации.

Мы уселись прямо в центре огромного зала, лицом ко входу. Горшок громко выдохнул, как будто только что поднялся со мной на крутой горный склон. Он урезал необходимую в таких случаях приветственную часть, вскользь поинтересовавшись как у меня дела и не дожидаясь ответа сразу же перешел к делу:

- Есть у меня к тебе просьба, Андрюша. Надеюсь, ты мне не откажешь. Все-таки небольшой должок то у тебя как никак есть передо мной.

Олег Дмитриевич хитро прищурился и внимательно посмотрел мне в глаза. А я вспомнил слова его покойного сына Артема о том, как Горшок одаривал его щедрыми подачками, чтобы затем при случае упрекнуть в неблагодарности. Мне стало не по себе, но я постарался не показывать вида, надеясь что речь пойдет о какой-нибудь незначительной услуге.

- Да я шучу, Андрей.

Горшок еще раз вздохнул и продолжил:

- Мне нужно чтобы разговор этот остался между нами, но ты наверное уже это и сам понял. Дело скажем так... конфиденциальное, поэтому тебе самому будет важно, если все это до поры до времени останется без огласки.

- Сделаем, - ответил я.

- Это хорошо. Так вот, есть некая очень известная персона, актриса. Анна К. Слышал конечно же?

Я кивнул. Конечно я знал эту персону, очень красивая женщина, прекрасная актриса, в последнее время была прямо нарасхват, каждый известный режиссер старался заполучить ее в свой проект, кроме того она была на ведущих ролях в театре, несмотря на свой довольно молодой возраст.

- Так вот, Анечка несколько не в то русло пустилась, Андрюша. Кинулась так скажем, во все тяжкие по кривой дорожке. И дорожка эта завела нашу звезду в тупичок. А для того, чтобы вывести ее из этого тупика и направить по нужному пути, ей необходим ледяной душ. Понимаешь?

Я ровным счетом ничего не понял, кроме того, что Анна К. видимо что-то натворила и ее просто хотят поставить на место. Об этом я полушепотом и спросил Горшка. Вот прямо дословно так и спросил. Олег Дмитриевич согласно кивнул в ответ, мол правильно понял.

- Ну а при чем тут я?

- Мне нужно, чтобы ты написал статью. Обличительную такую статью. Жесткую.

- Но у меня же нет никаких фактов.

- Мы с тобой про факты уже неоднократно говорили Андрюш. Факты будут такими, какими ты их придумаешь и изложишь. А для наводки я тебе скажу так, она как бы так сказать помягче – не особо благодарна нашему государству за свои успехи. Можно ее за идеологические ошибки или за формализм отчитать. Увлекается дескать, сомнительными западными образцами, уходит от реалистической советской школы киноискусства и так далее.

- Это правда?

- Ну, конечно! – Горшок сделал такое лицо, как будто я оскорбил его самые чистые чувства, - я бы тебя об этом не просил Андрюша, если бы сомневался. Но, увы... Факты говорят сами за себя. Посуди сам, человек бесплатно отучился в ВУЗе, работу непыльную получил, известность, почет и всякие почести. Теперь благодаря этому у Анечки нашей отбоя нет от предложений, роли какие хочешь. А в благодарность за все она позволяет себе некоторые высказывания в адрес Комитета Кинематографии; мол какой она видит свою роль и это ей решать, как она роль эту исполнять будет. Мол, никто ей не указ. Ну и приводит в пример западных артистов, мол у них вот так, а не иначе. Намекает, что наша актерская школа устарела.

- Понятно. Я может не знаю чего... может новый фильм какой-то, я просто особо не обращал внимания... Она что, действительно кого-то копирует? Но она ведь хорошая актриса...

Я проговорил все это довольно сбивчиво, потому что начал догадываться о том, в какую трясику тянет меня Горшок. И это было довольно непривычно, это мягко говоря. А если честно, то я вообще не был готов к подобному, я испугался. Одно дело вылить ушат помоев на голову какого-нибудь вымышленного или условного западного банкира, и совсем другое - оклеветать живого человека, да еще и не имея реальных доказательств его вины.

Горшок не оставил без внимания моих метаний, он явно заметил что я напуган и тогда он перешел к детальному перечислению непосредственно грехов Анны К.

- У нее звездная болезнь, Андрей. Всякий артист рано или поздно такое переживает, это не преступление. Но она репетиции в театре срывает, на гастролях в этой... в гостинице вообще черти что устраивает. Режиссер говорит, что она совершенно неконтролируема, труппа может полдня ее ждать и под нее подстраиваться. Это нормально, как считаешь?

- Так это режиссер просит статью написать, я что-то не понимаю, Олег Дмитриевич...

Горшок мгновение помолчал, глядя мне в глаза и очень серьезно сказал, делая ударение на каждом слове:

- Это я, Андрюша. Это я в первую голову прошу тебя оказать мне услугу.

- Подождите, но почему я? У вас же свой штат есть, там полно ребят, они вам такую статью напишут, разве нет?

Горшок поморщился и отрицательно мотнул головой. Пока я переваривал услышанное и искал выход, как соскочить с опасного крючка, который вот-вот утянет меня в пучину, Олег Дмитрич добил меня новыми вводными.

- Послушай, здесь не все так просто. Эта Анна К. очень высокопоставленному человеку наступила на большую мозоль, понимаешь. Как тебе сказать, э-э... Это довольно личное. И там... наверху, - Горшок указал пальцем в потолок, - там такие дела без ответа не остаются. Тем более, что она очень многим обязана этому человеку. И человек этот хочет как бы так выразиться – восстановить справедливость, что ли. Ясно теперь?

Я промолчал, просто неопределенно покачал головой, мол дело ясное, но я черт меня возьми не готов... не смогу я такую статью написать. А Олег Дмитриевич продолжал перечислять грехи Анны К. и уже перешел к совсем уже скользкой теме:

- И так как дело это довольно личное, поэтому и мы в свою очередь кое-что личное имеем полное право добавить. Например, любовь к дорогим вещам, или богатый ухажер мол у актрисы появился, понимаешь? Алкоголизм.

- Алкоголизм? – удивился я.

- А что? Тебе ли не знать, Андрей... артисты у нас многие этим грешат, так что это почти правда. Здесь мы ни грамма не соврем.

- Хорошо... допустим она виновата и все что вы говорите правда...

- Да точно, Андрюша!

- Хорошо, хорошо. Но почему я?

- Андрюш, по ряду причин. Для начала мне очень важно, чтобы автор был не из моего отдела и вообще не из культуры. Политически это будет более правильно, потому что тут у нас не просто артистка заартачилась, а это прямая критика нашей советской школы киноискусства. Во-вторых, у тебя все-таки веса больше, так как ты уже у нас международник, да еще и проработавший в отделе культуры, то есть прекрасно знаешь эту кухню. В-третьих человек этот должен быть надежным и преданным. А ты надежный, Андрей. Я тебе могу доверять... и доверял уже личные свои секреты. Разве нет?

- Послушайте...

- погоди. А в-пятых, как я уже и говорил, ты мне вроде как должен, разве нет?

Горшок дружелюбно улыбнулся и похлопал меня по плечу. Я лишился дара речи, я действительно висел на крючке, как зазевавшийся карп, и меня тащила чья-то стальная рука и железная воля. Я попался. Вот что имел в виду сын Горшка, когда говорил, что я просто плохо знаю его отца. А ведь он был прав, в одно мгновение добродушный Олег Дмитриевич превратился в беспринципного Горшка, готового ради своего редакторского или партийного кресла или ради я уж не знаю каких перспектив и благ, извлекать неугодного человека в грязи. Пожалуй, он без сожаления завязал бы мне глаза, вывел во двор и зачитал приговор. Да и пулю в лоб собственноручно пустил при случае.

- Есть еще и шестая причина, и я тебе ее озвучу, когда написанная, а главное - подписанная твоим именем статья будет готова. А вообще ты и сам скоро поймешь о чем я говорю.

- То есть, я еще и написать это от своего имени должен?

Олег Дмитриевич сделал круглые глаза.

- А как же! В этом то и весь смысл, Андрюш.

Горшок мне вкратце объяснил, что анонимная статья может быть мгновенно оспорена, так как подписанная вымышленным именем или не подписанная вовсе информация, сама по себе на две трети будет считаться вымышленной. Если человек не хочет подписать свой собственный материал, значит там грязь и навет, и значит автор просто-напросто боится взять на себя ответственность.

- Кроме того, авторство в любом случае не скроешь, даже если под статьей чужое имя будет стоять. Все равно в редакции будут знать, кто автор, ты же знаешь нашу кухню, сплетни...

в общем, этого не скроешь. К тому же псевдоним не даст тебе защиты от ответного удара, а у артисточки нашей довольно влиятельные покровители есть. Имя твое все равно бы узнали, надавили бы на главреда, мол кто писал? Иванов. Подать его сюда! Так что это не вариант, даже хуже. Коллеги тебя за такое уважать не будут, понимаешь? А это твой авторитет, Андрей. Твоя репутация. Скажут, посмотрите на него, написал а подписать не посмел, испугался. А так ты честно изложил и подписался, потому что в словах твоих только правда и ничего кроме правды!

Ну и картину маслом нарисовал мне Олег Дмитриевич, добряк и душа-человек. Что же это получается? Получается, меня просто хотят подставить под удар, а потом накидать сверху сырой землицы и забыть? Горшок как будто читал мои мысли и снова принялся меня увещевать и уговаривать, обещая полную защиту и поддержку.

- Ты пойми, твоя подпись показывает что ты просто выражаешь свою позицию. Это твое мнение и ты берешь ответственность за свои слова и действия. Это не трусость какая то, мол вот мое мнение, но подписываться под ним я не стану. И то, что позиция твоя достаточно жесткая и что самое главное - политически верная, обеспечит тебе защиту в лице руководства редакции.

Это все, что мне сказал Олег Дмитриевич в тот день. После этого он просто встал, попрощался и вышел. Горшок даже не стал добиваться от меня принципиального согласия. С одной стороны, он видимо полагал, что мой ответ очевиден. А с другой... с другой стороны, он просто лишил меня возможности отказаться. Горшок огласил задание, дружески потрепал меня по плечу и смылся. Не могу сказать точно, дал ли я в тот момент согласие самому себе. Скорей всего да, потому что я еще долго сидел в актовом зале, не смея вернуться в кабинет. Как я буду смотреть в глаза дяде Боре, отвечать на шутки Людочки и улыбаться. Они сразу все поймут, начнут думать что со мной определенно что-то не так. А ведь со мной действительно что-то не так!

Я был настолько подавлен, что напрямик из актового зала прокрался на наш этаж и абсолютно без всякого страха, словно я был под гипнозом, вошел в приемную Кислицина. Еще час назад я бы и близко не подошел к этой зловещей двери, а сейчас я просто толкнул ее, переступил порог и стоял перед Ингой Карловной, которая сверлила меня взглядом.

- Инга Карловна, мне кажется у меня грипп. Температура скорей всего. Я домой наверное поеду, отлежусь.

Спрут продолжала молча смотреть на меня поверх очков.

- Если будут какие-то... если вдруг я понадобится... вы тогда...

Моя смелость улетучивалась так же быстро как словарный запас. Инга Карловна потеряла ко мне всякий интерес, резко сдвинула каретку и продолжила печатать.

Я молча ретировался, бесшумно прокрался мимо нашего кабинета, схватил куртку и выскочил на улицу.

Хорошо что мама все еще гостит у брата, скорей всего пробудет там до старого Нового года. Не будет лишних вопросов по поводу моего удрученного вида. Мне лучше действительно побыть одному и хорошенько подумать о предложении Горшка. Вернее, об ультиматуме, иначе я его не воспринимал. Хорошо, даже если это чертов ультиматум, я же могу не соглашаться на его условия! Послать Горшка подальше и уйти в отказ. Но чем больше я об этом думал, тем отчетливей понимал, что выхода у меня нет. Мне даже совета спросить не у кого. Впервые такие вещи посторонним людям лучше не озвучивать, меня друзья не поймут! Скажут: «Ты что парень, реально допускаешь вариант участия в такой мерзости?» Да и сам я уважать себя после этого не смогу. Но самое ужасное, Горшок совсем не дал мне времени на раскачку. Вернее, не совсем так. Он оставил меня в неопределенном, крайне подвешенном состоянии. Я только сейчас понял, что он не называл никаких конкретных сроков! Сколько времени у

меня есть в случае моего положительного ответа... Нет! Нет! Я еще ничего не решил, это просто предположение. Допустим, что маловероятно, я соглашусь. Когда статья должна пойти на подпись? Я январе? Через неделю? А может завтра?

Я посмотрел на телефонный аппарат. С минуты на минуту может раздаться звонок и я услышу в трубке голос Олега Дмитриевича: «Привет, Андрюш... ну что, готово?» Может быть мне стоит самому набрать его номер в редакции, извиниться и отказаться. Что я на самом деле теряю? После минутного раздумья ответ был готов – все! Я теряю все! Он вряд ли так вот просто примет мой отказ, наверняка найдет возможность, чтобы слить меня в унитаз из международной редакции. Кто я для него? Никто! Я не родственник, не сват. Один его звонок и Кислицин с радостью устроит мне такие условия или отправит туда, откуда я сам захочу сбежать.

Телефон внезапно и мерзко затрещал, это было настолько неожиданно и в то же время так ожидаемо, что я вздрогнул. Началось!

- Андрей Палыч, ты как?

Это был дядя Боря. Он иногда дружески называл меня по отчеству, хотя я лет на двадцать был его моложе. Фоном в трубке были слышны еле различимые вздохи Людмилы. На душе вдруг сделалось так тепло, как будто мне позвонил старый друг или родственник, с которым я не виделся целую вечность.

- Температуру, дядь Боря. Хреново мне что-то...

- Ты так сбежал быстро, зашел бы хоть.

- Да я вас заражать не хотел, мало ли... вдруг грипп.

- Я твой пирог съем тогда, не пропадать же добру.

- Ешь.

Мы поговорили минут пять, он спросил буду ли я брать больничный. Я передал привет Людочке, сказал, что скорей всего у меня просто ОРВИ или какая-нибудь однодневка, может от переохлаждения или от усталости.

Передо мной лежал атлас, мой единственный советчик в этой ситуации. Я раскрыл его наугад и мне выпала карта Берлина. С северо-запада по диагонали на юго-восток извивалась красная линия соприкосновения. И снова в который уже раз за последний год на память пришли воспоминания о нашей коммуналке, смерти папы и безумстве Рымаря. На этот раз видения были столь живыми, что мне показалось, словно я наяву чувствую запах его вонючих папирос. Мне стало немного не по себе. Слишком уж часто за последние пару лет я переживал эти дни, как будто памяти детства было мало места в моем житейском рюкзаке, и она рвала старую ткань и вываливалась наружу изо всех щелей.

Недалеко от пропускного пункта, соединяющего две части Берлина стоит обычный парень, солдат. Он достал сигарету. Прикурил, закрывая ладонью от ветра пляшущий огонек. Я могу спросить его мнение на это счет, почему бы и нет?

- Послушайте, эй служивый!

Парень повернулся в мою сторону и поднял руку, как бы предупреждая меня: «Дальше нельзя!» Я послушно остановился и изобразил на лице кроткую улыбку.

- Вам чего?

- Скажите, считаете ли вы вашу прессу правдивой? Они пишут правду о ГДР, как вы думаете?

Парень посмотрел по сторонам и сделал несколько шагов ко мне. Я предположил, что он боится быть услышанным своими сослуживцами или посторонними людьми. Точно так же как и нам, им не позволено говорить на улицах с иностранцами. Может я и ошибаюсь. Да, я действительно ошибся. Парень подошел ко мне, просто потому что хотел слышать меня лучше. Ветер был довольно сильным, вероятно от этого звенело в ушах.

- Вы из Восточного Берлина? Какой район? – спросил солдат.

- Я не из Берлина. Мой знакомый служил здесь после войны. Тогда еще не было стены и он смотрел на вашу часть города с вышки, через колючую проволоку. Ему казалось, что здесь никто не живет, ни единой души.

- Какая чушь!

- Согласен.

- Он воевал? Во второй мировой.

Я покачал головой.

- Нет, он просто сошел с ума и его увезли.

Парень усмехнулся.

- Похоже, ваш друг действительно заслуживал такой участи. Вы же видите, у нас тут жизнь бьет ключом. Так что вы хотели спросить?

- Я хотел узнать, насколько правдива ваша пресса, телевидение. Это не праздный вопрос, у меня довольно сложная ситуация. Я должен написать статью, но в ней нет ни капли правды. Кроме того, я могу навредить человеку. Верней, я просто уничтожу этого человека. Все что я буду писать о нем... о ней, это ложь.

Парень затаился, выпустил тонкую струйку дыма.

- Сколько платят?

- Простите?

- Сколько платят за статью? Хорошо платят?

Я пожал плечами и сказал, что дело не в деньгах. Статья ровным счетом ничего не стоит, но я могу либо вылететь с работы, либо пойти на повышение.

- Знаешь что... месяц назад я дежурил на пункте пропуска. Не на этом, там... на юге, - парень указал рукой, - так вот... ваш парнишка, солдат... вдруг ни с того ни с сего бросил автомат и припустился в нашу сторону. Там метров двадцать нужно было бежать. Я слышал как они кричали друг другу: «стреляй, стреляй!» Кто-то выстрелил и парень упал. Возможно, он даже не был знаком со своим убийцей. А может они были друзьями, тяжело сказать. Тот который стрелял наверняка получил знак отличия или звание.

Солдат замолчал, затаился сигаретой и посмотрел на юг, туда где месяц назад погиб парень с противоположной стороны.

- И что? – спросил я.

- Я бы тоже хотел получить медаль или что-то вроде, - ответил он.

Мы молчали несколько минут. Солдат смотрел себе под ноги и думал о чем-то. Он не заметил, как окурок начал обжигать его пальцы. Парень выматерился и зашвырнул бычок в траву. Я решил поспорить и высказать свою точку зрения:

- Понимаю, но это нетипичная ситуация. Люди в стрессе порой делают такие вещи, о которых в обычной жизни будут жалеть. Я...

- Это был не стресс, приятель. Это была их ежедневная работа. А твоя ежедневная работа писать то, что тебе велят сверху. Так ведь? Ты же пишешь не о том, о чем тебе хочется писать и не то, что тебе неожиданно взбрело в голову. Поэтому ты и пришел сюда и задаешь мне свои идиотские вопросы.

Разговор был окончен, я захлопнул атлас, но готов поклясться, что еще какое-то время после этого видел удаляющегося пограничника, его широкую спину, облаченную в зеленый армейский свитер.

Глава 6

Большие перемены.

Еще около получаса я шатался по пустой квартире, затем быстро собрался и вышел на улицу. Оставаться в четырех стенах было невыносимо, я все время ловил себя на мысли, что вот сейчас снова зазвонит телефон, и на этот раз я точно услышу голос Горшка. Видимо после моего разговора с виртуальным пограничником я еще не решился на предложение бывшего шефа, поэтому мне нечего будет сказать Олегу Дмитриевичу. А это значит, что и отказать ему я тоже не был готов.

Я заглянул в гастроном на первом этаже и медленно прошел по залу. Скорей всего я сделал это не задумываясь, ведь мысли мои на тот момент были далеки от поисков случайной встречи с Дарьей.

Насколько я поступлю подло, если напишу эту чертову статью? Ведь я уже несколько раз писал не совсем правду, да чего уж там – откровенную ложь! Что такого может случиться с Анной К., если я публично обвиню ее в увлечении западными ценностями? Скорей всего она действительно могла подражать кому-то из артистов... На ум пришло сразу несколько картин с ее участием и я старался вспомнить, уловить некую особенность, имитирующую или просто напоминающую манеру игры известных западных киноактрис. К сожалению, ее театральные роли я не видел вживую, а ведь неплохо было бы познакомиться с ее работами именно в театре, даже взять интервью, почему нет? Это потребует определенного времени и будет повод сказать Горшку: «простите, мол... я должен все-таки ознакомиться с ее творчеством поближе...» Чушь какая. Я не смогу взять интервью у человека, которого планирую оклеветать. Планирую? Мне стало противно, я как будто уговаривал сам себя, мол ничего страшного... напиши эту проклятую статью и живи себе спокойно дальше, как будто ничего не произошло. Не значит ли это, что я уже все решил, возможно с самого начала, когда Горшок только ставил передо мной эту проклятую задачу, еще там - в актовом зале.

Внезапно я заметил, что направляюсь в сторону той самой поликлиники, в которой работает Даша. Зачем я туда иду? У меня нет для этого особой причины, ведь я там даже больничный взять не смогу. Размышляя над этим и отговаривая себя всеми доступными способами я все-таки шел и шел вперед, пока не оказался перед массивной деревянной дверью.

Да чего я в самом деле боюсь? Отказа? Да и наплевать... если так, вернусь домой и сяду за написание этой треклятой статьи. Точно! Меня вдруг осенила странная мысль, если я сейчас пересилю свой страх, войду в поликлинику, встречу Дарью и не получу от ворот поворот... значит, и со статьей все само собой как-то выправится. Спасет меня Ангел хранитель, обязательно спасет. А если нет? Я не стал думать о том, что будет если вдруг Ангел хранитель имеет на этот счет другие планы и рванул тяжелую дверь на себя. Несколько раз вдохнул морозный воздух и вошел внутрь.

Поликлиника занимала два этажа жилого дома, но имела отдельный вход. В регистратуре пытаться что-то узнать было бесполезно, я и фамилию Даши не знаю. Суровая женщина за стеклом просто пошлет меня куда подальше и на этом все закончится. Можно просто исследовать поликлинику начиная с первого этажа. Я обходил один за другим коридоры и холлы, при этом уговаривая себя, - мол все в порядке, ты просто осмотришься, поблуждаешь по поликлинике и на этом все, сегодня возможно даже не ее смена... Посетителей было не так много, мне оставалось исследовать еще половину второго этажа, сказать себе что я сделал все что мог и...

И в этот самый момент я увидел ее. Даша стояла прислонившись спиной к стене и разговаривала с высоким худым парнем в белом халате, который опирался локтем о ту же стену, и скорей всего нашептывал на ухо Дарье какие-то сальные комплименты. По крайней мере его скуластое лицо было в недопустимой близости от Дашиного виска. Он напоминал паука,

который сковывает по рукам и ногам свою жертву, одновременно впрыскивая яд. А чего я собственно ожидал? Неделю назад мое воображение рисовало разгоряченную Дарью в лапах Ильи. Ну вот, пожалуйста, теперь еще и врач имеет на нее виды... или медбрат!

Развернуться и бежать было поздно, так как Даша уже заметила меня, слегка оттолкнула худощавого врача, разорвала липкую паутину и направилась прямо ко мне. Я любовался ее коленками, которые выглядывали из-под короткого белого халатика, искорками в ее глазах и мне было чертовски приятно, что она вот так смело идет мне навстречу, оставив долговязого врача стоять в полном одиночестве. Ее волосы были убраны под белый чепчик и только два локона спускались справа и слева, отчего лицо ее казалось таким милым, что мне невыносимо хотелось припасть губами именно туда, где волосы выбиваются из под белоснежного чепчика. Она подошла и протянула мне руку... я снова почувствовал ее маленькую теплую ладонь и не спешил уже отпускать ее так быстро. Но вместо того чтобы сразу сказать... или дать ей понять, что я нахожусь здесь только по причине моего маниакального к ней влечения, я с места в карьер начал городить невероятную чушь:

- Привет. Слушай, у меня тут такое дело... я с работы отпросился, а мой врач сейчас на вызовах... в общем, я не знаю что делать. Может как-то... я просто вспомнил что ты тут работаешь, дай думаю зайду. Температуры у меня нет, да в общем и чувствую я себя нормально...

Дарья молча смотрела на меня, слегка покусывая нижнюю губку и мне вдруг невыносимо захотелось схватить ее в охапку, прижать к стене и заставить раскрыться эти ее пухлые губы. В общем то я уже сказал все то, что было заготовлено по дороге, придумать что-то новое у меня не было ни времени, ни фантазии, а Даша продолжала предательски молчать и улыбаться. Мне ничего больше не оставалось, как сказать что-то более похожее на правду, что могло хоть как-то оправдать мое появление в поликлинике.

- Может выпьем по коктейлю сегодня вечером?

Я сказал это и подумал: «Боже мой, неужели моей фантазии хватило только на посиделки в гастрономе...»

- Да.

Это короткое «да» было настолько красноречиво и просто, что я мгновенно обмяк и расслабился.

Снова кафельные стены, напоминающие разрезанную плоть коровы, два стакана с молочным коктейлем, растрепанные волосы, румяные от мороза щеки и снег за окном. Нет только красного пуховика, вместо него серое пальто. И так же как полторы недели назад за окном темно.

Неловкого молчания, которого я так боялся мы избежали. Мы не спускали друг с друга глаз, я говорил какие-то глупости, Даша смеялась. Мы постепенно подбирались к темам, которые были для нас наиболее опасны и интересны. Я рассказал, как накануне Нового Года приходил к Илье и о чем мы говорили. Я заметил, что мой короткий рассказ не оставил Дашу равнодушной.

- Я просто думал что может у тебя с Ильей... мало ли, он мой друг все-таки...

- И что?

Действительно, и что? Я же не обязан уступать другу девушку, которая мне нравится. Сказать Даше напрямую про «нравится» я еще не решался, поэтому больше налегал на тему «друзья – это святое».

- Не хотел вмешиваться, может у вас все серьезно...

Даша рассмеялась.

- С кем? С Ильей? С ним разве может быть серьезно, ты же его знаешь... Так, ничего особенного, встречались пару месяцев. Он веселый, с ним легко... но этого ведь недостаточно. Людей должно связывать нечто большее, чем просто приятное времяпрепровождение.

Мне очень не хотелось вдаваться в подробности их отношений с Ильей. Меня больше интересовало не Дашино прошлое, а мое ближайшее будущее и ее место в нем. Мне плевать что они делали вместе, куда ходили и сколько раз у них был секс. Похоже, у Дарьи тоже не было настроения об этом вспоминать, поэтому она не стала особо распространяться об Илье. И мы начали говорить о нас, тем более мне то уж было о чем порассказать.

- Вообще-то, я не люблю эту его компанию, хотя с Ильей мы старые друзья. Поэтому и приходится ходить на эти их тусовки... по старой дружбе. Я когда тебя первый раз увидел, то думал что ты... ну, в общем такая же как все они.

- А какие они?

- Не хотелось бы плохо говорить о людях в их отсутствие.

- Ой, да брось.

- Ладно... я это сказал не потому что я прямо такой расчудесный человек, совсем нет. Просто хотел произвести на тебя впечатление.

- Считай что произвел, - сказала Даша и так обольстительно улыбнулась, что у меня голова пошла кругом.

Несколько секунд я даже не мог ничего сказать, а она смотрела на меня и видимо наслаждалась произведенным эффектом. Наконец дар речи вернулся ко мне и я сказал:

- Я-то вижу, что они все его просто используют. Ну, отчасти и он их тоже... У него всегда можно разжиться каким-нибудь дефицитом, чтобы потом загнать его подороже разным лохам. Я сам у него брал шмотки, чтобы фарцевать... Но это давно было, когда я еще в МГУ учился и надо было хоть как-то концы с концами сводить.

- Удачно хоть?

- С переменным успехом. А ты сама как попала в эту компанию?

- Илья в поликлинику приходил, у него ОРЗ был, так и познакомились. Он меня пригласил на Новый Год, и я пришла.

Затем Дарья рассказала, что учится на заочном в Пироговке и заодно наработывает себе практику в качестве медсестры.

- Я сначала пришла как санитарка, но после первой сессии они меня как медсестру оформили, хотя не имели права вообще то. Но ты же знаешь, как у нас все...

Я прекрасно знал как у нас все, поэтому спросил:

- Тебя тот долговязый брюнет по службе продвигал что ли?

- Ревнуешь?

Не скажу, что я ревнивый человек. Но Дарье наверное было бы приятно почувствовать мою ревность. И я сказал что да, очень ревную. И к врачу этому и к Илье. И вообще, ничего плохого в ревности я не вижу.

- Я собственник каких мало, - закончил я.

И тут же улыбнулся, стараясь показать что пошутил, чего доброго напугаю девушку такими вот заявлениями. Надеюсь, что у меня получилось и она поняла что это была шутка. Мы помолчали, затем Даша опустила свою прелестную головку на скрещенные кисти рук и сказала так мягко и тихо, что у меня волосы на голове зачесались от возбуждения.

- Знаешь, ты когда сел напротив нас и начал что-то говорить про какой-то там альбом, про даты и про музыку, я подумала что ты не в себе немного... не могла понять, чего ты так прицепился к этой дате.

- Из-за тебя, - сказал я, - хотел произвести впечатление.

- У тебя получилось.

Мои руки блуждали по столешнице, я подался вперед и наши пальцы встретились. Я пересел на свободный стул рядом с Дарьей, она прижалась ко мне. Мы еще долго шептались и целовались сидя у окна, пока продавщице соков не надоела наша идиллия и она не сделала нам замечание в духе борца за нравственность.

В один из январских дней я шел по коридору нашей редакции, и внезапно навстречу мне как из-под земли возникла Инга Карловна. Она плыла по коридору и огромный седой пучок волос на ее голове колыхался в такт шагам. Я уже хотел было слиться со стеной, стать невидимым и неосознаваемым, но в этот момент произошло нечто совершенно для меня неожиданное. Губы секретарши еле заметно растянулись в подобие улыбки, после чего она молвила с адским прибалтийским прононсом:

- Добрый день, Андрей Павлович.

Клянусь, за неполные девять месяцев работы в редакции я еще ни разу не слышал от нее так много слов за раз. Я опешил, остановился как вкопанный и насколько мог вежливо ответил на приветствие. После чего быстро ретировался и скрылся в нашем кабинете. Я захлопнул дверь и прижался к ней спиной. Дядя Боря оторвался от печатной машинки и уставился на меня. Видимо, я излучал нечто среднее между страхом и безумием.

- Ты чего? – спросил дядя Боря.

Я продолжал молча стоять, прижавшись спиной к двери. Мне нужно было дождаться всеобщего внимания и достигнуть наивысшего градуса напряжения.

- Он голодный, не видишь что ли? – сказала Людочка, обращаясь больше ко мне, чем к Борису Львовичу, - у меня еще кусок пирога есть, будешь?

Дождавшись, когда Людочка окончательно смолкнет, я тихо произнес:

- Спрут только что назвала меня по имени.

- Да ладно! – удивился дядя Боря, - врешь ведь!

- Клянусь... вот прямо сейчас, в коридоре. И еще... она поздоровалась. Первый раз! Первый раз, вы можете себе это представить!

Дядя Боря почесал за ухом. Людочка всплеснула руками.

- Уволят, как пить дать! – страдальчески сказал дядя Боря и вздохнул.

- За что его увольнять-то? – искренне удивилась Людочка.

- Придумают, с них станется.

- Да ну тебя, Борис Львович!

Наблюдая за этим наигранным диалогом моих коллег я одновременно испытывал нечто среднее между страхом, щенячьим восторгом и размышлял. Оставалось только догадываться, что скрывается за этой внезапной переменой в поведении Инги Карловны Спрут. Поэтому почти сразу за внезапной радостью я осознал, откуда именно может дуть ветер перемен и настроение мое тут же сошло на нет. Видимо мой бывший шеф Олег Дмитриевич достал из кармана и продемонстрировал предназначавшийся мне пряник, и пряник этот должен теперь возыметь действие и повлиять на мое решение. Одновременно это могло означать и то, что если я начну юлить, то в его силах показать мне так же и кнут.

До конца дня я старался не подавать виду, хотя на душе у меня скребли кошки. Я листал на столе документы, пару раз заправлял бумагу в печатную машинку, печатал, затем выходил в курилку, отвечал невпопад на вопросы Людочки, смеялся шуткам дяди Бори и думал о том, как я все-таки буду выкручиваться из этой неприятной ситуации. Допустим, я соглашусь и тисну эту мерзкую статейку. Что будет дальше? Нет, не со мной, за себя я могу не переживать. Судя по сигналам, которые мне подал Олег Дмитриевич, а я почти уверен, что изменения в поведении Инги Карловны, это именно сигнал мне... так вот со мной все предельно понятно. Меня скорей всего продвинут по службе, дадут какое-либо направление. Сектор развивающихся стран, например... там сейчас Кравцов руководит, так но он вообще никакой. А вот что может случиться с Анной К. – здесь вариантов может быть несколько. Самое ужасное - она лишится нескольких работ в кино. Невелика беда, у нее много ролей в театре. В крайнем случае может уехать и играть на провинциальных подмостках или уйти в конце концов на радио. Пожалуй это самое ужасное, что может с ней случиться. Надеюсь, вся эта история не такая серьезная

и Анна К. отделается легкой взбучкой или выговором. Пожурят ее, поставят на вид, этим все и закончится. Она в свою очередь подумает о своих приоритетах, и будет брать пример с отечественных мэтров. Горшок обмолвился, что она устраивала дебоши на гастролях, срывала репетиции. Конечно, многое из того что он говорил похоже на правду, я ведь достаточно долго проработал в отделе культуры, был вхож за кулисы театров, много общался с артистами и был осведомлен об этой братии. Возможно, мой бывший шеф отчасти прав и Анне К. небольшой прохладный душ не помешал бы... А если все это лишь досужие вымыслы и кто-то просто пытается свести счеты с более успешной актрисой? Или это действительно нечто личное. Тогда ситуация может зайти достаточно далеко и чем все закончится, вообще непонятно.

Я хотел на время освободиться от этих мыслей, не думать хотя бы день-два. Слава богу, что Горшок не наседавал на меня, не звонил и вообще не проявлял никаких признаков жизни. А может быть он просто не хотел меня спугнуть, понимая что я могу отказаться.

А в среду произошло то, что окончательно расставило все на свои места. Дядя Боря вошел в наш рабочий кабинет и подмигнул мне с порога.

- Андрей, тебя Кислицын вызывает. Давай, там вроде срочное что-то.

Людочка сочувственно повела бровями, дядя Боря заметил ее реакцию и подлил масла в огонь.

- Как пить дать, уволят... - сказал он и трагически вздохнул.

- Да что вы говорите такое, дядь Борь?

На этот раз я не стал слушать их пустопорожнюю болтовню, пулей выскочил в коридор и через минуту был уже возле приемной шефа. Против обыкновения Спрут сразу же кивнула на дверь в кабинет, да еще и любезно произнесла, обращаясь ко мне на «ты»:

- Он ждет, проходи.

Кислицын был не так радушен как Инга Карловна, но и особого высокомерия не проявлял. Он сразу же предложил мне сесть и задал беседе деловой тон.

- У нас служебное задание в перспективе вырисовывается, Андрей Павлович. Я проанализировал ваши последние работы, заодно то что вы писали на предыдущем месте, данные ваши посмотрел... плюс у вас английский на уровне. В общем я подумал, что могу вас рекомендовать для поездки по заданию редакции. Думаю, что партком тоже одобрит.

У меня сперло дыхание, я сидел как истукан и не мог вымолвить ни слова. Только с дрожью ждал продолжения до конца не веря в то, что услышал. Перебирал мысленно страны... куда? Болгария, ГДР... Югославия? Но то что я услышал, окончательно меня добило.

- Поездка будет в Рим. Ненадолго, правда... четыре дня всего. Надо осветить кинофестиваль «Таормина», поэтому я именно вас и выбрал, вы же в теме как никак. Слышали про этот фестиваль?

Кислицын не дождавшись моего ответа продолжил:

- Все субтитры будут на английском, пресс-служба тоже, так что проблем с языком не будет. Подойдите сейчас к Инге Карловне, там кое какие оргвопросы нужно утрясти, она вам расскажет что делать.

Кислицын замолчал и дал понять что разговор окончен, я зачем-то сказал; «спасибо» и вышел в приемную.

Я еще не пришел в себя, поэтому вслушиваясь в прибалтийский акцент Спрут, старался разобрать и связать воедино слова, которые разлетались по приемной, отскакивали от стен и кружились над головой. Я мог различить только «анкету на загранпаспорт, автобиографию, шесть фотографий».

- Цветные? – единственное, что мне удалось выдать из себя.

- Черно-белые я ведь сказала. Загранпаспорт получите в отделе кадров. И сразу после поездки сдадите туда же в течение трех дней. Поняли?

Я кивнул. Видимо, партком уже все одобрил, и Кислицин меня вызвал только чтобы поставить в известность, выдать бланки для заполнения и... как это ни смешно звучит – получить мое согласие. Ведь как ни крути, это все-таки служебное поручение. Значит, дело уже решенное. Спрут подтвердила мои догадки, сказала что времени у меня в обрез, и что выезд через полторы недели.

- В первом отделе получите направление на медосмотр. Поликлиника наша знаете где? – спросила Инга Карловна.

- Что? Поликлиника?

- Да. Ведомственная наша поликлиника. Бывали там?

Я только сейчас заметил, что Спрут обращаясь ко мне снова перешла на «вы».

- Нет, не был ни разу, - ответил я.

Инга Карловна написала адрес на листе бумаги, протянула мне. Я взглянул на листок, но буквы прыгали у меня перед глазами, я не мог сложить их в слова, свернул бумажку и спрятал в карман.

- Скажите... а когда паспорт получить?

Спрут кивнула на бланки, лежавшие на столе.

- Успеете. Заполните сначала.

Людочка кинулась мне на шею с поздравлениями, Борис Львович тоже не остался в стороне и протянул мне руку. Заметно было, что он хотя и рад за меня, но легкое, еле заметное чувство зависти повисло между нами.

- Молодец, переплюнул меня, - сказал дядя Боря, - ну тогда я буду твои пироги всю неделю есть, ты не против? Надо ведь чем-то жертвовать?

Я попытался как мог смягчить ситуацию, но получилось словно я оправдываюсь перед моим старшим коллегой:

- Да там просто кинофестиваль, а так-то тебя бы отправили дядь Борь...

- С чего это ты будешь его пироги есть? – опомнилась Людочка.

- За Андрея не переживай, он в Италии макаронами наворачивает, - резюмировал Борис Львович.

В момент наивысшей радости в нашем кабинете зазвонил телефон. Людочка сняла трубку и затем позвала меня. Честно говоря, лучшего момента Горшок не смог бы выбрать.

- Привет, Андрюша. Празднуете уже?

Я промычал в ответ что рано еще, что-то про анкету, партком и медосмотр. Мол, не все так быстро, да и не все еще решено. Я говорил и в этот самый момент представил крючковатый палец, вылезавший из грязной придорожной лужи и дребезжащий голос в моей голове нарастающе произнес одно единственное слово: «Дол-жо-к!»

- Это так кажется, Андрей. Время быстро летит, ты уж мне поверь старику. Когда я у вас в редакции был? Постой... да, неделю уже как.

- Да, неделю уже, - сказал я, чтобы хоть что-то сказать.

- Я вот что подумал, Андрюш. Можем мы завтра встретиться по нашему вопросу? Ты как там, готов уже?

Мой голос сорвался и я издал какой-то горловой звук, отдаленно напоминавший «да».

- Алло, я не слышу, Андрюш!

- Да, Олег Дмитрич, я готов, - сокрушенно произнес я.

- Отлично. Заезжай ко мне в редакцию, часикам к двум.

Он попрощался и отключился, а я так и остался стоять с трубкой в руке. Пока Людочка не забрала ее из моих рук и не водрузила обратно.

- Эй, с тобой все в порядке? – спросила она.

- Да, все норм. Я просто никак не могу поверить.

Я собрал волю в кулак, чтобы показать присутствующим всю силу переполняющего меня счастья и криво улыбнулся.

Бланки и автобиографию я заполнил в тот же день на работе. В планах на сегодня был медосмотр и конечно же... я должен был закончить разгромную статью про Анну К. И если с первым все было более-менее понятно, то со статьей я продвигался довольно медленно. Я не хотел использовать печатную машинку и начал с небольших заметок, просто записывая их карандашом в блокноте. Старался писать урывками в курилке или в холле, но постоянное мелькание перед глазами коллег мешало мне сосредоточиться. Но ужасней всего было писать в кабинете, в присутствии Людочки и дяди Бори. Мне казалось, что они стремятся подглядеть через мое плечо и прочесть, что же я там такое интересное записываю. Было ощущение, словно я занимаюсь чем-то противозаконным или непотребным. На самом деле так оно и было.

Понимая, что со статьей не выходит, я сообщил коллегам что поеду в поликлинику и смылся из редакции. Получив направление в первом отделе, я вышел на улицу и почувствовал облегчение. От нас до Пречистенки, где находилась ведомственная поликлиника, общественным транспортом примерно минут сорок с пересадками. Благо, в рабочее время народу в транспорте было не так много, я забирался в какое-нибудь укромное место и медленно, слов за словом сочинял этот омерзительный пасквиль. Писал в транспорте, писал на остановке, в ожидании троллейбуса, писал в небольших очередях уже в поликлинике. И чем большее количество слов заполняло мой блокнот, тем меньше угрызений совести я испытывал. Мое воображение рисовало величественный Колизей, Собор Святого Петра и Аппиеву дорогу. На этом фоне мои каракули казались ничтожными, мелкими и не заслуживающими внимания. В конечном итоге статья была практически готова. Оставалось только внести кое какие правки и перепечатать все на чистовую.

Вполне логично, что в первую очередь я хотел поведать о предстоящей поездке Дарье, хотя еще совсем недавно я скорей всего подумал бы о маме. Но сегодня она была от меня достаточно далеко и не только географически но и ментально. А вот Даша наоборот, вытеснила маму с пьедестала и стала для меня тем самым главным человеком, с которым хотелось делиться... я чуть было не сказал себе «всем». Но хотя бы приятными новостями точно.

На Калининском я отыскал телефонную будку, растер занемевшие на морозе пальцы и набрал номер. Я нетерпеливо слушал гудки и ждал, когда она подойдет к телефону, топтался в тесной будке, пытаюсь отогреться.

- Привет, - сказал я, когда наконец услышал Дашин голос.

- Ой, привет! Слушай... я долго не могу говорить. Сегодня Валерьевич дежурит, он на дух не переносит никаких разговоров в рабочее время.

- Даш, я в Италию еду.

- Шутишь?

- В Рим. Через неделю.

- Молодец, я так рада за тебя! Ой, он идет кажется. Целую, пока. Вечером поговорим.

Она повесила трубку. Конечно, мне следовало найти более подходящее время, чтобы сообщить эту новость и получить причитающуюся мне по праву порцию восторгов, а не довольствоваться просто: «целую и рада за тебя». Послав мысленно пару проклятий в адрес незнакомого мне Валерьевича я направился обратно в редакцию.

Я перезвонил Дарье еще раз в конце дня. Мы договорились отметить это важное событие сегодня у меня дома, я сказал что зайду за ней после работы. Это было что-то новое, необычное для меня, ведь я добровольно нагружал себя обязанностями, которые не только не были мне в тягость, а наоборот – я хотел этого. Давно нужно было что-то менять в жизни, нельзя было заикливаться только лишь на работе и карьере. Я всегда немного завидовал своим друзьям, которые могли себе позволить жить так как они хотят. И ведь не скажешь, что я смог

добиться чего-то большего чем они. Помню, как Илья иронизировал, когда я подавал заявление в партию. Ему было смешно. Конечно, Илье особо ничего не нужно было делать для того, чтобы получать по жизни небольшие бонусы. Загадочный атташе, импортные шмотки, квартира в полном распоряжении... чего еще можно желать? Сашка вообще темная лошадка... Впрочем, не потому что он скрытничал, ведь ни я ни Илья просто особо не интересовались, чем он занимается последнее время. Однако, он был постоянно занят, и постоянно в разъездах. У него появились довольно влиятельные знакомые... вернее, мы думали что его новые знакомые какие-то особенные люди, потому что Саня постоянно должен был с кем-то встретиться, кому-то позвонить... даже в выходные дни.

Вернувшись в редакцию, я некоторое время занимался текущей работой, между делом отвечал на вопросы коллег, поведал что к счастью обошлось без хронических и неизлечимых болезней. Все эти разговоры были в тягость, я ждал только одного, когда останусь совершенно один и перепечатаю обличительную статью. Мне казалось, что как только я покончу с этим, состояние мое изменится, я перестану терзать себя мыслями и угрызениями совести. Мне подумалось, что так чувствует себя приговоренный к смерти... ждет свой последний час и одновременно боится его. Дождавшись, когда Людочка и Борис Львович отчалил домой, я заправил бумагу в печатную машинку, открыл блокнот и стал автоматически набирать текст, думая совсем не об Анне К. и ее карьере, не о неприятностях, которые может принести ей мой пасквиль, а о своей поездке в Рим, о вечере, который я проведу наедине с Дашей. В общем о том, что моя жизнь наконец то резко меняется... и меняется в лучшую сторону.

Так уж устроен человек, что отмечать всевозможные даты, достижения и просто радостные минуты жизни обязательно нужно за накрытым столом. Я забежал по дороге в гастроном, но как и следовало ожидать, ничего подходящего к праздничному столу приобрести не получилось. Я вздохнул и подумал: «Наверняка в Италии с этим дела обстоят получше... вот и посмотрю через неделю».

Я немного задержался и когда подходил к поликлинике Дарья уже ждала меня на улице. По дороге к дому мы пару раз останавливались и бесконечно долго целовались. Я не мог ни на секунду выпустить Дашину руку, как будто боялся, что могу тут же потерять ее навсегда. Когда мы подходили к дому, мороз усилился, повалил снег и я почувствовал себя снова как тогда, в ту самую Новогоднюю ночь, когда первый раз увидел Дарью. Мы вошли с холода в теплую квартиру, на ходу снимая с себя одежду и оставляя ее лежать прямо на полу.

Потом мы сидели за столом, поедали слипшиеся холодные макароны и запивали их шампанским. Даша закуталась в одеяло на голое тело, и я наблюдал как она пытается подцепить вилкой непослушную сосиску. Я разглядывал Дашу, ее тонкие пальцы, державшие вилку, видел как от напряжения у нее на шее пульсирует голубая жилка. Мне захотелось прижаться к ней губами.

- Как думаешь, тебя часто будут за границу отправлять? – спросила она.

- Не знаю, вряд ли... дядя Боря несколько раз был и на этом пока все. Да и вообще рано об этом говорить. Надо сначала выехать. Сегодня медосмотр был, анкеты заполнил... фото еще надо завтра сделать.

- А как вообще отбирают, кто поедет а кто нет? Кто это решает? Ты там самый талантливый, да?

Она так искренне улыбалась, ей так хотелось чтобы я был самым достойным и самым талантливым, что мне стало не по себе. Если бы она узнала каким образом я получил эту служебную поездку в Рим, она бы наверное ушла и больше никогда не переступила порог моей квартиры. А может быть и нет, возможно ей плевать на мораль - главное результат. Сама эта мысль внезапно показалась мне крамольной. Нет, она не может так думать. Вот ведь парадокс,

мне хотелось чтобы Дарья была честной и бескомпромиссной, но сам я мог при этом позволить себе некие подлые поступки и слабости.

- Я в культуре раньше работал... поэтому и выбрали, - ответил я, - так-то кто-то другой наверняка бы поехал. У нас полно достойных ребят.

- Не говори ерунды, ты самый достойный.

Она внезапно сбросила одеяло, встала во весь рост, совершенно голая и изогнулась всем телом опираясь на стол. Ее волосы упали на плечи прикрывая часть шеи и грудь. Мгновение я разглядывал ее большие розовые соски, затем поднялся и сделал движение в сторону Даши. Она резко выпрямилась, переступила своими длинными ногами и тут же оказалась на противоположной стороне стола. Продолжая дразнить меня, она запустила пальцы в волосы и откинула их назад.

- Итальянки наверное все такие сексуальные... как Орнелла Мути. Я тоже хотела бы быть такой... с холодным таким взглядом. И всех сражать наповал.

- Ну и осталась бы одна, - ответил я, - одна не боишься остаться?

Я медленно двинулся вперед, обходя стол и включаясь в эту увлекательную игру. Даша так же медленно отступала. Однако с каждым шагом расстояние между нами сокращалось.

- Нет, самый выносливый должен выжить, - ответила Даша, - одна я быть точно не хочу.

- Одна ты и не будешь.

- Знаю.

Я подобрался совсем близко. Если я сделаю резкий выпад, то без труда смогу поймать Дашину руку. Но мне хотелось еще немного понаблюдать за ней, изучить каждый сантиметр ее красивого тела.

- Ты похожа, - сказал я.

- Что?

- На итальянскую кинозвезду.

- Ой, прекрати. Ты один здесь живешь?

Даша окинула взглядом огромную гостиную, как будто первый раз увидела ее. Я ответил что живу один, и мне очень тоскливо по ночам. Постарался, чтобы получилось как можно более напыщенно и смешно. У меня получилось и Даша рассмеялась. Воспользовавшись паузой я сделал движение в ее сторону, обнял Дарью и прижал к себе. Она не сопротивлялась, положила мне руки на плечи и прошептала:

- Я завтра не дежурю, у меня выходной. Хочешь я останусь и буду ждать тебя?

- Хочу. Будешь тут за хозяйку, - так же полупшепотом ответил я.

- Как скажешь.

В тот вечер мы еще долго разговаривали, пили шампанское, ели холодные сосиски и занимались любовью, на этот раз прямо на полу в гостиной, на том самом одеяле с Дашиних плеч. Уснули мы только под утро, а в восемь я проснулся, попросил Дарью закрыть за мной и поехал в редакцию.

В два часа дня, как и обещал, я был в кабинете у Горшка. Он прочитал мой пасквиль и еле заметно поморщился, всем своим видом показывая, что ему хотелось бы большего. Он постучал пальцами по столу и посмотрел на меня своим таким добродушным взглядом. Но я-то теперь знал, что скрывается за его показным добродушием.

- М-да. Такое впечатление, что ты как будто извиняешься за нее, оправдываешься. Ты подумай не с ее точки зрения, а как это все выглядит со стороны ее коллег, вот о чем подумай. Я же тебе говорил. Постоянные срывы репетиций, собственное эго... которое Анна К. ставит превыше всех и вся. А это уже, мой дорогой, не просто эгоизм, это уже антисоветский образ мыслей и чуждый нам стиль жизни. А у тебя получается, что мол, жизнь артиста такова... тонкая душевная организация, и поэтому бла, бла, бла... Нет, так не годится, Андрюш. Давай,

переделай это вот, - он ткнул указательным пальцем в листок, как будто пригвоздил его к столу, - ты ведь согласен что это далеко не обличительная статья? Побольше реальных фактов, а не философии вот этой твоей на тему «почему да отчего». «Почему» - это сейчас не так важно, это не наша задача выяснять по какой причине, нам важны факты. Ты здесь не адвокат, Андрей. А прокурор. И судья!

Это было ужасно, сегодня мне предстояло еще раз войти в одну и ту же реку, вода в которой источала зловоние. Но выбора у меня не было, я предложил дать мне еще день на доработку и тогда завтра я кровь из носу привезу готовый вариант. Но Олег Дмитриевич был категорически против. Мол, нет времени и до моего отъезда за рубеж статья должна выйти в печать.

- Слушай, у меня идея! – сказал Горшок и хлопнул себя по лбу. - Я тебе сейчас выделю место... прямо здесь, в редакции. Кстати, могу тебя даже в твой старый кабинет посадить. Как поговориться, дома и стены... я сейчас...

Он нажал кнопку на селекторе и удерживая палец на пульте, склонился над микрофоном и одновременно глядя на меня улыбающимися глазами произнес:

- Софья Павловна, мне надо Андрея определить в его прежний кабинет. Да, нашего Андрея. Там у нас этот... как его... давай их всех оттуда временно пересади... Ну, я не знаю куда! Думай. Нет, не вернулся... просто поработает сегодня здесь, да.

Горшок вопросительно кивнул, глядя на меня и спросил:

- Час тебе хватит?

- Хватит.

- На один час, Софья Павловна. Потом обратно всех пересадишь. Все, отключаюсь.

Я расположился в моем старом кабинете и снова сосредоточился на статье. Я решил, раз уж дал согласие и пишу эту мерзость, то хотя бы нужно сделать так, чтобы мучения длились не так долго. Умереть быстро и без боли. Мне пришлось написать то, что от меня требовал Горшок и даже больше. Чтобы избежать третьего раунда, чтобы меня снова не засадили за исправление текста, я добавил от себя не только о скандале, который устроила Анна К. на гастролях в Ташкенте, но и о ее слабости к алкоголю. На этот раз я полностью исключил смягчающие обстоятельства.

Через сорок минут я снова сидел в кабинете Горшка.

- Вот! Молодец! Совсем другое дело, - сказал Горшок, закончив чтение.

- Это все? – поинтересовался я с надеждой, которую даже не пытался скрывать.

- Надеюсь. Я должен еще показать в первом отделе. Дело то деликатное, сам понимаешь. Тут еще важно чтобы нас с тобой в травле не обвинили.

- В травле? Вы же сказали...

- Ты не переживай так, Андрюш. Это даже не для подстраховки, такой порядок. Да ты и сам знаешь.

Я знал, поэтому тут же кивнул. Мне очень не хотелось продолжения этой истории. Олег Дмитриевич почесал за ухом, взъерошил свою смешную прическу и успокоил меня:

- Но на первый взгляд, здесь все более-менее без перегибов написано. Придаться не к чему.

Мы попрощались и я поехал обратно в международную редакцию.

Неделю назад я думал, что не смогу смотреть в глаза дяде Боре и улыбаться глупым шуткам Людочки. Оказалось, что я напрасно переживал. На деле все оказалось не так страшно, видимо мысли с которыми я жил последнюю неделю стали для меня просто рутинной. Иначе как например могли обычные люди работать в тюрьмах, в концлагерях, в расстрельных командах... я ни минуты не сомневался, что люди там работали обычные, но привычка превращает их в бездушных животных. Привычка ломать ребра, разбивать головы, сжигать заживо и расстреливать со временем становится обычным делом, той самой скучной рутинной. Но человек

этот не становится черствым во всем, возможно он может расплакаться, читая какой-нибудь слезливый роман или подобрать умирающего котенка с улицы. Такими вот мыслями я успокаивал себя, мол ничего страшного не произошло, я просто выполнил свою работу.

Мы сидели в курилке и я слушал напутствия дяди Бори, который с видом знатока рассказывал о том, что меня ждет в ближайшие дни.

- Проверка будет, но ты особо не переживай. За тобой же никаких косяков не водится?

- Да вроде у меня все чисто...

Дядя Боря махнул рукой, пепел слетел с его сигареты и упал на рукав. Он смахнул его и чертыхнулся. Пепел размазался по рукаву седой полоской. Видно было, что Борис Львович хотя и хорохорится, но все-таки немного расстроен и завидует мне.

- Ты бы и в международную вряд ли попал, если что за тобой какие-то хвосты были. Меня помню перед каждой поездкой проверяли.

Я сокрушенно вздохнул, всем своим видом показывая, что нас, честных граждан унижают подобные проверки.

- Медицину ты прошел... - деловито продолжал дядя Боря, - инструктаж еще в первом отделе, но это позже.

- Что за инструктаж?

- Куда можно ходить, куда нет. С кем говорить, о чем говорить... с нашими эмигрантами вообще категорически запрещено, это прям... прям основа основ. Ни на шаг не подходи, ни при каких обстоятельствах. Будут предлагать деньги или помощь...

- С чего это они мне будут деньги предлагать?

- Я не сказал что будут. Но могут предложить что-нибудь еще. Так вот, тебе на заметку - половина из них на службе у внешней разведки или ЦРУ.

Я не стал уточнять, что ЦРУ это и есть внешняя разведка, чтобы не лишать дядю Борю ощущения значимости.

- В общем, подарки не принимай ни под каким соусом, валюту не меняй. Ну и нельзя ни с кем обсуждать ни внешнюю политику, ни СССР в принципе.

- Почему бы не обсудить, как у нас тут все здорово? - спросил я.

- Ну, это можно я думаю. Но ты учти, что никто не будет обсуждать как у нас тут здорово. У них другие задачи. И кстати, интимные связи тоже исключены, парень.

- Я там четыре дня только буду, какие связи?

Дядя Боря хмыкнул и стряхнул пепел с сигареты. На этот раз на пол.

- У них с этим просто. Нравственность на нуле, Андрюха.

- Я там буду целыми днями в пресс-центре, вечером до ночи просмотры и потом в гостиницу отсыпаться. Когда там интимные связи могут быть, дядь Боря? И вообще... у меня девушка есть.

- Во, кстати... это важно. У тебя будет маршрут каждый день, вот ты так и ходи, ни шагу в сторону или еще куда. Бары там, и прочее... забудь. Иначе это твоя последняя поездка будет. Ну, по магазинам может... но только в сопровождении. С вами будет товарищ, - дядя Боря приставил ладонь ко лбу имитируя козырек фуражки, - вот с ним только и ходи. Понял?

Я понял и кивнул.

Дарья ждала меня дома, как и обещала. Она лежала на диване, завернувшись в огромный клетчатый плед и читала. Я заглянул на кухню и к счастью, не заметил наготовленной за день еды, в духовке на было пирога. Мало того, Даша подбела все то, что осталось со вчерашней ночи, так что в доме было хоть шаром покати. Признаться, Дарья нравилась мне все больше и больше.

Мы сидели на кухне и пили чай.

- Слушай, я наверное сегодня домой поеду, - сказала Даша, - мне завтра на работу, еще и сессия на носу, нужно позаниматься. Хорошо? Не будешь скучать?

- Буду, - ответил я.

- Когда совсем будет плохо, позвони мне.

- Спала весь день? – спросил я.

- Да, - Дарья зевнула, - и еще бы поспала если честно.

- Я тебя провожу.

Я уже вставал из-за стола, когда Даша подняла на меня свои прекрасные глаза и сказала:

- Тебе Илья звонил. Только что... прямо перед твоим приходом. Я бы не стала отвечать, но я же тут за хозяйку была, ты сам сказал... и...

- И?

- Ну, поговорили.

- Что он хотел? – спросил я, стараясь скрыть раздражение.

- Я думаю, что он хотел тебя... а потом...

- Потом он захотел тебя?

Меня навывлет пронизало чувство ревности. Мне вспомнился Новый год и лапы Ильи на талии Дарьи. Я тут же пожалел о том, что сказал, поднялся и подошел к Даше. Она продолжала сидеть за столом, я нагнулся и обнял ее. Дарья потерлась о мою щеку и прошептала мне на ухо:

- Знаешь, мне все равно. Главное, что я не хочу никого кроме тебя.

Я закрыл глаза и мгновенно забыл все о чем думал еще секунду назад.

Проводив Дашу до метро я вернулся домой. Вечером я включил телевизор, чтобы немного отвлечься от дурных мыслей, которые с новой силой мной завладели. Дарья уехала и мне стало невыносимо одиноко. И снова отредактированная сегодня статья занимала мои мысли, теперь еще и Илья узнал, что Даша ночевала в моей квартире. Впрочем, последнее беспокоили меня меньше всего.

По телеку шла международная панорама и внезапно я понял, что показывают тот самый сюжет с Вишневым, съемку которого я видел в Останкино. Картинка выглядела вполне натурально, если бы я собственными глазами не видел эти декорации, можно было подумать что снимали действительно с природы. Я начал более внимательно рассматривать детали, чтобы понять, сможет ли обычный зритель заметить подмену. Вишневский рассказывал о снегопадах, из-за которых были проблемы с электричеством, о задержках рейсов, о резких заявлениях Рейгана по поводу Афганистана, о его послании Конгрессу, которое он сделал в Капитолии в конце января.

Сначала я не придавал особого значения увиденному. Ну да, снимали в павильоне, значит на то были свои причины и я уже размышлял над этим. Но самое странное произошло тогда, когда Вишневский назвал точную дату – 26 января! Вот тут я честно говоря опешил. Как такое может быть, ведь съемку на телецентре я видел ровно за месяц до этого! Да, это был именно конец декабря. Скорей всего это какая-то ошибка, завтра на работе я возьму в архиве подшивку за декабрь и январь и все проверю. Этому наверняка есть простое и логичное объяснение. Но как ни старался я себя этим успокоить, несоответствие по датам не давало мне покоя. Это было настолько невероятно и необъяснимо, что я наверное размышлял бы об этом достаточно долго, но сказалась прошлая бессонная ночь и я все-таки заснул прямо перед телевизором.

С самого раннего утра я просто не находил себе места. Я так нервничал, что это заметил дядя Боря, когда мы сидели с ним в курилке и обсуждали последние новости.

- Ты чего Андрей Палыч? Стучилось чего?

Я думал только минуту, рассказывать Борису Львовичу или нет, наконец решился:

- Ты вчера Вишневого смотрел? В Панораме... репортаж.

- Нет, пропустил. Не мое направление, хотя... надо было конечно глянуть. А что?

Я вкратце рассказал о репортаже. Особо в тему не вдавался, хотел все-таки проверить факты. Вдруг я ошибаюсь, дядя Боря меня засмеет потом. Упомянул только, что видел саму съемку в Останкино в конце декабря, перед самым Новым годом.

- Да ладно! – то ли удивился, то ли возмутился дядя Боря, - заливаешь.

- Если бы, дядь Борь...

В курилку вошли две машинистки и я понизил голос до полупшепота:

- На меня даже бумагу составляли... если бы я удостоверение не показал, то вообще не знаю чем бы закончилось.

- Кто?

- Мусора, кто же еще? Там вообще у них очень строго с этим.

Одна из машинисток обернулась и посмотрела в нашу сторону. Я сделал вид, что мы заняты ничем не значащим трепом и по-дурацки так улыбнулся. Видя что машинистка потеряла к нам интерес я продолжил:

- Я сначала думал, что это какая-то программа... ну я не знаю... ко дню журналиста снимается или... ну не телесериал же? Не станет ведь Вишневский сниматься в телесериалах! А когда я вчера вечером увидел это в Международной Панораме, меня прямо осенило! Они что, дядь Борь... все это в студии снимают?

- Ну не знаю, Андрей. Смысл в этом какой?

- Архив во сколько открывается, не знаешь? – спросил я.

- Через полчаса где-то, - ответил Борис Львович глянув на часы.

Архив и библиотека находились на третьем этаже нашей редакции, мы были там с самого открытия и я попросил подшивку всей информации, касающейся выступлений Рейгана перед Конгрессом начиная с декабря по январь этого года.

- Андрей, что мы ищем? – спросил дядя Боря.

- Сейчас... я сам посмотрю, потом все тебе расскажу, если...

- Если что?

Я не ответил. Достаточно было просмотреть несколько первых полос, чтобы мне стало абсолютно понятно – все о чем говорил Вишневский произошло именно в четвертой декаде января, но никак не в конце прошлого года. Не успокоившись на достигнутом, я снова просмотрел несколько изданий за последние два месяца и выяснил, что те самые снежные заносы, отмены рейсов и перекрытие магистралей в округе Колумбия произошли в конце января, а декабрь был абсолютно спокойным и снега выпало ниже нормы.

Только убедившись, что я оказался прав, я отложил газеты в сторону и в деталях, хотя и довольно сбивчиво рассказал Борису Львовичу о своих подозрениях.

- Вот черт! – сказал дядя Боря, - ты уверен?

- Сам посмотри.

Я кивнул на стопку газет, лежавшую на столе.

- Я не про это. Ты уверен, что слышал это вчера в Панораме? Ну, про погоду... про заносы эти или что там было у них... про речь Рейгана.

- Обижаешь, Борис Львович. Я же не того...

Я покрутил пальцем у виска. Мой коллега задумался. Я надеялся, что такой прагматичный человек как дядя Боря, лишенный каких бы то ни было абстрактных понятий и болезненного воображения найдет логичное и простое объяснение произошедшему, раз уж я не смог.

- Могли звук наложить на старую запись, другого объяснения у меня нет, Андрюха. Не думал об этом?

Я думал об этом, поэтому ответил сразу:

- Я бы заметил дядь Борь. Был бы рассинхрон... было бы заметно, что губы двигаются не так... не попадают в звук, понимаешь?

- Подожди, подожди... ты хочешь сказать, что смотрел внимательно? Ты же только сейчас факты смог проверить. Может, ты просто не заметил вчера, внимания не обратил? Вспомни?

Сказать с уверенностью что не было во вчерашней программе никакого рассинхрона я не мог. Дядя Боря был прав. Да, меня сначала удивил просто факт эфира, который оказался подлогом, репортаж был снят в павильоне, а не Вашингтоне. Уже потом, когда я услышал число, я догадался о несоответствии... но я уже просмотрел половину программы и особо не обратил внимания, насколько движение губ Вишневого соответствовали звукоряду. Поэтому я просто пожал плечами и ничего не ответил.

- Да... жаль я вчера не смотрел, - задумчиво произнес Борис Львович.

Глава 7

Семь дорог в никуда.

Наша излюбленная автопоилка «Семь дорог» была забита до отказа, январь клонился к закату, температура резко пошла вверх и по этой причине спрос на пиво был невероятный. Впрочем, спросу этому никогда не мешал ни лютый холод зимы, ни промозглая осенняя непогода. Я уж молчу про лето. Люди наши лишены по большей части возможности культурно проводить время, остается восполнять этот пробел распитием алкоголя. Ведь даже хорошую книжку можно заполучить только сдав определенное количество макулатуры в потом ждать неопределенное время, когда желаемая книжка станет доступна. Не каждый сможет, да и не должен ждать поэтому он идет в пивную чтобы скоротать время ожидания, а там уже и книжка забыта, да и желание пропало.

Я не большой охотник пить пиво зимой, чего не сказать про Саню, который хлестал его невзирая на сезон и погоду. Пиво как водится было разбавленным, но мы боролись с этим при помощи «чекушки» припрятанной в спортивной сумке. Ну а для чего еще нужны спортивные сумки? К вечеру я уже здорово закосел.

Саня был пожалуй единственным моим другом, с которым я мог говорить обо всем и не бояться, что он отнесется к моим откровениям несерьезно или того хуже, разнесет по знакомым. С Сашкой можно было говорить о самом сокровенном и не бояться, что о теме разговора узнает кто-либо еще. Чего не скажешь про Илью, у которого язык был, что помело. Он пару раз поднимал меня на смех в компании своих знакомых и с тех пор я стал осторожен. На откровения с Ильей меня больше не тянуло еще и по причине его компании. Мало ли что может взбрести в голову его стильным товарищам и не запустят ли они мои слова и мысли дальше по эстафете. А среди родственников или знакомых его окружения вполне могли оказаться менты, партработники или того хуже, мрачные типы из комитета. Кроме того, в свете моих теперешних отношений с бывшей девушкой Ильи, он вряд ли захочет со мной вообще говорить о чем-то.

- Саня, вот ты представь, я буду в феврале по Риму гулять. Италия, Саня! Италия, представь! Я и не мечтал уже

- Класс!

Я был горд собой. Все-таки не каждому выпадает удача выехать за рубеж. Да, это не была длительная командировка, всего несколько дней в Риме, но от одного названия города меня бросало в трепетную дрожь.

- Знаешь Саня, я тебе сейчас кое-что расскажу это так, воспоминания детства, просто фантазия, чушь конечно.

Саня понимающе кивнул и повозил кружкой по грязной столешнице. Дал понять, что готов услышать любую самую непролазную бредятину и чушь из моих уст.

- Я ведь всегда мечтал поехать куда-нибудь- за границу. Но думал что это вообще из области фантастики. У меня даже спросить не у кого было, как оно там, никто ведь туда никогда не ездил Да и сейчас в общем тоже. Ничего не изменилось.

- Ты же в международной редакции работаешь! Что там у вас никто по заграницам не ездит? – спросил Саша усмехнувшись.

- Да вот в том то и дело, Саня. Представь себе. Мои коллеги если где и побывали, то в лучшем случае в Белграде или Варшаве. В соцлагере, короче Вроде кто-то из верхушки у нас ездил в ФРГ, но я лично с ним не говорил никогда.

- Что-то я не понимаю, куда ты клонишь, – сказал Саня.

- Так вот Я в детстве думал, что мы живем в СССР, а вокруг нас ничего нет. То есть существует наша страна, есть границы, это понятно. Ну, еще соцлагерь и все. Больше ничего нет вообще ничего. Понимаешь?

- Прикольная фантазия. Но абсолютно лишена логики для книжки или для кино подошла бы.

- Ну да, - задумчиво произнес я, - для книжки подошла бы.

- Ты чего не пьешь, Андрон?

- Обман все, нет никаких немцев - задумчиво повторил я слова Рымаря и мне стало жутко, прямо как тогда, в детстве.

Саня достал из сумки «чекушку», плеснул беленькой в две свежие кружки стоявшие на столе и сказал:

- Фантазии, это хорошо. Особенно для твоей профессии, ты же у нас личность творческая.

Тогда я рассказал Сашке о своем соседе Дуремаре, о его нелепой теории, о страхах, догадках и сомнениях, которые одолевали меня в детстве. Правда, я не стал уточнять, что догадки эти в последние несколько месяцев снова лишили меня покоя.

- Ну вот видишь! Дуремара твоего в дурдом забрали за такие фантазии, – Саня начал довольно громко и я пихнул его локтем в бок. Он тут же перешел на шепот:

- Это надо быть реально больным, чтобы такое придумать. У нас же полно информации оттуда, телепередачи, фильмы, новости... Хоккей СССР – Канада

- Думаешь все это нельзя снять у нас, в Союзе? Мы все равно проверить не сможем, понимаешь? Тебе картинку показали по телеку например репортаж из Парижа. И говорят, мол там безработица и коррупция и ты веришь. Веришь потому что нет у тебя возможности самому все посмотреть и удостовериться. Ты в Париже был? Нет. Знаешь как он выглядит? Не знаешь. Так что ни подтвердить ни опровергнуть не можешь. Ни поехать, ни спросить у того, кто там был. Вот у тебя есть знакомый, который там был?

- Конечно, - ответил Саша, - Илюхин отчим.

- Ха! А ты его видел хоть раз?

Саня пожал плечами и отхлебнул из кружки. Мы помолчали с минуту.

- То-то и оно, Саня. И у меня нет таких знакомых. Не странно разве?

- Херня это все. Шмотки же Лена привозит постоянно, музыку там и

- Кстати, Sex Pistols помнишь? – спросил я, внезапно вспомнив про пластинку.

- Ну да. И что?

- Там на пластинке стояла дата 1977 год. А Илья сказал что пластинка свежая, только вышла. Как такое может быть?

- И что? – спросил Саня с недоумением, - не понимаю в чем подвох.

- Да так нестыковочка. Пластинка где-то была пять лет И как она сюда попала с такой не совсем обычной, даже для нашего времени, музыкой мне лично непонятно.

- Чего непонятного то? – удивился Сашка, - хочешь сказать нам сюда самое свежее поставляют? С пылу с жару? У нас тут вообще то много чего нет, того чем люди на Западе уже лет десять пользуются. Не замечал?

Мне нечем было возразить. Действительно, прогресс обходил нас стороной и это было заметно, стоило увидеть в магазине какую-нибудь импортную вещицу. Такое случалось редко, вещи раскупались мгновенно, но чаще всего вообще не доходили до прилавка.

- А может это тоже наше производство, в космос же мы летаем, и первый человек там наш был, не американец, - возразил я.

- Хорошо. Тогда вопрос на засыпку – за каким хреном это нужно? Чего бы не обеспечить всех стиральными машинками или джинсами? Спрос же есть?

- Откуда же я знаю, Саш? Мощностей не хватает. Здесь и пива то иной раз нет помнишь, мы сюда в мае как-то зашли, а тут табличка висела? А ты говоришь – «стиралки»

- Хорошо. Допустим. Все эти Грюндиги и Сони наши, родименькие Тогда, какого хрена на них просто не написать: «Сделано в СССР», в чем проблема то?

- Черт его знает, - сказал я.

- Ну вот, здрасьте Ты же журналюга, тебе и карты в руки. И вообще, без ответа на мой вопрос «зачем» не узнаешь истины.

- Я просто рассказал тебе историю из детства

- Правда? А мне показалось, что ты прям впрягаешься за этого своего прапорщика. Не понимаю, чего ты так раздухарился вообще. Через неделю сгоняешь в Рим и сам потом расскажешь, чьи Грюндиги на самом деле, наши или ихние.

С этим не поспоришь. Да, я через неделю буду в Риме и это развеет мои последние сомнения и окончательно развалит теорию Рымаря. Но сегодня я решил полностью опустошить мой забитый хламом чердак и рассказал Сашке все то, что уже поведал дяде Боре. И про Вишневого и про Останкино. В общем выстроил всю логическую схему, но похоже Сашку мои исследования оставили равнодушным. А возможно к тому моменту он был уже достаточно пьян, или просто устал. А может и то и другое. Он молча выслушал мою тираду, ни разу больше не перебивая, а когда я закончил, то он устало взглянул на меня и сказал:

- Андрюха, я в этом всем вообще не волоку, газет не читаю и политические передачи не смотрю. Это здорово мешает жить.

- Саня, я просто хотел с тобой поделиться

- Спасибо товарищи за оказанное доверие, - торжественно сказал Саня и резко поднял кружку, расплескав пену через край.

Я внезапно успокоился и сказал себе, что это вполне могла быть просто цепь странных, но вполне объяснимых событий. Мне захотелось переключиться на другую тему, но Саня сделал это сам. Он тихо и грязно выругался и сказал, заглядывая мне в глаза:

- Слушай, что у вас с Илюхой?

- А что у нас с Илюхой?

- Он мне звонил в четверг, говорит что вы посрались, вроде из-за телки

- Не знаю, я вообще с ним не говорил. Хочешь узнать, у него и спрашивай, - огрызнулся я.

Илья действительно не перезвонил мне ни в тот вечер, когда у меня была Дарья, ни на следующий день, ни через неделю. Я тоже не стал названивать, так как в свою очередь не горел желанием обсуждать с ним эту щекотливую тему и довольствовался только тем что мне рассказала Даша – «ничего мол серьезного между ними не было». Но Саня видимо очень хотел узнать правду. Он неровным шагом проследовал к автомату и вернулся с двумя кружками свежего пива, которые по всей видимости должны были развязать мне язык. Поставил их на столик и плюхнулся напротив, придвинувшись ко мне как можно ближе.

- Давай, рассказывай. Это нехорошо, когда между друзьями вот такое вот

У Сани заплетался язык, но ему очень хотелось разобраться во всем и по возможности навести разрушенные мосты в нашей дружеской триаде.

- Мне особо нечего сказать, Саш. Ты рассказывай, ты же с ним говорил.

- Ну ла-адно, - протянул он.

Затем Саня внезапно громко икнул и продолжил:

- Он сказал, что ты у него вроде телку увел, а это совсем не по-людски как-то Он считал тебя другом и все такое Ну и в конце говорит, что мол вычеркивает тебя из списка своих друзей.

Я сделал глоток и мне стало дико смешно.

- Список? – спросил я, давась от смеха, - список друзей, это жуть как пафосно

- Ну список у него да.

Саня еще раз попытался меня разговорить на тему наших с Ильей внезапных трений, но видя, что я не готов на откровения, он наконец успокоился и больше не донимал меня вопросами. Затем мы поговорили о какой-то незначительной ерунде. Вторая «чекушка» закончилась, мы просто хлестали разбавленное пиво, пошатываясь брели в туалет и так же пошатываясь возвращались в зал за наш столик. Как вдруг Саня снова вернулся к теме Рымаря. Я уже пожалел что поднял сегодня эту тему, но теперь уже мой друг не унимался. Поражала настойчивость, с которой он пытался меня переубедить, прямо с пеной у рта. Он снова и снова приводил в пример мои доводы и тут же разбивал их в пух и прах. Это был уже перебор. Тем более по словам Сашки я нес абсолютную околесицу.

Пока мы спорили, а спорили мы уже довольно громко, я заметил за соседней стойкой странного типа в темных очках, который как мне показалось прислушивался к нашему разговору. Но больше всего меня заинтересовала его странная манера держаться. Прежде чем в очередной раз сделать глоток он как будто пытался отыскать свою кружку на ощупь. Тип этот старался на смотреть в нашу сторону, и стоял немного боком к стойке, хотя это было не совсем для него удобно.

Мы расстались поздно вечером, Саня жил недалеко от Петровского парка, а я направился в сторону станции метро «Динамо» чтобы проехать пару станций до дома. На полпути я передумал и решил пройти одну станцию пешком. Странный январь в этом году пахнуло весной и кроме того мне хотелось немного протрезветь по дороге домой, завтра рано утром нужно было кровь из носу быть в редакции. Хотя особого движения не было, я все-таки остановился на перекрестке и в этот момент услышал за спиной голос:

- Простите, вы мне не поможете?

Я оглянулся и с удивлением обнаружил того самого типа в темных очках. Он вежливо улыбался, но меня его улыбка не могла сбить с толку. Он явно не просто так увязался за мной. Я стоял немного в стороне, но тип смотрел прямо перед собой и определенно мимо меня. И тогда я понял - мой преследователь слеп как крот. Этим и объяснялось его странное поведение в пивной.

- Вам помочь перейти? Вы слепой что ли? - спросил я.

- Все мы слепы в той или иной степени, - вздохнул тип.

Я пропустил мимо ушей его философское изречение и снова спросил нужна ли ему моя помощь.

- Да, будьте так любезны.

Я взял его под руку и помог перейти через дорогу. Когда мы оказались на другой стороне улицы тип в очках внезапно сказал:

- Простите, но я стал невольным свидетелем вашего спора, там в пивной. Я слышал не все но

- Мы не спорили, - ответил я.

- Да, вы не спорили, простите еще раз но мне бы хотелось узнать, как вы пришли к подобным умозаключениям?

- К каким именно?

- Да бросьте. Вы сами знаете, о чем я.

- Не понимаю. И вообще я спешу, извините.

Я решил прервать эту странную беседу, не столько из-за того что боялся что мои необдуманные слова попадут не в те уши, сколько из-за какого-то необъяснимого практически животного страха, который внезапно охватил меня. Точно такой же ужас я испытывал в детстве от рассказов Рымаря. И страх этот уже в который раз за сегодня наполнил меня но уже с такой силой, что спина моя вспотела и волосы на загривке зашевелились и встали дыбом. Ужас погнал меня прочь. Я развернулся и начал спешно удаляться, когда услышал за спиной голос слепого:

- Не поедете вы ни в какую Италию, молодой человек.

Он еще что-то выкрикнул, но я уже не слушал сумасшедшего слепца. Я практически перешел на бег, а навалившийся страх гнал меня дальше от этого места. Прочь! Фонари бешено качались над моей головой, я видел смутные тени, которые неслись параллельно со мной вдоль улицы, продираясь через покрытые снегом кусты.

Я не мог уснуть и всю ночь думал о загадочном слепом типе, который напугал меня вечером. Что он имел в виду, когда так категорично заявил, что не видеть мне Италии, как своих ушей. Откуда он вообще мог узнать о поездке? Ну ладно, это можно легко объяснить, как и у любого слепого у моего вчерашнего знакомого отлично развиты все остальные чувства, вероятно обоняние и особенно слух. А раз так, то он не упустил ни слова из нашего с Саней разговора. А если от него каким-то образом зависит, поеду я в командировку или нет Кто же он? Работник МИДа или КГБ? Слепой агент? Нет, это просто смешно. Чушь! Тогда кто же этот загадочный слепой? Медиум, предсказатель, чертов колдун Я решил сразу отбросить эту версию. А может все гораздо проще кто-то из моих коллег решил разыграть меня но зачем? Из зависти конечно. А мужик этот вовсе не слеп, а всего-навсего хороший актер и манипулятор? Но ни в отделе кадров, ни в редакции я его тоже никогда не видел. Сложно представить, что кто-то из моих коллег станет натаскивать постороннего мужика ради идиотского розыгрыша. Нет, это отпадает

Я вспомнил людей в серых костюмах и с крысиными лицами, которые когда-то спаивали во дворе Дуремара и мне стало не по себе. Неужели и меня упекут в дурку как отставного прапорщика? Зачем я вообще сегодня завел этот разговор, да еще и в людном месте?

Голова кружилась от выпитого, но я все-таки уснул глубокой ночью.

Утром меня настигла неприятная, но неизбежная новость – вышла моя статья об актрисе Анне К. Часов в семь утра, когда я только собирался на работу, затрещал мой домашний телефон и Олег Дмитриевич вкрадчивым голосом лично сообщил мне об этом. Я принял неизбежное, поблагодарил за новость и отправился в редакцию. Всю дорогу я рисовал себе неприятные картинки презрительные взгляды сослуживцев, гробовое молчание в нашем уютном кабинете, и прочие побочные эффекты, которые могла повлечь за собой моя статья. Ведь как и предупреждал меня Олег Дмитриевич, имя автора статьи все равно станет известно.

Но никто из коллег скорей всего еще не успел ее прочесть, поэтому встретили меня как всегда радушно. Тем более что вышла она по месту моей предыдущей работы и прочесть ее могли только в двух случаях: кто то интересовался конкретно культурой и должен был сам купить газету по дороге на работу, или статья моя вызвала определенный шок и фурор, что маловероятно. Тогда сработало бы сарафанное радио. Обычно же по утрам мы читали свое издание, просматривали первую полосу - что поставили, что прошло мимо номера, что сократили, что изменили в заголовках, какие акценты сделал редактор

- Ты какой-то помятый, - приветствовал меня дядя Боря.

- Засиделся с приятелем. Поздно лег.

- Ты только в Риме не бухай так не поймут, - Борис Львович расплылся в улыбке.

Я сказал, что вообще не пью, просто приятель у меня любитель пива. Так как друзей не выбирают, нужно принимать их такими как есть, ну и поддерживать их в трудную минуту. Чем я и занимался вчера весь вечер.

Целый день я сидел в кабинете как на иголках, мне казалось что вот-вот откроется дверь, войдет кто-то из сослуживцев, покосится на меня и шепнет пару слов на ухо Людочке или Борису Львовичу. И уж тогда я в полной мере буду ощущать презрение моих коллег. Они сразу же начнут строить догадки и по поводу изменившегося ко мне отношения со стороны руководства и по поводу внезапной командировки в Рим и в конечном итоге они будут правы. Да и плевать! Не думаю, что кто-то из них отказался, окажись они на моем месте. С радостью побежали бы строчить статейку, прямо в тот же день. Я хотя бы сомневался какое-то время

С такими вот мыслями я и провел полдня в редакции, иногда отвлекаясь на другие темы, впрочем такие же неприятные. Я снова вспомнил слепого пророка, вспомнил и про Илью, с его дурацким списком друзей. И опять всплывали в памяти нестыковки - Рымарь с его рассказами, Вишневы в Останкино, Sex Pistols. Да и моя будущая поездка казалась мне теперь нереальной, как будто все это происходит вообще не со мной.

Гром грянул практически в конце дня, когда меня вызвали в отдел кадров и краснолицая завотделом выдала мне направление на повторный медосмотр.

- Еще один рентген легких.

- Это зачем еще? – спросил я.

- Не знаю, нужно повторное обследование, - ответила завотделом и после паузы добила меня окончательно, - командировка ваша временно отменяется.

- Как же так

Завотделом пожала плечами. Я вернулся в наш кабинет. Уговаривал себя, что все будет хорошо, я просто сделаю повторное обследование и меня утвердят на поездку. Но что-то подсказывало мне – все будет не так. Дядя Боря заметил мое состояние и позвал меня в курилку «на разговор».

- Случилось чего? – спросил Борис Львович.

- Приостановили командировку.

- Что значит как приостановили?

- Сказали, что временно. Не знаю что и думать, черт!

- А причина?

- Да хрен его знает, флюорография плохая или я не знаю. Отдел кадров сказал новое обследование делать.

- Так чего ты еще тут, Андрей? Пулей лети, делай повторный снимок?

- Думаешь? – неуверенно спросил я.

- Ну ты даешь, парень! Если они сейчас остановят твою командировку, поедет кто-то другой. А ты будешь ждать еще хрен знает сколько.

Я уже не слушал, что кричал мне вслед Борис Львович, выбежал из курилки, схватил куртку и вылетел на улицу. Я внезапно осознал, насколько время играет против меня. Всю дорогу в поликлинику я мысленно подгонял водителя троллейбуса, меня доводили до исступления проклятые светофоры и заторы на заснеженных дорогах. «Быстрее, быстрее» - тихо повторял я еле заметно шевеля губами. Но светофоры, пробки и водитель делали казалось все возможное, чтобы сегодня я ни в коем случае не попал на прием.

Ворвавшись в поликлинику я кинулся к регистратуре, протягивая в окошко направление.

- Я успею?

- Минутку

Девушка за окошком назвала номер кабинета. Я чуть не закричал от радости. Значит, я успел. Сегодня сделаю еще один снимок, завтра-послезавтра ответ будет уже в отделе кадров. Лучше, если завтра.

- Скажите, ответ можно завтра получить? – спросил я девушку в регистратуре.

- Что? Я не поняла

Я извинился, понимая что вопрос мой не по адресу и поспешил в сторону лестницы. Через пару минут я был уже в нужном кабинете. После спешки, дорожных пробок и моего невероятного забега, ритм на приеме у врача замедлился, как будто сам Господь Бог врезал по тормозам и время остановилось. Доктор предложил мне присесть, достал карту, полистал и почесал за ухом. Пока он читал, я изучал моего врача, надеясь визуально определить его компетенцию, узнать по внешним признакам, каков будет результат разговора и диагноз. Одновременно понимая, насколько это глупо. Довольно плотный и зрелый мужчина, седые волосы выбивающиеся из-под чепчика, густые брови, большой нос и умные глаза. Такой человек не может не должен огорчать меня плохими новостями.

- Так, так как вы себя чувствуете?

- Отлично, - я ответил по возможности бодро.

- Нам нужно провести дообследование.

Я только сейчас почувствовал тревогу. До этого меня интересовала всего лишь перспектива поездки, здоровье отошло на второй план даже не на второй, я просто не думал об этом. Я действительно чувствовал себя отлично, меня ничего не беспокоило, ровным счетом ничего. Просто произошла досадная ошибка, я чувствовал это. Наверняка даже снимка повторного не нужно делать, я был уверен что врач разберется прямо сейчас, на месте.

- Есть подозрение на туберкулез. Вы же понимаете, что при таком подозрении мы должны заблокировать вам допуск. Вы не переживайте, это не диагноз это просто подозрение, поэтому нам нужно повторное обследование. Для начала рентген. Я думаю, сделаем на другой аппаратуре и возьмем боковую проекцию. Так, так ну а дальше посмотрим.

Все мои надежды на быстрое решение вопроса рухнули. Прощай Рим, прощай Италия. И даже в этот момент я не думал о подозрении на туберкулез, я не переживал за свое здоровье, просто снова вспомнил слепого и его предсказание. «Не поедете вы ни в какую Италию, молодой человек», - так он сказал. После приема ехать на работу было уже поздно и я решил отправиться домой. Я устало брел по Калининскому, пока не уткнулся в ту же самую телефонную будку с которой еще пару дней назад радостно звонил Даше, чтобы сообщить о предстоящей поездке. Сейчас я снова набирал номер Дарьи, теперь уже для того, чтобы сказать ей что никуда не еду.

Мы сидели у меня на кухне, пили чай и я рассказывал о перипетиях моего неудавшегося путешествия в Европу. Даша слушала и сочувственно смотрела на меня. Говорила, мол это еще не диагноз. Возможно, врач ошибается, все покажет повторное обследование. Она больше пеклась о моем здоровье, а я не стал ей объяснять, что как раз это было для меня совсем не важно.

Меня так и подмывало рассказать ей о слепом провидце, но я сказал себе, что будет лучше промолчать об этом. Иначе, меня могло снова понести, как вчера в пивнушке. Тогда я чего доброго вывалю все о чем думаю, все эти нелепые совпадения, всю эту мистику и пожалуй Даша подумает что я свихнулся. Достаточно того, что она не побоялась и пришла ко мне, зная что есть подозрение на туберкулез. Мне стало жалко себя и одновременно меня переполняли чувства и гордость за Дашу. Да так, что на глаза навернулись слезы. Интересно, я бы смог подойти к больному на небезопасное расстояние? А вот она смогла. Я сказал ей об этом.

- Ерунда. Во-первых, это только подозрение, во-вторых я медработник, мне не положено бояться.

- Я теперь пациент? – попытался я пошутить.

- Да. Ты мой личный пациент.

Поговорив о мрачном подозрении, сам не зная для чего я поднял еще одну болезненную для меня тему. Как мазохист, не удовлетворившийся уколом острого ножа, я схватился за пилу.

- Илья обиделся. Говорит, не хочу его знать, это он про меня.

Даша продолжала молча держать меня за руку, не отводя взгляда. Мне показалось, что ей было приятно слышать, какие страсти кипят вокруг ее особы. Глаза ее стали задумчивыми. Она вздохнула и полушутя, полусерьезно произнесла:

- Ты ведь не жалеешь об этом? Друг все-таки ты ведь так сокрушался, мол как я мог, это же его девушка я помню.

Я не знал что ответить не понимая, шутит Дарья или говорит серьезно. Пока я размышлял над этим и строил догадки, она сама первая нарушила молчание.

- Знаешь, ты тогда на меня произвел впечатление. В самый первый день. Я думала, боже почему он просто не подойдет ко мне и не скажет: «одевайся, мы уходим».

- А ты бы пошла?

- Да.

- Вот черт!

Да, это все моя проклятая нерешительность. Будь я посмелей, мы не обсуждали бы сейчас никакого Илью, его проклятая тень не омрачала бы наши с Дашей отношения. Я обхватил голову руками. Да какая в сущности разница, поеду я в Италию или нет! Мне нужно жить здесь и сейчас, а не думать о чем-то эфемерном и несбыточном. Вот оно, то самое главное и самое важное. Даша. Она сидит сейчас напротив, жалеет меня, не боится моего проклятого туберкулеза или что там у меня внутри, какая бы там зараза ни была, она ее не боится! Мне захотелось нежности, захотелось дурачиться и даже говорить глупости.

- А если у меня и в самом деле тубрик? Ты будешь меня выхаживать? – спросил я, стараясь говорить по-детски испуганно.

- Конечно, это моя обязанность. И в качестве практики полезно я даже утку буду выносить. У тебя есть утка?

- Нет, - сокрушенно ответил я.

- Плохо, нужно будет купить. Тебе как лежачему нужна будет утка.

Ответ из поликлиники пришел на следующий день, но у врача оставались еще какие-то сомнения, и мне необходимо будет сдать сначала общий анализ крови, потом мокроту на бактерии в общем, я прекрасно понимал, что время упущено и ни в какую командировку я уже точно не поеду.

Наконец я получил ответ и мой диагноз гласил – здоров. Кислицин вызвал меня и сказал, что ничего страшного, главное что я в порядке, остальное не важно. Но руку мне пожать он все-таки побоялся и в этот раз не ходил к кабинету, как он обычно любил делать, а разговаривал через стол, еще и отставил свое кресло подальше к окошку. Это показалось мне смешным и одновременно с этим я испытал некую горечь и разочарование.

Олег Дмитриевич так же на остался равнодушен, Горшок позвонил мне на работу и почувствовал. Сказал, чтобы я не переживал, что он похлопочет продвинуть меня на корреспондента первой категории. Я поблагодарил и ответил что не стоит, ведь я уже к тому моменту понял, что за любое «похлопочу» нужно будет платить Горшку по самому высокому тарифу. За время метаний по врачам и переживаний у меня напрочь вылетело из головы, что я оклеветал Анну К. и только после звонка Горшка я задумался к каким последствиям это может привести. Моя статья прошла в нашей редакции незамеченной, по крайней мере так я думал. Но как выяснилось позже, я ошибался.

Однажды, придя пораньше на работу я не обнаружил дяди Бори ни в кабинете ни в курилке. Он появился ровно в девять что-то буркнул в ответ на мое приветствие и сразу же уткнулся в свои бумаги. Людочка принесла пирожки с мясом, я показал дяде Боре палец под столом, но как ни странно, ответной реакции от него я не заметил.

- Дядь Бор, ты что не в духе?

- Да, работы много навалилось, - с деланно деловым видом ответил Борис Львович.

Я почувствовал, что было это сказано не совсем так, как обычно. Работы навалилось, подумаешь делов-то! Завалы и авралы никогда не сказывались на нашем настроении, была другая причина и я в глубине души догадывался, откуда у настроения этого ноги растут. Так продолжалось до обеда, пока я не столкнулся в коридоре с девочками из соседнего отдела. Они как-то странно посмотрели на меня, потом одна из них едва заметно кивнула в мою сторону и что-то тихо сказала подруге. А к концу дня, когда мы с Борисом Львовичем остались в кабинете одни он спросил меня, не моя ли это статья вышла неделю назад в моей бывшей газете. Скрывать было бы глупо, как и предупреждал меня Горшок - шила в мешке не утаишь. Так как о статье знали и Кислицин и Инга Карловна, то информация об этом уже просочилась из кабинета шефа и гуляла теперь по всему нашему издательству.

- Да, дядь Борь. Это я написал.

- Хорошая статья, - съязвил мой коллега, - ты просто профи.

У меня не было ни малейшего желания оправдываться. Я вообще не знал как себя вести. Меня раздирали совершенно противоречивые чувства, с одной стороны меня съедали угрызения совести, с другой с другой я чувствовал настоящую ярость. В конце концов я же делал это не ради своего благополучия. И моя сорвавшаяся поездка вовсе не была основным мотивом, вовсе нет. Мне никто ничего не обещал, меня меня всего-навсего напугали, указали мне на мое место. Я был загнан в угол просто у меня работа такая, черт бы ее побрал! Это была чистая правда, но разве в это кто-то поверит? А ведь я всего лишь хотел вернее даже не хотел, а должен был отблагодарить Горшка за то, о чем я его собственно говоря вовсе и не просил! Поэтому будет лучше, если все будут считать эту статью моим мнением, моей позицией. Я действительно осуждаю Анну, советский артист не должен и не будет срывать спектакли, не станет хамить режиссеру, ставить себя выше коллег по цеху, бухать и скандалить на гастролях. Все. Точка.

Через пару дней дядя Боря собрал свои вещи и ушел в другой кабинет. На вопрос ошарашенной Людочки он ответил, что воздух не такой спертый.

- Открой окно, если воздуха тебе мало, - сказала Людочка.

Дядя Боря ничего не ответил, просто молча продолжал собирать свои пожитки.

- Да там же народу как селедок в бочке, Борис Львович, - не унималась Людочка.

- Я потерплю, - ответил дядя Боря.

Я молчал во время всего диалога и усиленно делал вид что занят. А еще через два дня ушла Людочка и я остался в кабинете совершенно один.

Досидев до конца рабочего дня, а последнее время я именно досиживал не работал в поте лица, не радовался шуткам коллег, не осуждал решения самодура руководителя просто банально досиживал, чтобы как можно скорей одеться и сбежать с работы. Так вот, дотерпев до конца рабочего дня, я как и обычно в последние дни, пришел домой в совершенно подавленном состоянии. На днях должна была вернуться мама, но позвонила и сказала что задержится у брата, так как у нее обострилась гипертония, и она боится в таком состоянии опраться в дорогу. Я достал с полки атлас и как всегда раскрыл его на случайной странице. Аделаида.

Австралия не так интересна, как густонаселенная Европа, где городов на городе, что блох на дворняге, где полно дорог, рек и деревень. Но я никогда не изменял своему принципу, раз выпала Аделаида, значит сегодня мое виртуальное путешествие пройдет именно там. В самом городе с красивым названием я вряд ли найду то, что хочу отыскать и я направился по дороге на север, в направлении пустыни Симпсон.

Я встретил его в полдень, он сидел на вершине небольшого утеса и грелся на солнышке. Коричневая и бугристая словно земля кожа на лице, длинные черные волосы. На шее бусы из зубов каких-то диких животных. Его зовут Мунроро, что означает «Человек дождя». Имя его произносится с двумя длинными протяжными звуками «о» на конце, Мунроороо.

- Ты идешь на север? – спросил он меня.

Я ответил что иду на север, туда где распласталась на многие сотни миль пустыня Симпсон.

- Из Аделаиды идет семь дорог, но там куда ты идешь ничего нет для белого человека. Ты напрасно потратишь свои силы и время.

- Мне не нужно то, что необходимо белому человеку. Я ищу совсем другое. К тому же у меня достаточно времени, старик.

Он усмехнулся. Он все время усмехался, говорил иносказательно, его речь изобиловала метафорами. Кажется он раскусил меня, а может быть все туземцы пытаются казаться умнее или мудрей чем они есть на самом деле. Поэтому и прибегают к подобным хитростям.

- Я могу пойти с тобой? – спросил я.

- Ты можешь делать все, что хочешь, - равнодушно ответил абориген.

Мы отправились на северо-запад, вдоль побережья. Мой спутник был не очень-то разговорчив. Он только посоветовал мне найти подходящую палку, чтобы удобно было передвигаться. Дело оказалось не таким уж простым. Мне пришлось перебрать около дюжины разных посохов из разных пород дерева.

- Эта не годится, - ворчал Мунроро, осматривая очередной образец.

- Почему? Она удобна, вот смотри

Я продемонстрировал, какая она надежная и легкая и как удобно я могу опираться на палку при ходьбе.

- Палка не только для ходьбы, белый человек. Если ты встретишь на своем пути тилацина, эта палка не годится. Так что ищи другую.

Чтобы не показаться несведущим, я не стал спрашивать, что это за тилацин такой страшный, если против него дубина нужна. Наконец была найдена палка которая отвечала всем требованиям и мы отправились в путь. Весь день до самого вечера мой спутник старался хранить молчание, и только когда я хотел поговорить или просто спросить о чем то, Мунроро отвечал, что нужно беречь силы и не привлекать разговорами диких животных и духов. Когда начало смеркаться мы остановились на ночлег в безветренном месте недалеко от ручья. Теперь времени будет достаточно и я смогу расспросить своего спутника и в свою очередь просветить его немного.

- Ты знаешь, что сумчатые животные встречаются не везде? – спросил я, - например в Европе их вообще нет. А есть звери, которые живут только здесь, например кенгуру или коала.

- Европа, это где? – равнодушно спросил Мунроро и хитро прищурился.

Я рассказал ему про Европу и про другие континенты, про животных и растения, которых не встретишь в Австралии. Он просто слушал без особого интереса и не задавал никаких вопросов.

- Тебе что, не интересно? – спросил я.

- Мне интересно, будет ли здесь дождливая зима. И не случаться ли летом засухи или пожары. Это важно для меня и моего народа.

- Я понимаю - начал я, но Человек Дождя меня оборвал:
- Ты ничего не понимаешь чужестранец потому что не знаешь чего хочешь и что ты ищешь. И поэтому твой путь извилист и не ведет никуда.
- С чего ты так решил?
- Человек который еще утром собирался в пустыню Симпсон, а потом сам не зная зачем пошел на восток через озера к Большой Виктории точно не знает чего хочет.
- Я хотел побывать за границей, мне все равно где. Нет у меня конечно есть предпочтения то есть, я хотел сказать, есть определенная цель.
- В твоей стране недостаточно пропитания? Нет дождей или почва не плодоносит?
- Ну, вроде с этим все в порядке - ответил я неуверенно.
- Вроде? Ты даже не знаешь точно?
- Как мне показалось, Мунроро был удивлен моим туманным ответом, поэтому я тут же добавил:
- С этим все в порядке. Все плодоносит, всего хватает.
- Тогда тебе незачем блуждать по свету. Это не безопасно для тебя, ты даже не можешь выбрать правильную палку.
- Я кое чему уже научился, разве нет? Теперь я могу выбрать правильный посох. Но там где я обычно бываю он вряд ли пригодится, ведь не везде же встречаются сумчатые волки как их там ти талацины.
- Кстати, от палки твоей проку все равно не будет, - сказал Человек Дождя и к моему изумлению он схватил ее и бросил в костер.
- Почему?
- Последний тилацин умер почти сто лет назад. И если бы ты знал об этом, то не потратил бы напрасну столько времени и сил.
- Но ведь мы занимались этим вместе, - возразил я, - выходит ты тоже потерял такое драгоценное время, разве нет?
- Я смотрел, изучал тебя и набирался сил перед переходом, в то время как ты занимался поисками бесполезной деревяшки.
- Стало довольно зябко и совершенно темно. Вокруг костра темень была такая - хоть глаз выколи. Я придвинулся поближе к огню. Странно, как быстро сумерки окутали землю, буквально четверть часа назад я следил за ползущим над горизонтом ярко красным диском и вдруг наступила тьма.
- Костер давно догорел и я смотрел на переливающиеся угли. Они напоминали то ли огни огромного города в ночи, то ли объятый пожарами архипелаг, посреди черного как смерть океана.

Глава 8

Мягкий контроль свободы.

Мы столкнулись с Ильей совершенно случайно, на выходе из метро. Делать вид что мы не узнаем друг друга было глупо. Делать вид, что мы обижены друг на друга было еще глупее. В конце концов мы были и наверное остаемся друзьями уже много лет. Он первым протянул мне руку.

- Здорова.

Я ответил на рукопожатие и мне показалось, как будто одной проблемой стало меньше. Я даже подумал, не рассказать ли ему про свою сорвавшуюся поездку, но вовремя опомнился. Не хватало еще чтобы он подумал какой я неудачник, ну уж нет.

- Ты с Дашкой теперь? – спросил Илья как бы между делом и глядя при этом куда-то в сторону, как будто увидел там что-то более интересное, чем я.

Я пожал плечами и сказал:

- Да. Встречаемся.

Илья как будто стиснул зубы, или мне это только показалось. Я не мог поверить в то, что он действительно переживает. Не в его стиле что-то подобное. В плане отношений он всегда был довольно поверхностным человеком, я даже завидовал этой его легкости.

- Зашел бы хоть. Я зла не держу, ты не думай что я буду быковать Слышал, что ты вроде в Италию собирался. И как, съездил уже?

Я понял, что темы моих неудач видимо избежать не придется. Интересно, откуда он знает? Саня разболтал, а может Даша. Но и его приглашение зайти к нему как ни в чем не бывало звучало довольно странно, если учесть то, что я слышал от Сани про список друзей и прочую чушь.

- Облом с Италией. У меня туберкулез нашли и запороли медкарту. Анализы еще раз сдавал, волокита в общем Потом оказалось что это ошибка. Но поезд ушел. А я остался.

- Обидно но ты не расстраивайся, может поедешь еще, - сказал Илья.

- Да и хрен с ним, - отрезал я.

Я понимал, что руководство на работе смотрело на меня после инцидента с туберкулезом с некоторым подозрением. Как в том самом анекдоте о пропавшей серебряной ложке. Искали вора, даже обвинили кого-то ложку потом нашли, но осадок остался. Вот такой осадок остался не только в редакции, но и в парткоме и в первом отделе. Теперь в списке на заграникомандировку я был скорей всего последним. И поеду я только если всех остальных претендентов скосит сибирская язва или чума. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что на Запад из нашего отдела вообще никто не ездил. По крайней мере ходили такие слухи.

Последние события снова и с прежней силой возродили в моей голове мысли о том, что все это неизвестно кем, а главное непонятно зачем подстроено и никаких немцев нет Я и раньше периодически думал об этом, вспоминая Рымаря и его рассказы. А теперь еще и этот слепой не выходил у меня из головы. Последнее время я частенько захаживал в «Семь дорог» или просто блуждал недалеко, надеясь встретить его там, но слепой больше не появлялся.

- Как твой отчим? – спросил я, - не приезжал?

- Да чего ему тут делать? Мать переехала окончательно в Ригу. Я вообще теперь один живу, как и ты.

Почему-то Илья считает, что я живу один это не совсем так да, мама частенько уезжает, но это не одно и то же. Но я не стал возражать, мне вообще вдруг захотелось попроситься и исчезнуть. Я даже буркнул «пока» и сделал движение, как будто собираюсь уходить, но Илья внезапно поймал меня за руку.

- Брат, давай не будем нагнетать из-за какой-то телки Мы же теперь вроде молочные братья с тобой, одну сиську сосали.

Меня покорило от этой его шутки, и я криво улыбнулся.

- Она не телка, - тихо сказал я так тихо, что Илья кажется меня не услышал.

Мы попрощались и я зашагал домой. Меня не покинуло чувство, что между нами оставалась некая напряженность. И если в самом начале я еще подумывал, почему бы не зайти к Илье по старой памяти, то после его финальной шутки желание пропало. Нет, ни за что.

На работе был объявлен короткий день по причине травли тараканов и нас отпустили домой пораньше. Повод хороший, вот только тех ли вредителей будут травить в нашей редакции? В глубине души я и сам чувствовал себя таким же вредителем, таким же бесполезным трутнем, какими являлась добрая половина наших сотрудников. С горечью подумал, что нас напрасно попросили покинуть здание. Но несмотря на неприятности последних дней, а может и наперекор им, мне вдруг захотелось устроить романтический вечер с Дашей. Я заскочил в гастроном, купил бутылку Советского шампанского и какую-то совершенно неподходящую под него закуску. Посетовав на отсутствие выбора, я пошел в сторону дома. Но сегодня меня ждала довольно неприятная встреча.

Подходя к дому я заметил возле ступеней ведущих в подъезд высокого парня в модном пальто и кепке. Он держал руки в карманах и было заметно, что парень явно нервничает и переминается с ноги на ногу. Как только молодой человек заметил меня, он развернулся на каблуках, как будто хотел спешно ретироваться. Но затем внезапно передумал и сделал пару шагов в мою сторону. Я остановился, парень подошел ко мне вплотную и назвал мою фамилию.

- Да, это я

- Ублюдок - прошипел парень.

Я видел, что ему было неловко говорить подобное и произнес он это слово как будто обращался не напрямую ко мне, а к кому-то третьему, скрытому от наших глаз. Я еще надеялся, что эта какая-то ошибка и даже то что он назвал мое имя еще ничего не значило. Я хотел было пройти мимо него, но он внезапно сделал шаг в сторону, перекрывая мне движение и произнес, теперь уже наверняка обращаясь ко мне:

- Я знаю, что это вы ты!

- Простите, я не понимаю

- Ты никто, просто пешка!

Мы произнесли это практически одновременно. Я снова попытался протиснуться к двери, и снова незнакомец преградил мне путь.

- Все ты понимаешь! – парень говорил негромко, сквозь зубы.

И тут сердце мое екнуло. Я начинал догадываться о причинах подобного тона но кто был этот парень оставалось загадкой. Тем временем он достал из кармана сложенную вчетверо газету, развернул и буквально сунул ее мне под нос.

- Ты писал? Это ты писал?

Отпираться было бессмысленно и я тихо произнес:

- Да, это я.

- Ты и представления не имеешь, с кем ты связался. Я тебя заставлю сожрать эту газету! Понял, мразь?

Я не был напуган. Парень был щуплым и довольно интеллигентного вида. Такой вряд ли сможет заставить меня сожрать газету. Тот кто жаждет мести или горит желанием наказать вряд ли станет топтаться вечером у моего подъезда и произносить ругательства в мой адрес, он все сделает тихо и незаметно. Я сразу понял, что все его угрозы не стоят и ломаного гроша, но мне был неприятен сам факт этого разговора, потому что я знал я понимал, что неправ. И это уравновешивало в какой-то степени наши силы. Оправдываться или отпираться было глупо. Да и как, какими словами? Сказать ему что это мол моя позиция? Вряд ли я буду выглядеть

при этом убедительно. А вот Горшок точно бы смог. Но я не проходил такую школу лицемерия, меня не выводили босиком на расстрел. Что еще я мог сказать: «Извини, брат, есть такая профессия – неправду говорить», так что ли? Или попытаться рассказать ему все как было, попросить, чтобы он вошел в положение или даже посочувствовал мне

- Завтра же! Завтра же ты напишешь опровержение, понял? Ты меня понял?

Парень не стал дожидаться от меня ни ответа, ни доводов, ни оправданий. Он приблизился еще на полшага и внезапно плюнул мне прямо в лицо. Слюна попала мне в глаза, в рот. От неожиданности я оторопел и не сразу понял, что же произошло. Я чуть не выронил бутылку, которую все это время сжимал в руке. Парень быстро удалился, швырнув газету мне под ноги. Я негромко выругался и вытер лицо рукавом куртки.

Раньше в нашу рабочую комнату заглядывали практически все сотрудники редакции, используя при этом любой самый незначительный предлог, а частенько и не имея такового. О чем-то спросить, что-то узнать, да и просто поболтать о всякой ерунде. Дядя Боря был душой нашего отдела, да и мы с Людочкой старались соответствовать. Сейчас все изменилось, я остался один и былой популярностью в нашем отделе не пользовался. Когда заходил в курилку, разговоры мгновенно смолкали, в столовой мне казалось, что все осуждающе смотрят именно на меня. Конечно, все это было не совсем так, но то что Людочка и Борис Львович предпочли моему обществу шум и неудобство переполненных комнат здорово давило на мою психику. Я становился все более замкнут, старался прийти пораньше и позже уходил с работы, сводя к минимуму возможность столкнуться с кем-то из коллег.

Одиночество мое продолжалось недолго, и уже через полторы недели в моей рабочей комнате появился новый сотрудник Женя. Молодой и амбициозный, который считал что поймал судьбу за хвост. Наверное и я был таким же всего год назад. Он доставал меня вопросами, точно такие же в свое время я задавал дяде Боре и он терпеливо и подробно на них отвечал. Но для Жени я не стал столь же прекрасным наставником, вопросы его казались мне по большей части идиотскими. Меня бесил его синий галстук, еще больше я раздражался, когда он придерживал этот ненавистный галстук рукой, садясь за стол. Бесил его костюм и свежие рубашки, которые он менял ежедневно. Сам я носил на работе водолазку и свитер, подражая дяде Боре и уж точно никогда и никаких рубашек. А если и надевал пиджак, то это был заграничный мешковатый прикид из ткани букле, с кожаными заплатками на локтях. Я купил его у Ильи сразу же как только попал в новую редакцию. Мне казалось что так я буду выглядеть более мужественно и одновременно интеллигентно

Руководство в лице Кислицина и Инги Карловны по отношению ко мне вело себя нейтрально, как будто они взяли паузу и сами точно не знали, что будет дальше. В общем, рабочая атмосфера вокруг меня была явно заражена и бурлила токсинами. Если раньше я летел на работу как на крыльях, несмотря на высокомерие шефа, несмотря на безмолвное хамство его секретарши, скучные задачи и отсутствие перспектив то теперь теперь я полз в редакцию словно змея, хвост которой переехал многотонный грузовик. В довершение всех неприятностей позвонил Горшок и сказал, что нам нужно срочно встретиться, но не в нашей редакции и не у него. Олег Дмитриевич назначил мне встречу в центре через полтора часа и я отправился на Пушкинскую, к памятнику поэта. И если раньше любую вылазку с работы я расценивал как благодать, то сегодня я понимал, что попаду из огня да в полымя.

- Что-то ты Андрюш выглядишь не очень. Случилось чего?

Олег Дмитриевич всем своим видом продемонстрировал самое живое участие. Да уж это он умел, как никто другой. Я пожал плечами и плюхнулся на скамейку возле Горшка. Я вообще не горел желанием дискутировать с Олегом Дмитриевичем и уж точно не хотел говорить о своем состоянии или настроении. Я ждал от него решения, потому что понимал, что моя встреча с незнакомцем у подъезда была не единственным вчерашним инцидентом и скорей

всего проблема каким-то образом зацепила и моего бывшего шефа. Вспомнив о парне, который поджидал меня возле дома я ощутил жжение в газах и неприятный привкус во рту, как будто снова почувствовал тот самый плевок мне в лицо и его слюну у меня на губах. Ощущения были настолько реальными, что я даже вытер лицо рукой. Одновременно я ощутил, как кровь приливает к моему лицу, почувствовал нечто похожее на унижение и презрение к самому себе.

- Андрей, я тебе обещал по поводу твоего продвижения, но пока есть один затык ты же вроде так говорил - затык, это твое словечко? – Горшок хмыкнул и по-свойски пихнул меня локтем в бок.

Он говорил со мной как со старым приятелем, словно мы обсуждали неудачную рыбалку и плохой клев. Видя что я не реагирую на панибратские штучки Олег Дмитриевич кашлянул и продолжил:

- Но ты не переживай, сейчас немного пена сойдет и мы твоим вопросом займемся вплотную. Думаю, тебе надо побольше и самому инициативу проявлять. Но не переборщи только. Предложи осветить этот ваш фестиваль кино, напиши критические статьи на фильмы, мол упадок мирового киноискусства, нет культурной глубины темы поверхностные...

- Я же не видел ни одного, - перебил я Горшка.

Олег Дмитриевич нетерпеливо цокнул языком и состроил кислую физиономию, как уставший учитель перед нерадивым учеником.

- Ты ничему не учишься, Андрей. Если хочешь в нашей теме продвинуться наверх, надо быть гибким. Где надо присядь, где можно через голову прыгай, а главное главное будь благодарен тем людям, которые тебе помогают, сечешь?

- Секу, Олег Дмитриевич, - ответил я безучастно, вытянул ноги и уставился на свои ботинки.

- М-да

Горшок с минуту помолчал и затем осторожно начал разговор, ради которого он и вызвал меня так срочно.

- У нашей Анечки покровитель оказался не так прост как мы думали. Мне вчера позвонили оттуда - Горшок поднял глаза к небу, - и культурно попросили разобраться. Мол, факты несколько не соответствуют истинному положению дел. Понимаешь?

Я молча кивнул, продолжая рассматривать свои ботинки.

- Но мы тоже не пальцем деланные, Андрюш. Поборемся. У нас найдется к кому на поклон пойти. А к тебе у меня вот какая просьба, Андрей пока они там наверху решать будут что да как, ты Андрей будь наготове.

- К чему готовиться?

- Ко всему, Андрей. Как у нас на фронте было Каждую минуту либо смерть, либо жизнь на кону, либо

- Либо свои хлопнут, - закончил я и усмехнулся.

Горшок прищурился и продолжил:

- Либо свои, верно.

Я почувствовал неприятный холодок на спине. Повернулся и посмотрел на Горшка, пытаюсь понять, сможет ли он заставить меня переодеться в исподнее, поставить к стенке и зачитать приговор. И мгновенно понял, что он это сделает. Без колебаний и без жалости.

- Так что делать? – обреченно и тихо спросил я.

- Андрей, раз уж мы с тобой вступили в такую передрагу, то ты должен быть готов написать еще одну статью

Я нервно дернулся и видимо Горшок заметил это, так как положил свою руку мне на плечо и продолжил:

- И в следующей статье мы пройдемся по нравственности этой самой Анны К. Мол, несмотря на то что она находится в законном браке, может себе позволить некие вольности. В общем в бой вступит либо наша тяжелая артиллерия, либо

- Либо что?

- Либо нам придется написать небольшое опровержение. Это в том случае, если наша не возьмет. Так мол и так, факты оказались не проверенными. Приносим извинения. Гибкими надо быть, Андрюша такова наша с тобой работа.

- Я даже не буду вас спрашивать по поводу морального облика Анны К. и ее внебрачных связей, Олег Дмитриевич. Насколько это правда или нет. Это же не суть важно, я правильно понимаю?

- Правильно, - ответил Горшок по-видимому не уловив моей иронии. А может он был занят своими мыслями.

- А если я откажусь? – спросил я.

- Я бы тебе не советовал, Андрей.

- Меня вчера под домом поджидал какой-то тип, я его первый раз видел. Интеллигентный такой, из артистов скорей всего. Он сказал, что я пешка, что он управу на меня найдет, и еще сказал, что ждет опровержения

- Угрожал? – спросил Горшок.

- Ну, так Не то чтобы угрожал, но вел себя довольно агрессивно.

- Не бери в голову, ничего они тебе не сделают. Так пострадать могут и все.

С появлением в моей жизни Даши, в квартире наметились зачатки беспорядка, которые как ни странно скорей радовали меня нежели пугали. Вещи, которые раньше лежали в строго отведенных для этого ящиках стола или комода начали исчезать и обнаруживаться в совершенно неожиданных местах. При том, что Дарья бывала у меня два-три раза в неделю, не чаще. Я постоянно воевал на эту тему с мамой, теперь вот моя девушка Нет, я конечно же прощал ей эти маленькие слабости, так как совершенно потерял голову и мне даже нравилось молча ходить по квартире и устранять этот мелкий беспорядок. Но временами меня раздирало на части странное чувство, как будто внутри меня поселились две сущности. С одной стороны я ждал каждую встречу с Дарьей до дрожи в коленках, а с другой, мне хотелось чтобы скорей мама вернулась, потому что с ней было спокойней.

Я прошел в коридор, набрал 07, назвал код города и номер ее брата в Ижевске, хотел узнать скоро ли она приедет, но трубку никто не взял. Это было довольно странно, брат на пенсии, дел у него особых нет и он должен был быть дома мама тоже уйти не могла, раз у нее постельный режим. Дело в том, что последний раз я разговаривал с ней неделю назад и она сказала, что подхватила воспаление легких, что скорей всего останется у брата до конца февраля. Кроме того, вот-вот должны были приехать какие-то дальние родственники с которыми мама не виделась уже очень давно и не повидаться она просто не может. Поздно вечером я еще раз попробовал набрать уже через автоматическую связь, но и на этот раз ответа я не дождался

- Странно, - пробормотал я, когда в очередной раз не смог дозвониться.

Я списал все на связь, которая работает из рук вон плохо и немного упокоился. Сегодня Даши не будет, она позвонила и сказала что хочет подготовиться к сессии. Мне так же необходимо было подумать о том, что делать дальше. В общем то я уже все решил, но надо взвесить все за и против. А решил я вот что: очередную грязную статейку про Анну К. я точно писать не стану. Верней, ничего кроме опровержения из-под моего пера из-под моей шариковой ручки не выйдет. Какие меня ждут последствия в случае непослушания догадаться не трудно. Вполне возможно я потеряю определенные перспективы на работе. Перспективы? А чего такого особенного может меня ждать на службе, о чем я буду впоследствии жалеть? В заграникомандировку я точно поеду не скоро, если поеду вообще коллеги на работе презирают

меня и честно сказать - за дело. Что я имею сейчас? Рутину, копирование набивших оскомину идеологических штампов, переводы. Разве об этом я мечтал? Я вспомнил как закончил сын Олега Дмитриевича и вздрогнул. Ну нет, не дождетесь! А что будет, если напишу опровержение? Возможно я верну уважение коллег, а это уже не мало. Скорей всего, Горшок раздавит меня и мне придется уволиться из редакции по собственному желанию или меня уволят. Зато никто не будет поджидать меня вечером у подъезда, чтобы плюнуть в лицо. Плюсы есть, и честно говоря они перевешивают то, что я расцениваю со знаком минус.

Я набрал номер Сани. Он почти сразу снял трубку.

- Здорово. У тебя срочное что-то? Я убегаю просто Маринка ждет.

- Да нет, Сань ладно

Я хотел было уже повесить трубку, когда услышал:

- Да говори, что там у тебя.

- Бортанули меня с поездкой. Медкомиссию не прошел, - пробурчал я.

Саша присвистнул.

- Знаешь, я как чувствовал, - продолжил я, - и не захочешь, а поверишь в теорию моего прапорщика

- Что какого прапорщика?

По всей видимости Сашка уже забыл о нашем разговоре в пивной. Вот ведь напасть может и мне стоит забыть и не думать об этом? Угораздило же вбить себе в голову этакую чушь. Ну раз так, не стоит и продолжать. Поэтому, после короткой паузы я сказал:

- Не важно. Забудь.

Но теперь уже Саня оживился, видимо вспомнив тот наш разговор.

- Это ты про своих иностранцев, которых нет? – ухмыльнулся он в трубку.

- Забудь, - повторил я.

- Слушай, если хочешь поговорить с иностранцами, езжай в Шереметьево. Я слышал, что там их как грязи. Кстати, ты в выходные что делаешь? Мы с Мариной решили в Питер махнуть, может вы тоже присоединитесь?

- Не знаю если Дарья дежурить не будет сессия у нее.

- Давай, набери в пятницу. Все, я побежал, Андрон. Жду звонка.

Почему такая простая мысль не приходила мне в голову раньше! Это же так просто, найти кого-то в Шереметьево, пообщаться и навсегда закрыть тему Рымаря и его дурацкой теории. Впрочем, теория эта уже давно поселилась в моей собственной голове и время от времени я волей-неволей к ней возвращался. Было бы правильней назвать это не теорией, а навязчивой идеей.

Я быстро засобирался и уже стоя перед входной дверью я вдруг осознал, что то, что я собираюсь сделать не совсем нормально для здорового человека. Может у меня не все в порядке с головой? Ехать на ночь глядя в международный аэропорт, чтобы найти там иностранца. Бред какой-то

Я присел на стул и решил было снять куртку и вернуться к своим делам, но тут вспомнил про странного слепого и в голове моей снова зашевелились проклятые и такие навязчивые мысли. Всего минуту назад я называл это навязчивой идеей, разве нет? Ну вот и прекрасный шанс избавиться от нее раз и навсегда.

На метро я доехал до станции Аэропорт, где можно было пересесть на рейсовый автобус в Шереметьево. За время пути я еще несколько раз возвращался к мысли о том, насколько нелепой была эта затея. Я боролся сам с собой, снова и снова приводил доводы за и против, пока наконец окончательно не решил, что все делаю правильно.

Но остановке рядом с аэровокзалом я оказался первым, и когда подошел рейсовый «Икарус» я заскочил в салон и нашел место поуютней. В автобусе было натоплено и я даже задре-

мал на какое-то время, пока не подтянулись остальные пассажиры. В соседнее кресло плюхнулся здоровенный дядька в меховой шапке и с жуткой одышкой. Минуту назад я в полудреме наблюдал через окно, как он засовывал свой огромный чемодан в багажное отделение. Мужчина громко дышал и присвистывал, видно было что он с трудом справлялся со своим багажом. Когда он оказался рядом со мной, то в голове моей мгновенно мелькнула мысль, а не поговорить ли с этим здоровяком? Может быть он как раз сейчас спешит на рейс в Мельбурн или Сан-Франциско? И вполне возможно он делает это не в первый раз. Тогда необходимость ловить кого-то в Шереметьево отпадет сама собой. Я собрался с духом и спросил:

- В командировку или в отпуск?

- Домой, - ответил здоровяк и этим похоронил мои ожидания.

Я знал, что из Шереметьево бывали и внутренние рейсы. Их было не так много, но мне везло как утопленнику и мой сосед попадал как раз под эту небольшую категорию граждан. Видимо, он летит домой в Ригу, Таллин либо в Киев. Я мгновенно потерял к нему всякий интерес, однако молчал мой попутчик недолго.

- А вы? – спросил он.

- Встречаю брат прилетает из Аделаиды, - соврал я, - вернее, он через Сингапур летит.

- О, Австралия всегда хотел там побывать. Но не повезло, - сказал толстяк да так сокрушенно, словно невезение это случилось с ним только вчера.

- Что так?

- Визу не дали. Вернее, до визы даже дело не дошло. Я зоолог, мне прислали приглашение из Квинсленда, но

Я понимающе улыбнулся и спросил:

- Медкомиссию не прошли?

- Да нет Президиум Академии Наук завернул лимит командировок исчерпан, вот так. Так и сказали. Валюты нет.

Ничего удивительного. Мне хотелось расхохотаться. Ну конечно! У них же всегда найдется миллион причин чтобы отказать человеку в загранпоездке денег нет, лимит, родственники на оккупированной территории проживали, не член партии, нарушал режим или того хуже - закон Ах, ни в чем этом не был замечен или замешан? Ну тогда у него туберкулез, гангрена всех конечностей ну или еще что-нибудь в этом роде. Что же там такого за пределами нашей Родины, что так от нас скрывают?

- А вы бывали за границей? – спросил я.

- Да я вот как раз из-за границы. Через Москву и домой теперь, в Таллин. Билетов нет, я два дня сижу в столице, а тут мне звонят из академии и говорят, езжай в Шереметьево, мы тебе бронь на сегодня сделали Я уже не знал что делать, в Москве почти все музей посетил. Ну, не все конечно так, по моей специализации

После первой фразы я даже не слышал о чем говорил мой сосед. Он бы наверное еще долго рассказывал о своих приключениях в Москве, но я нетерпеливо перебил его:

- А где были?

- Что?

Он видимо так увлекся, что не понял вопроса.

- Вы сказали, что возвращаетесь из-за границы. Откуда, если не секрет?

- Из Кракова там музей зоологический, у нас же с Польшей общий объект исследований, поэтому

- Что за объект? – рассеянно спросил я.

- Балтийское море, - несколько удивленно ответил мой собеседник, как будто это подразумевалось само собой.

- А, ну да ну да, - ответил я и далее своего соседа слушал уже не так внимательно.

Он что-то долго рассказывал об уникальности Балтики, как природного объекта. До меня доносились только обрывки фраз, «соленость у поверхности всего 3 процента» «особая смесь фауны» «кольчатая нерпа» и еще что-то про птиц. Я же всю оставшуюся дорогу думал только о том, каким образом я буду искать контакт с иностранцами, когда окажусь в здании аэропорта. С чего начать разговор? Может, просто спросить номер какого-то рейса, мол я ищу выход на посадку. Я понимал, что здание просто кишит сотрудниками КГБ, международные залы под особым контролем. Главное, не вызвать подозрений, подойти и просто спросить номер рейса.

Я вышел из автобуса и только в этот момент понял, насколько рискованной была моя затея. Обуреваемый противоречивыми чувствами я вошел через стеклянные двери и сразу направился к международному залу, пытаюсь различить по определенным признакам, по одежде или подслушанному разговору, кто здесь может быть представителем загнивающего запада. На удивление в здании аэропорта было немногочисленно. Меня сразу же поразило ощущение некоего огромного пространства и пустоты. Я неоднократно бывал в Домодедово, во Внуково, и пару раз в Быково, и во всех этих аэропортах яблоку упасть негде. Здесь же все было как на ладони. Как говорить, в толпе не затеряешься. Немногие интересующие меня персоны передвигались небольшими группами, в сопровождении либо переводчиков, либо представителей назовем их блюстителями «мягкого контроля».

Подходить к группе и подвергать себя риску смысла не было и я старался отыскать какого-нибудь одиночку, чтобы не привлекать ненужного внимания. Возле киоска «Союзпечать» я заметил парочку. Они что-то обсуждали вполголоса и по некоторым параметрам отличались от наших и вполне могли оказаться иностранцами. Во-первых, одежда. Он в фетровой графитовой шляпе, пальто из плотной шерсти и с элегантно шарфом на шее. Она в кремовом пальто из кашемира затянутого в талии широким поясом. Во-вторых держались они по-особенному свободно и уверенно. Я сразу направился к ним, мои шаги отдавались гулким эхом в полупустом зале.

Остановившись возле киоска я начал рассматривать газеты, одновременно прислушиваясь к разговору иностранцев. Я сразу не мог определить, на каком языке они говорили, он был резкий и плотный.

- Мне пожалуйста «Советскую культуру» - попросил я продавщицу.

Я оглянулся по сторонам, взял газету и в следующую секунду оказался рядом с парочкой. Я начал говорить по-английски, но они явно не понимали меня. Я перешел на русский и тогда мужчина так же на ломаном русском спросил, делая ударение на первом слоге:

- Ви что-то желали?

Он и его дама дружелюбно улыбались и это придавало мне уверенности.

- Я пропустил свой рейс Вернее, я ищу рейс. Мне нужно попасть к выходу на посадку.

- Где ви летите?

- Мне Вена нужна.

Мужчина пожал плечами, продолжая улыбаться.

- Лутче спросить в информация. Мы плохо знаем.

- Спасибо. А вы откуда?

- Мадьорорзаг, - ответил мужчина.

- Что?

- Венгрия, ми из Венгрии.

Я улыбнулся, чтобы показать насколько мне приятно, что они именно из Венгрии и направился в центр зала, рыская взглядом по сторонам в надежде заметить то, что мне было сегодня так необходимо. Ну надо же, вместо того чтобы отдыхать после работы я притащился сюда и кто же были моими первыми иностранцами товарищи из Венгрии! Я практически не отдавал себе отчета, что делаю. Голова была окутана туманом. Я остановился, чтобы немного успокоиться. Меня заинтересовала небольшая группа и я стал неспешно сближаться с ними,

одновременно разглядывая черный механический флипборд с номерами рейсов. Пластины над головой щелкали при смене строки и звук этот навевал ощущение шпионской романтики вперемишку со страхом.

Я сделал несколько быстрых шагов в сторону группы и спросил по-английски, не помогут ли мне найти мой рейс в Вену. Один из туристов повернулся ко мне, собираясь что-то ответить, но между нами сразу же вырос человек с очень невнятным лицом и развел руки в стороны, преграждая мне путь. Он молчал, просто смотрел по сторонам, вытягивая утиную шею. Я видел, как двигается его огромный кадык и вспомнил рассказ моего сегодняшнего случайного попутчика о птицах северных морей, представил балтийскую чайку, которая проглотила целиком корюшку и теперь пытается пропихнуть ее дальше в желудок.

Меня нежно взяли под руки и отвели в сторону. Я не сопротивлялся, понимая что совершил непростительную ошибку. Моя голова снова погрузилась в непроглядный туман, мне что-то говорили в самое ухо, но я не мог разобрать ни слова.

Затем был короткий и довольно деликатный обыск, изъяли удостоверение с работы, мой бумажник, ручку и блокнот, который я всегда носил с собой. Там не было ничего крамольного. Я сидел за столом в совершенно пустой комнате. Люди, которые меня подхватили под руки и привели сюда, сразу же вышли, оставив сидеть в одиночестве. Спустя какое-то время в комнате появились двое, лица которых были столь же невнятными как и у того, который засек мои действия в зале. Скорей всего это были сотрудники КГБ или ГРУ. Я отвечал на их вопросы и до меня постепенно начало доходить, что я натворил. Назвал свою фамилию, рассказал где живу и работаю. Они все это записывали в блокнот, хотя на столе стоял магнитофон, но гебешники его не включали.

- Цель вашего нахождения в международном зале?

Куда подевался мой юношеский задор и умение врать? Я вспомнил свой первый допрос по делу с печатным станком и мне стало страшно. Сегодня я совершенно не был готов и не знал что сказать. Да и чувствовал я себя совершенно потерянным, все что происходило, казалось мне нереальным, словно в тумане или во сне.

- Алло, вы слышите? – сказал сотрудник, протянул руку к моему лицу и поводит карандашом у меня перед глазами.

- Да, я слышу.

- Что вы делали в международном зале?

Я судорожно пытался что-то придумать, но тщетно. Врать про брата из Аделаиды было неразумно, это могли тут же проверить и тогда тогда неизвестно вообще чем может все это закончиться. Оставалось говорить либо правду, но это было чревато постановкой на учет в психдиспансере или того хуже отправкой в дурдом, либо

- Я хотел провести опрос, - внезапно сказал я.

- У вас есть предписание от редакции?

- Нет. Я действовал самостоятельно, это моя личная инициатива.

- С какой целью вы подходили к иностранцам? Что вы хотели им передать?

Голос у сотрудника был жесткий, слова отпечатывались у меня в голове.

- Я ничего не хотел им передать. Я просто хотел провести опрос, не кажется ли им, что советский человек более свободен более раскрепощен, чем представители Запада.

Мои надуманные доводы не возымели эффекта.

- Вы раньше были с ними знакомы? – спросил человек с невнятным лицом и посмотрел сквозь меня.

- С кем?

- Вы дважды пытались контактировать с иностранцами. Вы уже встречались с ними раньше? Если да, то при каких обстоятельствах?

- Нет, я их первый раз в жизни видел.

Я сказал правду, сказал спокойно, без истерики и не стараясь оправдаться. Возможно поэтому мои слова прозвучали убедительно. Один что-то записывал, второй продолжал смотреть сквозь меня, как будто изучал штукатурку у меня за спиной. Мне хотелось развернуться и тоже посмотреть что там что так привлекает его внимание.

- Кто вас направил? – снова спросил тот, у которого был сверлящий взгляд.

Допрос шел по кругу, они задавали одни и те же вопросы, но с разной формулировкой. Скорей всего ждали момент, когда я начну путаться и наговорю много того, что говорить не следует. Я повторял свои ответы и понял, что вранья в моих словах не так уж и много. Отвечая максимально просто, я перестал волноваться. Я ведь действительно не знал этих людей, меня никто не принуждал и не отправлял на встречу, и я не должен был им ничего передавать. Да, у меня не было предписания из редакции, это только моя инициатива. И только в этом заключается моя вина, которую я и признал.

Меня допрашивали уже около часа с небольшими перерывами, так мне казалось. От резких вопросов разговор незаметно перешел к обычной профилактической беседе о вреде контактов с иностранными гражданами. Я уже знал, что это хороший знак и в зависимости от контекста виновато или понимающе кивал. Иногда что-то отвечал, чтобы сотрудники поняли - я все осознал.

- Вы понимаете, как они могут интерпретировать вашу активность?

- Я не подумал об этом, - ответил я.

- Вы должны понимать, что такие действия могут вызвать нежелательные вопросы.

- Мне понятно. Но я правда не хотел ничего дурного. Наше общество более свободное и перспективное, если его сравнить с западным. Об этом я и хотел написать но я хотел так же учесть и их мнение. Это была ошибка, я это осознал. Они в любом случае не сказали бы мне правды.

Моя последняя тирада возымела нужный эффект. Представители исполнительной власти согласно кивали и записывали все, что я говорил. Наконец, человек со стальным взглядом сказал фразу, которая предвещала конец моим мучениям:

- Хорошо, будем считать, что вы нас поняли. Вам надо будет письменно изложить всю ситуацию и расписаться.

Я написал объяснительную, поставил дату и расписался. Мне вернули принадлежащие мне вещи и удостоверение. Но прощание сотрудник со сверлящим взглядом сказал:

- Я надеюсь вы понимаете, что наш разговор не останется без внимания по месту вашей работы?

Я еще раз покорно и виновато кивнул. Как и положено свободному представителю самого прогрессивного в мире общества.

Около десяти вечера я был дома. Голова гудела как медный колокол, по которому что есть силы ударили молотом. Я подошел к телефону и набрал номер Даши.

- Привет, я так давно тебя не видел, - сказал я, хотя мы виделись только вчера вечером.

- Целую вечность, - ответила Дарья.

- Меня сегодня прямо под конец дня отправили по службе, час битый общался с непонятными типами в Шереметьево. Потом познакомился с зоологом, он про нерпу мне рассказывал, это был ад какой-то. Автобусом еще сорок минут ехал в общем, устал как собака. Слушай, я очень скучаю

Я сбивчиво проговорил все это и в конце добавил:

- Люблю тебя.

Даша молчала и я повторил свои последние слова еще раз.

- Я тоже тебя люблю, - наконец ответила она.

Я присел на пол, возле аппарата и еще долго говорил ей какие-то нежности и глупости, постепенно забывая о том, что пережил сегодня вечером. Мы закончили болтать далеко за полночь, после чего я отправился в постель, но еще долго не мог уснуть.

Глава 9

Последствия.

Меня с самого утра вызвали к Кислицину и отчитали по полной программе. Я сидел как оплеванный и не знал куда деть руки, ноги, глаза и прочие части тела. Если бы знал как испариться, то мгновенно превратился бы в облако и улетел подальше отсюда.

- Да от вас одни проблемы, Андрей Палыч. Это получается что нам еще повезло, что вы в Рим не поехали! Я представляю себе масштаб катастрофы

- Я готовил интересный материал, - ответил я.

- Да я в курсе, мне уже позвонили с утра. Спасибо. Про командировки в ближайшее время можете вообще забыть. На год как минимум.

Голос у Кислицина стал злым, даже сарказм куда-то внезапно подевался. Я понял, что терять мне больше нечего и сказал с некоторым вызовом в голосе:

- Да я и так забыл.

- Что? Знаете, это не я виноват, что у вас проблемы с легкими.

- У меня не было проблем.

Олег Борисович попросил меня покинуть кабинет и я вышел. Сегодня я первый раз не придерживал за собой дверь а демонстративно ей хлопнул. Инга Карловна вздрогнула и безмолвно сделала мне замечание. Одним только взглядом, как только она умеет делать. Но мне было плевать.

Мой коллега Женя был как всегда в своем синем галстуке, и костюме. Он что-то быстро печатал, затем останавливался на секунду, чесал лоб и продолжал отбивать текст с удвоенной энергией. Я на секунду представил себе бред, который он с таким энтузиазмом набирал и мне стало тошно. Я не мог долго лицезреть это действие, покинул кабинет и какое-то время блуждал по коридору между лестницей и курилкой. Ужасней всего было то, что сегодня абсолютно все от меня отвернулось и мне не у кого было спросить совета, не с кем было поделиться своими проблемами. Даже просто пересидеть в чьем-нибудь кабинете. Да, коллеги мне улыбались, здоровались со мной, интересовались как дела, но не более того. После истории с Анной К. и моей несостоявшейся поездки сослуживцы сторонились меня, словно прокаженного.

Я искал встречи с дядей Борей, мне хотелось вернуть старые добрые отношения с коллегами, поплакаться в жилетку если угодно. Особенно теперь, когда мне так хреново и нужна их поддержка. Да, сегодня я раскаиваюсь, осознаю что поступил подло, но они должны понимать, что у меня не было выбора. Просто я попал в лапы старого партийного манипулятора, и до конца не понимал что творю. Все это я многократно проговаривал про себя, собираясь высказать при очной встрече, когда такой случай представится.

В конце концов ожидания мои были вознаграждены и Борис Львович появился в курилке. Он буркнул что-то приветственное, достал пачку и уселся так, чтобы оказаться как можно дальше от меня.

- Дядь Борь, я понимаю, что вы все думаете обо мне. Мне собственно на остальных но то что мы с тобой вот так разопились, это не нормально. Я объясниться хочу. Ты же всегда мне помогал, дядь Борь помоги и сейчас.

Борис Львович молча слушал, потягивал сигарету и изредка косился в мою сторону. Вступительную часть я начал неплохо, но как только дошло до дела, мысли мои стали путаться, я видел, что оправдания не сработают, не вызовут того эффекта на который я рассчитывал, прокручивая их еще пять минут назад в своей голове. Но я уже начал, отступить было поздно.

- Ты думаешь, что я хотел писать эту чертову статью? Меня поставили на растяжку, я ведь не за какие-то там нереальные блага на это пошел. Я не в курсе был, что он меня на поездку

эту помогал продвигать Да и черт с ней, с командировкой. Я все равно никуда не попал, ни в какой Рим. Просто человек помогал мне как бы бескорыстно, а потом пришел и говорит, давай мол парень, плати по счету. Ну и что я мог сделать?

Дядя Боря вздохнул и сказал:

- Ну ты же получал все-таки блага эти. Авансом. Разве нет? Кто же тебе виноват, раз ты брал и не задавался вопросом о расчете.

- При чем здесь расчет? – взорвался я, - это по-дружески было. По крайней мере мне так преподносилось.

Дядя Боря пожал плечами, а я продолжил.

- Я ведь понимаю, что это неправильно, дядь Борь. Подло даже. Я же не дурачок и не сволочь последняя мы же все тут по сути занимаемся одним и тем же, разве нет? Какая разница, оболгал я конкретного человека или политическую систему?

Борис Львович вскинул брови. Мое сравнение было явно некстати. Я тут же решил сгладить ошибку, пока не поздно.

- Ну да, понимаю конкретный человек это другое, ты прав, - удрученно сказал я.

- Слушай, парень. Если ты облажался, это твои проблемы. А чесать тут всех под одну гребенку не надо.

Дядя Боря выбросил окурок, встал и вышел. Похоже, что Борис Львович принял мои слова и на свой счет тоже. С другой стороны что я мог сказать, какие еще аргументы привести? Да и вообще, зачем я начал сравнивать? В итоге моя оправдательная речь превратилась в обвинительную. И чем дядя Боря мог на это ответить? По сути он должен был отчитать меня. Мол, ты брат против нашей системы что-то имеешь? Какого же хрена тогда ты пришел сюда работать? Скорей всего, поэтому он ушел от ответа и просто сбежал. Сбежал, потому что он тоже так думает. Значит в какой-то степени я оказался прав!

И все же, совсем не об этом я хотел говорить с дядей Борей. Мне нужно было осветить всю ситуацию целиком и спросить совета, как поступить дальше. Что мне делать, если Горшок или те кто возглавляет весь этот проект, решат что нужно бороться дальше и писать очередной пасквиль. И теперь эта статья должна затронуть личную жизнь Анны К. Ну что же, раз помощи и совета ждать неоткуда, тогда мне придется самому принять решение.

Я вернулся в свою комнату и начал переводить какие-то малоинтересные западные публикации. Это теперь была моя постоянная работа.

Известия от Горшка не заставили себя долго ждать, люди там принимали быстрые решения. Он не стал приезжать и назначать встречу на нейтральной территории. Просто позвонил мне вечером домой и сказал:

- Продолжаем, Андрей. Нам дали добро.

Я молча повесил трубку и почти сразу сел за написание опровержения. Никакой клеветы больше не будет, - подумал я. Хватит! Завтра же утром распечатаю и отнесу на подпись бывшему главреду Если статью не примет Горшок, а он ее точно не примет, тогда попробую пропихнуть материал через наше издательство. Я вспомнил, что мы так иногда делали, чтобы расфокусировать проблему. Например, писали разгромную статью в Советской Культуре а потом, когда получали по шапке сверху, печатали опровержение например в Литературной газете. Мол, опровержение есть, извинения принесены и все закончилось без особого шума и не так позорно. Хотя в моем случае лучше было бы как раз наоборот, тиснуть в той же газете где была первая моя статья. Хотя, вероятно мое опровержение не примет ни одна из редакций, ведь Горшок явно имел влияние на Кислицина, я уже имел счастье это заметить. Ну и хрен с ним, по крайней мере этим я выскажу свою реальную позицию.

Мы шли держась за руки, когда совершенно неожиданно перед нами возник Илья. Он очень старательно делал вид что ему все равно, но я-то видел, что от него веет жаром, как от старого угольного утюга, что стоит у меня на кухне в качестве антуража.

- Кого я вижу, сладкая парочка, - сказал Илья и оскалился.

Мы поздоровались, Илья очень крепко пожал мою ладонь, как будто хотел раздавить ее. Он долго не отпускал руку и недвусмысленно пялился на Дашу.

- Чего не заходите?

- Работы много, - буркнул я.

- От работы кони дохнут, Андрон. Тем более от такой вредной как у тебя. Ты там горба-тишься, а с поездкой тебя натянули, получается. Нехорошо.

Говоря это он улыбался и снисходительно смотрел на меня. Илья наверное специально решил надавить мне на больную мозоль, и внутри меня тоже принялись и заискрились горячие угольки.

- Бывает, - ответил я, просто чтобы что-то сказать.

- Дашуль, что-то он у тебя в упадническом настроении.

- А какое настроение у него должно быть? – ответила Дарья, - обидно, конечно. Не знаю, как бы я себя повела. Или ты. Поставь себя на его место.

- Не знаю что ты имеешь виду, но я уже был на его месте.

Илья масляно улыбнулся и это окончательно воспламенило угли внутри меня. Я выпустил Дашину руку и напрягся всем телом.

- Что ты сказал?

Я сделал шаг вперед и стоял теперь почти вплотную к своему другу.

- Андрей, пойдем, - Даша снова взяла меня за руку и потянула назад.

- Да Дашуль, забирай его от греха.

- Да пошел ты! – в сердцах ответил я и на душе у меня сделалось гадко.

Проходя вперед, я намеренно толкнул Илью плечом, но он только рассмеялся мне в спину. Я обнял Дарью за талию, как сделал это когда-то Илья. Пусть видит, неудачник хренов! Не знаю, смотрел он нам вслед или нет, но наша встреча точно не была случайной. Илья скорей всего подкараулил нас у метро.

Не обсудить эту тему дома мы не могли, хотя и я и Дарья сначала упорно обходили ее стороной. Говорили на отвлеченные темы, целовались, пили кофе на кухне. Пока мне на глаза не попался тот самый чугунный утюг. Я начал первым, потому что обходить эту тему уже не мог.

- Не похоже на него, - сказал я.

- Что ты имеешь в виду?

- Он всегда был такой поверхностный. Ему вообще насрать на отношения, говорил что есть вещи и поважней. А тут прямо завелся с полуоборота.

- А мне показалось, что это ты завелся, - улыбнулась Дарья.

- А что, я должен это терпеть?

Даша встала из-за стола и подошла ко мне сзади.

- А кто я для тебя? – шепнула она мне на ухо и крепко обняла за шею, прижалась ко мне, - слушай, перестань. Не думай об этом. Мы же вместе, это главное. Разве нет?

Вместо ответа я встал и еще крепче прижал ее к себе. А ведь она права, это было действительно самым главным для меня. Все было настолько серьезно, что я даже смирился с бес-

порядком в доме. Вот маме я постоянно делал замечания, а Дашке прощаю все кстати, как там мама? Ей пора бы уже вернуться. Нужно будет позвонить на днях, узнать как она

Дарья прервала мои мысли.

- Марина звонила, они с Сашей в Питер хотят поехать на выходных. Приглашала нас, ты как? Может, поедем?

Я кивнул. Почему бы и нет, пора разрубить этот Гордеев узел одним ударом. Завтра же отвезу мое опровержение Горшку. Я даже звонить не буду и если он меня не примет, то просто оставлю у секретаря. И рванем в Питер. Действительно, почему бы и нет. Надо отдохнуть, отвлечься и набраться сил, потому что понедельник скорей всего будет еще тот Да и наплевать! Олег Дмитриевич будет конечно недоволен, но ничего. В конце концов я ему что чем-то обязан? Все что я получил – уже отработал. Питер Питер Странно, выходные на носу, и получается что Саня еще не взял билеты раз не дождался согласия от нас.

- Мне вот интересно как Саня будет билеты доставать? Это же натурально дефицит. На выходные, да еще и прямо перед поездкой

- У него какой-то знакомый в МИДе работает, может позвонить и все уладить. Марина сказала.

- У Сани друг в МИДе? – удивился я.

Даша сделала понимающий взгляд.

- Я о твоих друзьях знаю больше.

Последнее было лишним и вызвало неприятные ассоциации. Я криво улыбнулся.

Избежать встречи не получилось. Как ни старался я прийти пораньше, но когда приехал в редакцию, Олег Дмитриевич был уже на месте. Секретаря еще не было на месте и дверь в кабинет шефа была открыта. Горшок меня сразу заметил и мне ничего не оставалось, как пройти в его кабинет.

- Андрюш, не ждал тебя. Хорошо что сам зашел, мне с тобой переговорить нужно. Садись, садись.

Горшок был как всегда приветлив, ни удивления, ни раздражения я на его лице не заметил. А вот сам я был несколько удивлен и сначала было подумал, что политика снова поменялась и теперь от меня требовались другие действия. В глубине души зародилась надежда, что как раз то самое опровержение которое я принес будет как нельзя кстати. Но я ошибся. Горшок вздохнул, лицо его сделалось сосредоточенным и серьезным.

- Андрей, мне вчера из парткома позвонили. С твоей работы парторг звонил, ты ведь его знаешь?

- Знаю, - ответил я.

Я начал догадываться о теме предстоящей беседы и приготовился выслушать очередную порцию порицания.

- Он мне странные вопросы задавал. Догадываешься, какие вопросы?

- Нет, - ответил я, хотя прекрасно понял какого рода вопросы были заданы Горшку.

- Он про тебя хотел узнать. Вернее его больше интересовало мое мнение, как бывшего бывшего твоего шефа. Спросил, не было ли сигналов по поводу связи с иностранцами, не проявлял ли ты повышенного интереса ну ты понимаешь о чем я? Ты что натворил, Андрюш?

- Ничего.

- Андрей, я с тобой сейчас полюбовно разговариваю только потому что он мне всего лишь позвонил. Не было ни служебного письма, ни официального запроса, понимаешь? Иначе мы бы с тобой не сидели тут как старые знакомые. Рассказывай, что случилось.

Ну вот и все Я хотел появиться здесь с независимым видом, оставить текст с опровержением и гордо удалиться. Не получилось, мало того что Горшок застучал меня на входе, еще и оправдывайся теперь. А может ничего не говорить, не унижаться? Просто сказать что я отказываюсь и отдать мою записку в руки Олегу Дмитриевичу. Сохраняя при этом лицо и тот самый независимый вид. Нет, он меня сразу поставил в положение нашкодившего школьника. В итоге теперь я вынужден оправдываться. Все мои планы рассыпалась на глазах, нужно было как-то выправлять ситуацию. И я все-таки решил идти напролом. Набравшись смелости я выпалил:

- Если вас просили дать характеристику, то мне все равно что вы скажете, Олег Дмитриевич. Если у парторга есть вопросы, я могу ему лично ответить, мне вся эта подковерная возня мало интересна. Будет запрос, не будет официально или приватно, мне все равно!

- Андрюш, ты чего так раздухарился? Я думал ты ко мне пришел по этому поводу поговорить. Может, тебе помощь нужна. Но если тебе все равно, то мне подавно. Он спросил, я ответил

- Я по другому поводу, - сказал я скороговоркой.

Я внезапно понял что лучшего момента не будет, быстро достал из папки отпечатанный вариант и положил на стол перед Олегом Дмитриевичем. Он начал читать и почти сразу перевел взгляд на меня.

- Андрей, это что?

- Опровержение.

Я хотел сказать это достаточно твердо, но голос подвел меня, я дал петуха и закашлялся. Горшок конечно заметил это.

- Да нет, я же тебе сказал вчера

Я не дал Олегу Дмитриевичу договорить и оборвал его:

- Я слышал, Олег Дмитриевич. Я все понял. Но я больше не стану делать то, о чем вы просите.

- Ты с ума сошел? Мы же с тобой вроде договорились, шеф твой в курсе, в следующем месяце переведут тебя на первую категорию, это и денег больше и на поездки ты первый в списке. Даже несмотря на твой залет. Понимаешь меня?

- Я уже был первым в списке, спасибо. Более того, мне сведущие люди сказали, что я вообще никогда и никуда не поеду.

- Что за люди? – Горшок непонимающе нахмурил брови.

- Не важно. Я просто хочу сказать, что не буду писать эту вашу заказуху.

- Андрей, так дела не делаются. Ты мне обещал к тому же попахивает откровенной неблагодарностью. Я же могу и отозвать свою просьбу, будешь там у себя на вторых ролях, тексты чужие править. Ты этого хочешь? Так я могу тебе устроить такую карусель. Давай без этих твоих взбрыков!

Меня давно уже отпустил страх потерять перспективу повышения, возможности заграничных поездок да и потерять работу в конце концов. А сейчас меня внезапно отпустил страх перед Олегом Дмитриевичем. Я почувствовал себя совершенно свободным и независимым. Именно таким, каким полчаса назад я хотел выйти из этого кабинета.

- Мне все равно, - сказал я совершенно спокойным голосом.

Лицо Горшка стало красным, я никогда не видел его в таком состоянии. Казалось еще секунда и его голова разорвется, как помидор под ударом наковальни, разбрызгивая красную мякоть по стенам кабинета.

- Ты меня плохо знаешь, Андрюша. Ты ввязался в серьезную игру, так будь добр делать то, что от тебя требуют! Не просят, а требуют!

- Нет, Олег Дмитриевич.

- Посмотрим. Если я с тобой вожусь как с собственным сыном, ты думаешь я стану терпеть твой этот гонор?

Говоря это Горшок поперхнулся, но все же закончил. Я видел, как ему было тяжело упоминать о сыне.

- Вы жизнь Артема изговняли, теперь за меня решили взяться

- Пошел вон! – прервал меня Олег Дмитриевич и это было как раз то, что я и хотел услышать.

Я пулей вылетел из кабинета. Последние мои слова были сказаны под действием эмоций, но я ни на секунду не пожалел об этом. Во-первых, это положило конец неприятному разговору, а во-вторых, после такого финала Горшок вряд ли возобновит свои просьбы. И меня совершенно не волновал тот факт, что я в его глазах вероятно выгляжу как неблагодарная свинья.

Излишне говорить, что я был горд собой. Гордыня и желание покрасоваться иногда заставляли меня совершать нелепые и порой противоречивые поступки. Так было в ту ночь в подвале, когда мы с Ильей печатали «Закон божий», так было и сейчас. Сработал идиотский принцип – сгорел сарай, гори и хата. Да, такое случалось со мной но нечасто. Большую часть времени я вынужден был терпеть и подстраиваться, бояться и следовать правилам. Но сегодня у меня сорвало башню, как срывает крышку у кипящего чайника, который забыли выключить. Сначала он выплевывает свисток, потом начинает прыгать на чугунной решетке. Если и после этого никто не обращает внимания, тогда он отбрасывает крышку и расплескивает кипяток по всей кухне. Возможно уже завтра я буду жалеть о содеянном. Но это будет завтра.

Ничего и никому я не сказал на работе, придет время дядя Боря и сам все узнает. Узнает и скажет, - *эх недооценили парня*. И все остальные поймут, что я не такая уж свинья. Но будет уже поздно. Скорей всего меня уволят. Причин вполне достаточно. Приставал к иностранцам, не выполняет требования руководства, еще и туберкулезник до кучи последнее не соответствует действительности, но как говорилось в том анекдоте, - *ложка нашлась, но осадок то остался* Или как сказал однажды мой бывший шеф, - *нет фактов, включи фантазию*.

Я вспомнил, какими последними словами награждали дамы из бухгалтерии сына Горшка и представил, что все это сейчас говорится за закрытыми дверьми кабинетов, но уже в мой адрес.

У меня в папке лежал дубликат опровержения, и если вернее, когда Горшок отклонит мою статью с извинениями, я передам второй экземпляр Инге Карловне. Не напечатают, я поеду в театр Современник и лично буду просить прощения у Анны К. Если к тому времени у меня не отберут удостоверение. Тогда буду просто стоять у входа и ждать когда она выйдет после спектакля или репетиции. Вот в таком возбужденном состоянии я доработал до конца дня и сбежал домой сразу после шести вечера.

Ровно в одиннадцать мы с Дашей стояли в центре Ленинградского вокзала и ждали Сашку и Марину. Я подумал, что Дарья была единственным человеком, которому я смог бы рассказать о своих мытарствах и пожалуй единственным, чьей реакции я боялся больше всего.

Перед отъездом на вокзал мы пару часов не вылезали из постели. Я с каким-то животным остервенением наслаждался Дашиным телом, падал в изнеможении, мы лежали и болтали о чем-то, а когда я снова восстанавливал силы, все повторялось. В конце концов я чувствовал себя совершенно изможденным и счастливым. Мы стояли обнявшись и я не хотел отпускать Дашу ни на секунду. Она время от времени поджимала ноги и делала вид что не может стоять без моей помощи и тогда мне приходилось удерживать ее на весу.

- Даш, мне тяжело.

- Привыкай, со мной нелегко будет, - сказала она.

Я ответил, что готов ко всему.

- Ты вот всегда и на все сразу соглашаешься или только со мной? А я ведь могу тебе поверить и что тогда если приручил, значит будешь в ответе.

- Даша, меня с работы могут уволить.

- За что?

- Ну, допустим меня уволят. И я пойду работать скажем - я оглянулся, в поисках поддержки от пространства, - на железную дорогу.

- Кем?

- Не знаю. Шпалы укладывать.

- Ты? И шпалы?

Дашка хихикнула.

- Думаешь, мне слабо?

- Ты хочешь узнать, останусь ли я с тобой? – игриво спросила она.

Я кивнул. А она вдруг начала говорить совершенно серьезно:

- Я останусь. Мне не важно, кем ты работаешь. Мне все равно, поедешь ли ты в свою заграничку, или станешь укладывать шпалы, меня мало волнует сколько ты будешь зарабатывать

- Правда?

- Шучу. Мне хотелось бы чтобы ты зарабатывал много. Очень, очень много, - хищно добавила Даша и снова рассмеялась, показывая свои белые зубки.

Мы встречаемся уже почти три месяца, а я до сих пор не могу понять когда она шутит, а когда нет. Но ведь и я недостаточно откровенен, чего же я хочу взамен? Я решил приоткрыть завесу тайны, так как уже написал опровержение и возможно Даша не будет меня осуждать за слабость.

- Даша, это действительно может случиться. И я должен тебя предупредить. Я вляпался в одну историю в общем, я написал статью там факты подтасованы. На этой статье настаивал партком. Ну и мне обещали кое-что взамен Вернее, не то чтобы что-то конкретное обещали Короче, я поступил подло с одним человеком

Я сбился и выдохнул не зная, как продолжить. Даша смотрела на меня широко раскрыв глаза. Она провела рукой по моей щеке и я почувствовал как меня накрыла невыносимая грусть и сами собой навернулись слезы. Я шмыгнул носом и отвел взгляд.

- Ты знаешь, я ценю конечно. Но это ведь не сегодня произошло? – спросила Даша.

- Нет, не сегодня.

- Андрей, между нами не должно быть никаких тайн, никаких недомолвок, понимаешь? Если тебе нужна помощь, просто скажи. Я всегда тебе помогу.

Мне еще никто и никогда не говорил ничего подобного. Нет, не так Мне много раз говорили нечто подобное. Но я никогда не чувствовал такой искренности в словах. Тем более я хотел, чтобы именно этот человек произнес именно эти слова. И вот, на тебе! Совпало! Я закрыл глаза, отыскал губами ее пухлые губы и мы долго целовались под гимн «Город над вольной Невой».

Глава 10

Три рассказа о правде.

Вагонная романтика накрыла меня сразу, как только я вошел в наше уютное купе. Я был настроен провести выходные в компании любимой девушки и друзей, и отключиться от всех проблем. Неприятные мысли остались на перроне, в февральской слякоти. Здесь, в теплом вагоне им не было места. Купе выглядел вызывающе шикарно.

Девочки наводили марафет внутри, а мы с Саней стояли в проходе, разглядывали пейзаж за окном, остатки талого серого снега, и таких же серых людей на перроне.

- Ты мне никогда не рассказывал про своего кореша из МИДа, - сказал я с деланой обидой в голосе.

- Ты о чем?

Я кивнул на дверь в купе.

- Он мне никакой не кореш, просто знакомый. Но вообще такие бытовые вопросы по звонку может решить. На «стрелу» всегда есть бронь, просто многие об этом не знают.

Как вскоре выяснилось, спать никто из нас четверых не собирался всю ночь. В этом нам должны были посодействовать предусмотрительно прихваченные Сашей бутылка сухого вина и пол литра коньяка. Первые пару часов мы пили, говорили о всякой ерунде и меня действительно отпустили проблемы последних дней. Но часам к двум ночи, когда в вагоне стало совсем тихо и мы вынуждены были разговаривать вполголоса, чтобы не тревожить соседей, мысли мои вернулись снова. Я стал терять нить разговора, невпопад отвечал на вопросы или вовсе отключался, думая о своем. Странно, но мои собственные проблемы на работе волновали меня меньше, нежели то, что я по слабоволию или из страха пошел на поводу у Горшка. Мне было неприятно и даже стыдно, что я сейчас еду в Ленинград, пью коньяк, общаюсь с друзьями, в то самое время когда несправедливо оклеветанный мной человек быть может испытывает определенные трудности А возможно и теряет все. В этот момент Саша полушепотом спорил с Мариной по поводу какой-то ерунды и я услышал лишь обрывок его фразы.

- Вот скажи совесть у тебя есть?

- Кстати, насчет совести - перебил я Сашку.

- Что?

Мне вдруг захотелось узнать, какие скелеты спрятаны в шкафах у моих друзей. Может мне не стоит быть таким строгим по отношению к себе? Возможно это успокоит меня, мол не я один такой. Да и время за разговором пролетит быстрее. Я решил вызвать их на откровенность и предложил:

- Давайте поиграем. Ведь каждому из нас было однажды стыдно по разным причинам. Не важно, мелочь это или что-то серьезное. Но если человек способен испытывать угрызения совести, если он раскаивается значит ли это что он заслуживает прощения? Ну, или даже просто понимания.

- Конечно, - отозвалась Даша. – Если человеку в глубине души неприятно за то, что он совершил, значит у него точно есть совесть. И его можно простить. Он и так испытывает не знаю как сказать - разочарование собой.

- Даш, подожди, он какую-то игру предложил, - сказала Марина.

- Да Андрон что за игра? – поддержал Саша.

- Ну, это не игра скорее откровенный разговор. Каждый сейчас просто расскажет свою историю, любую когда вам было стыдно или вы считаете, что вам должно было быть стыдно за что-то. И дайте оценку допустим, я совершил то-то и то-то и вроде как по общественным меркам я повел себя как подонок и чмо, но мне не стыдно. Или наоборот

- Брат, я не понял должно было или реально было стыдно

- Да это же понятно, - сказала Даша, - он имеет в виду что не всегда человек испытывает это чувство, например если совершил что-то из мести или по каким-то другим причинам из страха, из ненависти ну, не знаю и ему не стыдно, он считает что поступил правильно.

- Это другое, - сказал Саша, - из ненависти можно убить, например. На войне люди убивали друг друга, они что должны каждый раз спрашивать свою совесть и получать разрешение на убийство?

- Конечно должны. Не ты дал эту жизнь, не ты вправе ее и забирать, - ответила Дарья.

- Ну и что это будет за война тогда?

- Я вообще против всякой войны, - ответила Дарья.

На минуту воцарилось молчание, которое я списывал на то, что мои собеседники рылись в памяти и решали, какую историю можно придать огласке, а о чем лучше промолчать.

- Ладно, кто первый? – спросила Марина.

- Ну давайте я, раз уж это моя идея.

- Вот это правильно, брат. Инициатива наказуема, - рассмеялся Саня.

Я собрался с мыслями, подумал с чего лучше начать, что опустить, чтобы не грузить моих слушателей ненужными деталями, но при этом передать суть.

- Я про детство расскажу. Вообще, это уже не детство, мне тогда семнадцать было. После школы через ДОСААФ я попал в Тулу, там лагерь был военно-спортивный. Строевая, с вышки прыгали с парашютом, даже пару раз нас на стрельбы возили.

- Я про этот лагерь все твои истории знаю, - отмахнулся Саня и разлил вино по стаканам.

- Эту ты точно не слышал.

- Да пусть уже расскажет, не мешай ему, - Марина толкнула Сашку в бок, так что тот чуть не расплескал вино.

- Я третье лето туда ездил, так что почти все мы были знакомы не суть. Тот год был последним, как раз я десятый класс закончил.

- Да не тяни ты резину, Андрон. Мы поняли уже, - прогундосил Саня.

- Я просто хочу чтобы вы поняли, мне кажется что детали важны. Если не хотите, можем закрыть эту тему.

- Нет, мы хотим, хотим продолжай, - сказала Марина и снова пихнула Сашку в бок.

- В тот год к нам в казарму определили пацана одного, он был такой странный. Рубашка такая широкая, джинсы клеш, на них еще была вышивка, я даже помню цветы розовые и узор. И еще длинные волосы и такие нитки на руках с бусами, типа браслетов или что-то в этом роде. Все его называли хиппи.

- Может, он голубой был? – спросил Сашка.

- Не знаю не думаю Просто он был не такой как все мы и вел себя странно. Ни с кем особо не общался, мол мы ему не ровня. Хотя мы тоже слушали тогда и Битлов и Дорз много всякой музыки и естественно говорили об этом постоянно. И курили тайком понятное дело. Но этот чувак, он был еще и отбитый какой-то

- Это как? – спросила Марина.

- Да вот так. Он мог забить и на зарядку вообще не пойти или спрятаться и не поехать на стрельбы. Говорил, мол я пацифист и в гробу видел эту вашу строевую подготовку и тем более оружие.

- Как он вообще туда попал? – спросила Марина.

- Говорили, что он предков достал и они его в военный лагерь отправили, на перевоспитание. Но правда это или нет, я не знаю.

- Правильно сделали, - резюмировал Саня, - с такими только так и надо. А то потом сядет на голову такое вот чмо

- Да хватит уже, - перебила его Марина, - давай дальше рассказывай.

- Ну так вот, - продолжил я, - он значит не ходит никуда, загорает на крыше когда мы на плацу маршируем или в каптерке спит. Пацанов начало это бесить и мы решили после отбоя устроить ему экзекуцию. Разбудили посреди ночи, связали кляп в рот и в туалет отволокли, посадили на стул и привязали. Ну, побили немного

- Ты тоже? – спросила меня Даша.

- Ну, я особо не бил, но участвовал во всем этом. Он сидит на стуле, морда у него разбита мы все вокруг стоим Нас человек двенадцать, уже и сами не понимаем, нахрена его в сортир притащили плана не было. Хотели наказать и проучить, а как до конца не понимали. Ну и давай ему каждый претензии в лицо выписывать какого хера ты не ходишь на зарядку, на плац типа тебе больше всех надо и все в таком духе. Ну и тут кто-то предложил его подстричь Принесли ножницы, стали волосы резать. Он мычит, плачет, башкой крутит

- Ты тоже его стриг? - спросила Марина.

- Да. Я не хотел сначала, но мне кто-то сунул в руку ножницы, давай мол или ты не участвуешь? Или тебе не запахло, когда вот это вот чмо загорает, в то время как ты плац шлифуешь ну и я отрезал у него несколько прядей. И знаете, когда я его стриг, даже в раж вошел мне захотелось побольше оттяпать. И я предложил его наголо побрить. Притащили станок, намылили ему голову и начали брить. Станок тупой, всю голову ему изрезали он уже и не плакал, смотрел на нас как затравленный зверь. Мне кажется в тот момент он нас всех люто возненавидел И тут я с ним встретился взглядом и мне стало так херово, что захотелось свалить из сортира. Но я стоял и не мог с места сойти. Пацаны притащили его клеш расшитый, разорвали, бросили на пол и кто-то начал на них помочиться. Начали ссать на его порванные штаны, а потом и на него.

- Ты тоже ссал? – спросил Саня.

- Нет Я уже пожалел, что вообще подписался на это дерьмо, но и уйти уже не мог иначе меня бы связали и рядом на стул посадили. Я струсил, проще говоря.

- А что дальше? – подала голос Даша.

- Я весь месяц пока был в лагере чувствовал себя так, как будто это меня обрили и обоссали. Парень этот ходил потом и на строевую и на стрельбы. Но ни с кем вообще не разговаривал Вообще ни разу. Я как-то подошел к нему, хотел сказать что-нибудь по-дружески, но он на меня так посмотрел, что я передумал в общем, мне до сих пор стыдно и неприятно про это вспоминать. Часто потом представлял себе, как будто я тогда за него впрягся, что нас побили обоих, что я не сдрейфил, не дал его в обиду. Вот таким героем я себя видел. Вернее, хотел видеть. Но ведь на самом деле все было не так. Мы просто были стадом, и от парня этого требовали того же. Побили, побрили, унижали но он так не стал одним из нас, хотя и топал по плацу.

Поезд плавно катил нас сквозь ночь. В купе было тихо, только позвякивали подстаканники на столике.

- М-да, Андрон - протянул Саня, - ну, история твоя вполне обыденная. С кем не бывало? В армии тоже много подобного происходило.

- Ну так расскажи, - попросила Марина.

- Я?

- Ну не я же, - язвительно прошипела Марина.

- Давайте я расскажу, - внезапно предложила Дарья.

- Валяй, - обрадованно произнес Саня.

Даша ни секунды не раздумывая начала свой рассказ:

- Я тогда на втором курсе училась, у нас ячейка комсомольская была большая, на курсе сто пятьдесят а первичка тридцать человек примерно была или тридцать пять.

- Это будет про комсомольскую стройку? – спросил Саша.

- Нет, это про деньги.

- Слава богу

- Комсоргом был Витя Пронин, он на меня виды имел но мне этот Витя вообще не нравился, ходил вечно в костюмчике, весь такой правильный

- Ты поэтому Андрона и подцепила? Он у нас ходит как заблудившийся полярник.

- Что это он полярник вполне себе respectable, - Даша обняла меня и погладила по голове, - ну да, он может не носит костюмов

- Джинсу с розочками тоже! – заржал Саня.

Все рассмеялись и я сказал:

- Да, костюма у меня нет.

- Ну так вот, - продолжила Дарья, - значит это Пронин обхаживал меня, просто проходу не давал. Из института постоянно провожал, хотя он не в нашем районе жил. Особенно когда выезжали на сборку урожая

- Ты его не могла отшить что ли? – спросил Саня.

- Могла, но в общем на картошке Витя этот для меня всегда работу полегче находил, на кухне или в общаге где мы жили. Я понятно пользовалась. Поэтому не отшивала, но держалась всегда на расстоянии.

- Ты оказывается коварная, - резюмировал Саня.

- Не коварная а прагматичная, - поправила Марина.

- Я думал, медиков на картошку не отправляют.

Даша оставила без внимания замечание Саши и продолжила:

- Как-то мы выпивали после сбора картошки и Витя этот решил почему то что я пьяная и буквально полез мне под юбку. Начал про чувства говорить, ну и мне пришлось с ним объяснить извини мол Витя, но я сейчас об этом не думаю, мне учеба важнее ну и так далее

- Могла бы сказать, что у тебя парень есть, - сказал Саша.

- Надо было, но мне почему-то стало его жалко, тем более он меня провожал часто и мог понять, что никого у меня тогда не было. Ну, в общем решила его не травмировать. А когда мы вернулись, то он в деканат настучал, что я нарушала режим, пила, отказывалась выходить на работу и вообще вела себя как дрянь последняя. Мне выговор в личное дело и лишение стипендии на семестр, представляете?

- Ну и сволочь!

- Марин, мне так обидно стало, я ревела даже Я его спросила, у тебя совесть есть, Витя? А он говорит, ну ты же бухала и не отказывалась от теплого места, когда тебя в поле не посылали представляете каков кадр? А я его еще пожалела тогда, не хотела психику ему ломать

- А в чем криминал? – спросил Саша.

- Да, когда про деньги будет? – поддержал я, - ты же сказала что там про деньги

- Так это еще не конец. Недели через две мне надо было в деканат занести списки и я захожу значит вижу что у Пронина на столе у него там свой стол был так вот, на столе стоит коробочка красная с комсомольскими взносами и ведомость. Он всегда с этой коробочкой нас обходил и деньги собирал. Ну, думаю, из-за тебя меня стипендии лишили, я тебе устрою сейчас. Ну и ссыпала всю мелочь себе в карман.

- Да ты воровка!

- Дурак ты Саня, я же справедливость восстанавливала. Я потом на эти деньги купила торт. Киевский.

- И что?

- И ела его одна. В подъезде. Ела и плакала.

- А чего плакала?

- Ну, вот как ты Саша верно сказал - подумала что я самая что ни на есть воровка. Мне так обидно стало, жалко себя а главное стыдно, что я пошла на воровство. Да, там денег было всего рублей пять или шесть но сам факт.

- Торт хоть доела? – спросила Марина.

- Не смогла, только крем подъела с него он вкусный. И орешки немного. Остальное оставила прямо в подъезде на окне. Ну чего вы ржёте?

- Что-то не тянет твоя история на искупление греха, - сказал Саня.

- Почему это?

- Мелковато шесть рублей всего. Вот если бы Пронина твоего исключили из комсомола за расхищение кассы – другое дело. А так получается что ты и есть жертва - не Пронин.

- Ну правильно, я же мучилась!

- Когда торт на ворованные бабки покупала? - Саня снова прыснул со смеху.

- Ты не понимаешь, я пострадала дважды даже трижды, - Дарья еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться, - сначала меня обвинили и лишили стипендии, хотя моей вины не было. А потом я украла деньги это я тоже считаю наказанием для себя. И после всего мне еще и стыдно было. Значит я достойна прощения, или как?

Даша раскраснелась, ее красивые глаза стали влажными, я правда не понял, по причине смеха или стыда, но мне вдруг захотелось прижать ее к себе и утешить.

- Ты достойна прощения, - сказал я.

Саня снова наполнил стаканы.

- Хорошо, кто следующий? – спросила Марина.

Сашка не чокаясь залпом выпил и сказал:

- Ну давайте я.

Он поставил пустой стакан на столик и начал свою историю.

- Я служил в Сумской области, в ракетной части, Андрюха знает.

Я кивнул, как будто подтверждая что история которую мы сейчас услышим никакой не вымысел, а вполне реальная и правдивая. Хотя служили мы с Саней в разных воинских частях и даже в разных частях СССР.

- Я несколько раз в неделю дежурил на нашем штабном коммутаторе, знаете такой аппарат типа мини АТС вручную соединяешь абонентов

- Мы знаем, можешь не объяснять, - сказал я.

- Да. В кино видела, - подтвердила Марина.

- Вот Дежурю однажды, воскресенье было как сейчас помню. И тут звонок с города, из военного городка вернее. Я штекер в гнездо воткнул, говорю - младший сержант такой-то Это Таня звонила, жена одного прапорщика, он в соседней казарме зам командира роты был. Я его плохо знал, зато с Таней был знаком очень даже хорошо. Она у нас в части работала на телефонной станции, регламентные работы иногда проводила ну и так по мелочи что-то там обслуживала. Ну и так получилось, что мы с ней немного сблизились, когда я ей помогал и ну, в общем у нас случился роман.

- О, тебя значит тоже обсуживала, товарищ сержант - в голосе Марины мелькнули нотки ревности.

- Марин, во-первых это давно было, а во-вторых я извините, без женщины два года не могу

- Ты тоже? – Дарья испытующе посмотрела на меня.

- Я могу, малыш. Я годами могу, как выяснилось. Это Саня такой темпераментный и влюбчивый. У меня с этим сложно

Я уже слышал неоднократно и в разных интерпретациях эту жуткую и одновременно поучительную историю от Сашки, и она действительно стоила того чтобы еще раз ее послушать.

- В общем, я ей как-то сказал, что когда увольняться буду заберу ее в Москву. Бросай, говорю своего прапорщика и поехали со мной. Она вроде не поверила мне, мы посмеялись ну мало ли чего не наговоришь

- В пылу страсти, - закончила Марина.

- Да не было там никакой страсти, просто болтанул лишнего, с кем не бывает. Попка у нее была такая кругленькая.

- Ах ты свинья! – Марина двинула Саню локтем.

- На чем я остановился то?

- На коммутаторе, - подсказала Даша.

- Да, точно. Таня говорит, - «соедини меня с мужем». Я соединяю, даю вызов и ждем. Дежурный ответил, позвали прапора Пока он шел, мы там перекинулись парой фраз, так ни о чем. А когда он трубку снял, то она ему прямо в лоб, - «я мол ухожу от тебя» Я сразу трубку повесил, даже не стал слушать о чем они там говорили

Марина мгновенно оживилась и с деланным интересом произнесла:

- Саш, ты чего? Тебе не интересно было что ли уж я бы точно подслушала.

- Я тогда тоже подумал, что зря отключился. Но потом уже поздно было, в трубке слышно стопудово, что на коммутаторе кто-то врубился в соединение. Но разговаривали они долго, целый час наверное. Я сидел как на иголках, думал - мне жопа если она про нас растреплет, этот прапор меня сгноит нахрен, мне еще месяцев пять оставалось до дембеля мог запросто попридержать увольнение и я бы вообще после Нового Года домой попал.

Саня замолчал и задумался. Я единственный кто знал, чем в итоге все закончится и понимал, что Саня просто думает над тем, рассказывать ли дальше свою историю.

- Саша, это не только твоя вина была, - сказала Дарья, – ты же ее не принуждал в конце концов

- Даш, это еще не финита Я когда сменился, не знал куда бежать. Обычно мы спим после суток дежурства, но мне не до сна. Да и стремно было, не хотелось чтобы он меня из койки в исподнем вытащил. В общем, я все-таки пришел в казарму и лег прямо в хэ-бэ и сапогах.

- В чем? – спросила Даша.

- В хэ-бэ в форме. В общем надеялся на то, что он сразу не побежит на разборки, прапору наверняка время нужно, чтобы в голове все сложить.

- С чего ты так решил? Вот я например, сразу бы пошла разбираться, - сказала Марина и зевнула. В ее голосе чувствовалась усталость.

Я посмотрел на часы, было уже без четверти пять.

- Не знаю, я по себе судил. И вообще мужики в подобной ситуации себя несколько иначе ведут скорей на трезвую голову мстить станут. По крайней мере я так бы сделал. Короче, уснуть я не смог. Слез с койки, сел возле окна и смотрел, если он все-таки пойдет меня искать, чтоб было время слинять. На следующий день я сам стал его выслеживать, хотел понять, разболтала Танька про меня или нет. Пару раз я его видел недалеко от нашей казармы, он конечно выглядел не очень как побитая собака мне его пипец как жалко было. Но он в мою сторону даже не глянул.

Саша снова замолчал. Марина засыпала а мы с Дашей не стали его торопить с рассказом. Я ставил себя то на место обманутого прапора, то примерял на себя Санину шкуру. Даша скорей всего думала, как поступила бы она, окажись на месте этой самой Татьяны. Ведь совсем недавно она пережила нечто подобное.

- Через неделю примерно я успокоился, так как сталкивался с ним пару раз нос к носу и ничего - никакой реакции, как будто нет меня. Я с Татьяной эти дни не разговаривал из осторожности, но уже стало понятно, что про меня прапор этот не знает. Возможно, Таня сочинила какую-нибудь историю не связанную с изменой, или придумала мифического любовника я не знаю, и не интересовался, в общем. Ни тогда ни потом. Вот. Месяц примерно прошел или около того. Днем как то, после обеда уже иду мимо соседней казармы, и вдруг слышу Бах! Бах! Два или три выстрела. Я подумал, что ослышался а потом из курилки смотрю в казарму медики побежали, потом подъехал транспорт какой-то и пацаны выносят наружу сначала одни носилки, потом вторые

Саша снова замолчал. История из тривиальной измены внезапно переросла в трагедию. Мне было интересно, как к этому отнесется Даша. И если она дослушав его историю сможет понять и простить поступок Сани, вероятно и у меня будет шанс быть понятым, когда Дарья узнает о моей подлости? Но я тут же отбросил эту мысль Саша ничего подлого не делал, он просто переспал с чужой женой, да он и сам говорит, что это было чисто эмоционально, без умысла.

- Я в тот день вообще не понял ничего, башка была как в тумане. Думал сначала, что он Таньку замочил и сам Но потом Таня тоже прибежала и вместе они все уехали увезли их. Потом уже ребята кто там был рассказали как все произошло. В общем прапорщик этот попросил дежурного по роте открыть оружейку. Типа, что-то там проверить нужно. Парень, сержант срочник открывает а сам стоит в дверях ждет. Прапор берет с пирамиды автомат, боекомплект, рожок заряжает и потом упирает приклад в стену, стволом к себе в грудь и нажимает на спуск.

- Ой, господи

- Да три пули вышло, его со второй насмерть или сразу я не знаю точно и еще парня срочника зацепило, того который дежурил. Но его не сильно задело, только ногу выше колена. Комиссовали его сразу после госпиталя, так что ему повезло считай

- Ужас какой а что с Таней? – спросила Даша.

- Да ничего. Она из части уволилась месяца через полтора. Уехала к маме куда-то там я не знаю. Понятное дело, наш с ней роман сам собой закончился. И слава богу Только не спрашивайте, переживал я или нет. Я и сам не знаю, первое время мне казалось что все на меня смотрят и знают, что вся эта хрень из-за меня. Я просто боялся что правда откроется и и что? Последствий то я как раз и не боялся. Что они могли мне сделать? Назначить пару нарядов вне очереди? Или на ГУБу отправить? Вот с Таней не было желания встречаться, тяжесть была какая-то Она при встречах тоже мне в глаза не смотрела. Мы были как чужие, старались по возможности не разговаривать. Эх Таня, Танечка Мы просто работали какое-то время на телефонном узле, пока она не уволилась. Чувствовал ли я вину? Да хрен знает! Трахались бы потихоньку и все, делов-то Я что ли тему эту на свет божий вытащил? Нет я никакой вины тогда не чувствовал и сейчас не чувствую. Оба виноваты, если уж на то пошло да и от нормальных мужей бабы не гуляют, наверное так. Даш, ты правильно сказала, это не только моя вина.

- Ты тогда еще не рассказал, как все закончилось, - сказала Дарья.

- Ну хорошо ты теперь узнала и что? Я должен себя покарать за это? Мне может тоже нужно в петлю залезть?

- Я этого не говорила

- Даша, если мне жена изменит, я тебя уверяю - стреляться точно не буду. И переживать особо тоже. Как говорить, если жена ушла к другому, еще неизвестно кому повезло. Так что если человек слаб в коленках, значит это его личная проблема, не моя Люди не только из-за измены руки на себя накладывают вообще из-за херни всякой. Допустим, парни в школе издеваются над кем то, а он потом с пятого этажа сигает, типа нервная система не вынесла издевательств Так что теперь, всех за это сажать?

- Ну ты скажешь тоже, Саш - возмутилась Даша, - их что по головке за это гладить? Андрей как раз об этом и рассказывал.

- Да я же просто пример привел! Я понимаю, издеваться плохо, но у всякого свой порог. Кому-то жена изменит, а ему пофиг, а другому в очереди за колбасой нахамили, а он взял и повесился с горя.

- То есть, ты переспал с чужой женой, ее муж застрелился, Таня твою работу бросила и уехала, а ты вины за собой не чувствуешь? – спросила Даша.

- Даша, вот хоть убей меня не чувствую. И вообще, ты на меня накинулась, а Андрюху своего ты не осуждаешь, когда он хиппи этого обоссал

- Я на него не ссал, - возразил я.

- Неважно. Они толпой на одного накинулись, это нормально по-твоему?

- Так он же сказал, что переживает, - парировала Дарья.

- Ну а я нет, - отрезал Саня.

- Тогда зачем ты это рассказал? Мы же договорились.

- О чем? – спросил Саня и я понял, что он просто дразнит и Дашу и меня заодно.

Я молчал, просто наблюдал за Дарьей и за Саней. Слава богу, ни моя девушка ни мой друг мнением моим не интересовались. Марина давно уже уснула и кажется даже не слышала конец страшной Сашкиной истории.

- Я рассказал, потому что это была довольно сложная ситуация, и такое ведь не у каждого в жизни происходит, правда? К тому же как я уже говорил, мне было как-то не по себе после этого. Может, это и называется страданиями или как еще искуплением но я бы не сказал, что испытывал какую-то боль или что-то в этом роде. Может, я толстокожий В общем это моя история, и другой не будет. Давайте уже следующий пусть выступает Марина, эй Маринка.

- Да она уже спит давно, - сказал я.

- Это не очень честно с ее стороны, - попытался пошутить Саша, но его юмор никто не оценил.

Мы целыми днями гуляли по городу на Неве, болтали, пили чай в кондитерской «Север» на Невском. Ночевали мы в квартире у Сашкиного друга в самом центре Ленинграда, в доме по форме напоминающем высохший колодец торчащий из земли. Квартира была большая, света в некоторых комнатах не было даже днем, но это создавало неповторимый загадочный колорит.

- Саня, а кто твой друг такую хату отхватил, - восхищенно поинтересовался я, прогулявшись по бесчисленным комнатам и кладовкам.

- Он у них тут шишка ментовская. Мы с ним по работе сталкивались, он пару раз в Москву приезжал, у меня останавливался Любит бухнуть. Так и сдружились. Он нормальный чувак, так сразу и не скажешь что мент.

- Ну да, ну да один кореш билеты на «Стрелу» моментом делает, у второго хата под двести метров в центре Ленинграда хорошие знакомые у тебя.

Саня махнул рукой и побрел на кухню, искать турку для кофе.

Последние пару лет Сашка стал для меня, да и для всех наших знакомых настоящей загадкой. Образования хорошего он не получил, но отлично рисовал. Сестра устроила его сначала в «Воениздат», где он проработал пару лет картографом, а потом уволился и устроился неподалеку, тоже в районе метро Полежаевская, как он говорил ретушером. Люди сведущие знали, что неподалеку от «Воениздата» была неприметная с виду, но довольно большая по площади и огороженная высоким забором контора, которая называлась ГУР. Видимо там и осел Сашка, там и обзавелся впоследствии влиятельными друзьями.

Санин приятель Арсений был человеком общительным и довольно щедрым. Он сразу же открыл нам свободный доступ к своему домашнему бару в котором мы с нескрываемым восторгом обнаружили да чего мы там только не обнаружили несколько сортов виски, коньяк, водка Смирнов и еще пара ликеров с труднопроизносимыми названиями.

Конечно же я не удержался чтобы не задать Арсению свой коронный вопрос.

- Много тут иностранцев у вас?

- В хате? – отшутился Арсений и испуганно огляделся по сторонам.

Саша, к тому моменту уже хорошо принявший на грудь к моему удивлению решил поддержать шутку:

- Сеня, это у него такая больная тема он у всех спрашивает либо про границу либо про иностранцев, пунктик такой.

А ведь раньше Сашка умел держать язык за зубами, - подумал я, но виду не подал.

- Вы с какой целью интересуетесь, гражданин? – сурово спросил Арсений и сделал серьезное лицо.

Мы рассмеялись и я сказал, что по работе интересуюсь. Много мол статей пишу, а реально даже не общался ни разу. Тяжело выдавать достоверную информацию, когда ничего о теме не знаешь. Арсений понимающе кивнул.

- Они только по «коридору» ходят под присмотром, в наши районы почти не попадают. Так что можно не бояться, гидра империализма в эту квартиру не пройдет.

- По коридору? – спросил я.

- Интурист, Европа, Русский музей, ну и Эрмитаж конечно. Шаг влево, шаг вправо Коридор, в общем.

- Понятно. А в Нарве? – не отставал я.

- В Нарве погранзона, там еще жестче чем в Ленинграде. Вот в Выборге более-менее не так строго как у нас. Ну да ладно, чего мы все о грустном давайте, за знакомство!

Мы пили за знакомство, стоя пили за дам, потом за Москву, потом пили за Город на Неве, потом пили еще за что-то потом, когда пить еще было за что, но никто уже не мог, мы пошли спать.

Я быстро разделся и смотрел как Даша снимает одежду и забирается ко мне под одеяло. В свете луны ее красивое тело отливало волшебным серебряным светом. Она легла рядом, я развернул ее на спину и прикоснулся губами к ее мягкому соску, ощущая как под моим языком он становится твердым. Секс на Неве был совсем не похож на московский, а может мы были просто слишком пьяны. Часа в два ночи нас снова потянуло на разговоры. Не помню точно о чем мы говорили, пока Даша не задала вопрос, который прозвучал как бы не впопад, но я догадался о чем она хотела меня спросить, хотя сначала сделал вид, что не совсем понимаю.

- Тебе правда так интересно?

- Ты о чем?

- Я про иностранцев.

Я посмотрел в ее глаза и внезапно решил всё рассказать абсолютно все. Как с детства и по сей день меня преследует эта проклятая паранойя.

- Ты действительно хочешь знать? – спросил я.

- Конечно, я все хочу знать о тебе.

- Это будет трудно, Дашка. Пожалуй, подумаешь еще, что я того

- Абсолютно нормальных людей нет, так что не бойся. Рассказывай.

- А что мне с этого? – спросил я и провел рукой по ее животику.

- Я поласкаю тебя ртом, - ответила Даша.

Мы проговорили почти всю ночь и я раскрыл ей все причины моего нездорового интереса. Я сомневался лишь секунду, после чего решил рассказать даже историю о своей встрече со слепым. Даша была единственным человеком, которого я посвятил в детали того странного вечера в Петровском парке.

- А знаешь милый, ты в чем-то прав, - задумчиво сказала Даша.

- Думаешь?

- Ну да. Мы вот сегодня гуляли по Невскому, я не скажу что прям видела там уйму иностранцев может я просто не обращала внимания. Но я тоже никогда с ними не общалась.

- Ну вот, видишь!

- Честно, я даже не знаю что тебе сказать, милый. Не думай об этом, думай лучше обо мне.

- Я постоянно думаю о тебе, малыш, - ответил я.

Глава 11

Обратная тяга.

В понедельник я был на работе, где меня ждало сразу несколько неприятных сюрпризов. В отношении меня было возбуждено административное правонарушение из-за моих приключений в Шереметьево и еще по каким-то двум малозначительным эпизодам. В середине недели состоится заседание бюро, где и будет рассматриваться мое «дело». А сегодня в парткоме мне сообщили - имеется три факта правонарушений и в итоге всё это складывается в одну расплывчатую формулировку - *потеря политической бдительности*. Вторым сюрпризом был отказ Горшка в публикации моей статьи. Впрочем, это было ожидаемо, поэтому я сразу после взбучки в парткоме направился в кабинет Кислицина и оставил дубликат опровержения у Инги Карловны. Она буркнула что-то типа, - *я посмотрю* - и выпроводила меня взглядом из приемной.

В конце дня Кислицин вызвал меня и попросил дать разъяснения.

- Это что? – он кивнул на листок бумаги у себя на столе.

- Опровержение.

- Вы где печатали вашу первую статью? Я имею в виду, ту что собираетесь опровергать. Здесь разве?

- В старой редакции, в отделе Культура, - ответил я.

- Ну и?

Я пожал плечами, хотя и понимал прекрасно куда клонит мой шеф.

- Нам она каким боком? – Кислицин откинулся на спинку стула и сунул руки в карманы брюк.

- Я думал, что так делают иногда. Можно ведь, разве нет?

- Послушайте, мне еще этих неприятностей не хватало. Вы Андрей Павлович в последнее время стремительно идете ко дну, мало того - хотите всю нашу редакцию туда же затянуть? Вы эту кашу заварили у себя там - Кислицын махнул в сторону приоткрытого окна в которое врвался прохладный весенний ветерок, - вот там и расхлебывайте!

Я забрал листок со стола и демонстративно порвал его не мелкие кусочки. Секунду подумал, как лучше – положить их в пепельницу на столе шефа или рассыпать их по полу. В итоге я просто сунул их себе в карман и вышел.

Я вернулся к себе в кабинет, где меня ожидал раздражитель в лице Евгения, облаченного в ядовито синий костюм и такого же цвета галстук. Он как обычно строчил на печатной машинке, при этом что-то напевал, а в паузах тарабанил пальцами по столу. Меня бесило его постоянное прекрасное настроение, выводила из себя трудоспособность, с которой он самозабвенно печатал тексты статей неважно даже, насколько они были бездарны а главное – бессмысленны. В последнем с недавних пор я несколько не сомневался. Проработав в этой сфере несколько лет я уже понял, что в мире нет ничего более ненужного, чем функции которые я добросовестно исполнял по месту работы.

- Интересная тема у тебя? – поинтересовался я, с трудом скрывая злорадство.

- Да, как всегда. Израильтяне снова бомбят Бейрут. Те эвакуируют своих в Тунис и Сирию. В общем, там сейчас жарко.

Евгений курировал Ближний Восток. И хотя лишь минуту назад я считал, что все мы здесь занимаемся переливанием из пустого в порожнее, меня кольнуло неприятное чувство зависти, граничащее с ревностью. Тем временем мой коллега продолжил бомбить мою психику фактами:

- Ясир Арафат уже покинул Бейрут. Сейчас нам очень важно показать антиамериканскую риторику, резкая критика Израиля и так далее Ливан просто как центр мира, понимаешь? Центр мировой политики! Интересно, аж до жути. Мы как будто на переднем рубеже, да чего там - практически в окопах.

- Да ты что?!

Евгений не уловил моего сарказма. Он был действительно заражен происходящим в Бейруте. Его обуяла этакая ближневосточная энцефалопатия, словно его покусал клещ, зараженный политическим вирусом. В его голосе звучало все больше неподдельного восторга:

- Я тебе говорю! Такое ощущение, как будто у меня не карандаш в руках, а автомат. Ух! Аж руки чешутся.

Сказав это Евгений почесал запястья. *Не иначе тот самый политический клещ*, - подумал я, а вслух произнес:

- Слушай, а ты попроси начальство, может тебя отправят поближе к очагу конфликта. Интересно же, может и правда дадут тебе гранатомет или в танк посадят будешь с натуры все писать и отстреливаться попутно.

Женя и здесь не уловил издевки. Видимо мысль ему понравилась и он с улыбкой на лице посмотрел в окно. Минуту спустя Евгений вернулся на землю.

- Да вряд ли меня отпустят. Да и страшновато, если честно. Вот в Европу я бы съездил, там не так кипешово.

- Но все-таки страшновато, согласишься?

- Да, там тоже надо быть начеку. Мало ли что может произойти где-нибудь в Лондоне.

- А что может произойти? – спросил я.

- Да все что угодно! Там преступность на каждом шагу, брат. Скинхеда можешь в центре города увидеть, этого добра у них навалом. Нищета да мало ли чего еще.

- Про скинхедов откуда информация? Рассказал может кто? Или лично видел?

- Нет, не видел. Ты же знаешь, я там не бывал. Читал в газете, по телеку Чего ты прицепился ко мне с этими скинхедами? Как будто сам не знаешь.

- Да я не цеплялся, с чего ты взял? Думал просто, что ты меня просветишь как очевидец - из первых уст, так сказать. По телеку я и сам могу посмотреть.

- Ладно, ты меня не отвлекай, мне работу сдать к вечеру надо, а у меня конь не валялся. Потом потремим.

Выплеснув порцию желчи и сарказма я оставил Евгения в покое и углубился в свои рутинные переводы и правки.

Аккурат после 23 февраля, скорей всего чтобы не омрачать праздника, меня вызвали «на беседу» в партком. На то самое пресловутое заседание бюро о котором меня предупредили. С самого утра я прикидывал, по какому именно поводу кроме истории в аэропорту меня будут «разбирать». Я хотел подготовиться к чему-то конкретному, но оказалось, что бдительная ячейка давно питает ко мне пристальный интерес и я у них не на очень хорошем счету. Меня опрашивали сразу о трех эпизодах, которые в отдельности не тянули на что-то серьезное, но в совокупности составляли дурно пахнущий букет.

Сначала бюро обсуждало мою неудачную попытку познакомиться с иностранцами в Шереметьево. Мне задавали практически те же самые вопросы, на которые я уже однажды отвечал в комнате без окон. Как и тогда, вопросы повторялись, менялась только форма. В тот злосчастный день делалось это в надежде что я скажу что-то лишнее или буду путаться, сейчас я и сам не знаю, к чему была применена подобная тактика. Допрос проводился не так профессионально как в аэропорту, зато с явным давлением, так чтобы я хорошо прочувствовал длань

партии на своей глотке. «Второй сигнал» - нарушение режима в Останкино. Та самая бумажка, которую я подписал в телецентре волею судеб так же оказалась в руках у нашего парторга. По обоим эпизодам я выслушал строгие предупреждения избыточные общими местами и страшными наказаниями в случае повторения подобных действий. При этом прозвучала фраза «и это уже не первый случай», которая ничего хорошего не предвещала и сулила суровые наказания. В итоге я оказался отчасти прав, так как наказания не заставили себя ждать. После быстрого голосования, не обремененного подсчетом голосов по причине единогласного мнения собрания, было постановлено и решено:

1. Вынести мне строгий выговор с занесением в личное дело.

2. В случае рецидива рекомендовать принять кадровые меры.

Пара этих пунктов означали, что на моей карьере журналиста поставлен жирный крест. Я больше не выездной, меня не станут продвигать по карьерной лестнице. Все на что я могу рассчитывать, это переводы, правка чужих текстов и редакция как раз то, чем я и занимался практически все время, пока здесь работал. То есть, для меня конкретно в этой жизни ничего не изменилось. Ни в лучшую, но и не в худшую сторону.

Казалось что все уже кончено, но тут внезапно всплыл мой первый серьезный привод в милицию в связи с печатным станком. Парторг покрутил в руке неким листком, в котором якобы была информация, что некто «отреагировал» и дал новые показания по старому делу. Дело давно было списано в архив, поэтому партком не будет сегодня заострять на этом внимание, а ограничится строгим выговором и занесением в личное дело только по первым двум пунктам.

- Пусть дальше милиция разбирается, - резюмировал председатель.

Когда я с позором покидал кабинет, все смотрели на меня так, словно это лично я стрелял в Ленина. Я же лихорадочно думал о том, кто же этот доброжелатель, благодаря которому спустя столько лет на свет божий вытащили погребенное под слоем пыли «дело» и дали ему новую жизнь.

Первая же мысль, которая пришла мне в голову еще на заседании бюро парткома была про моего друга детства Илью. Я помнил нашу последнюю встречу, его слова и красноречивый взгляд. Сомнений у меня на этот счет не оставалось – это именно Илья, больше никому. Сразу же после работы я решил его навестить и предъявить свои подозрения. Даже не подозрения, а обвинения да, именно так.

Илья не оказалось дома и я битых полчаса проторчал в его подъезде, изредка выходил на улицу, глядел по сторонам и непрерывно размышлял о причинах его поступка. У меня было достаточно времени, я еще раз взвесил все варианты. О нашем предприятии знали только трое - я, Саня и Илья. Саню я отмел сразу, так как не мог придумать для него подходящего мотива. Зато у Илюхи причина была веская – Дарья. Конечно, все это мог организовать и Горшок, у того тоже был железный мотив. Он мог сделать запрос в архив нет, нет это исключено! С чего бы ему на пустом месте и не имея подозрений давать задание рыться в архивах МВД? Для этого он должен был хотя бы предполагать, что подобный инцидент мог вообще произойти когда-то в прошлом делать запрос наобум нет, вряд ли. Кто еще? Тот, молодой следователь? Зачем? А может ребята из КГБ нарыли когда я только устраивался на работу Тогда почему они сразу не раскрыли эту информацию?

Как ни крути, оставалась только одна версия - это сделал Илья чтобы отомстить мне за Дашку. Конечно в этом варианте тоже зияла дыра глубиной с Марианскую впадину. Написав подобный донос он и себя подставлял - станок то был со склада его предприятия Хотя пропажу

тогда вроде как и не обнаружили, барабан он занес и положил на место. А согласно моим показаниям действовал я тогда один, в чем собственноручно и расписался.

Я накручивал себя все больше и больше, по мере моих рассуждений пазл складывался и к тому моменту когда мой друг появился в конце улицы я уже на все сто процентов был уверен, что это его работа. Поэтому я не стал долго объяснять свое появление возле его дома, меня мало интересовали отговорки Ильи, если таковые и были. Поэтому, когда он подошел и улыбаясь протянул мне руку, я с ходу зарядил ему в челюсть. Он не сразу понял что произошло и я воспользовался этим, чтобы заехать ему еще раз. На этот раз я бил сбоку, прицеливаясь в ухо. Он успел среагировать и я задел его плечо по касательной, подался вперед и получил сначала удар коленом в грудь а затем Илья добавил еще сверху мне по затылку. У меня потемнело в глазах и стало трудно дышать.

- Ты охренел, дебил! – голос у Ильи был непривычно резким.

Я стоял согнувшись и пытался выровнять дыхание. Одновременно с этим я ждал нового удара и вытянул вперед руку, защищаясь. Илья был немного выше и поздоровей меня, поэтому я с самого начала напал первым и сейчас хотел применить небольшую хитрость. Когда Илья понял, что я не могу сопротивляться он сделал шаг в мою сторону, я резко двинулся на него и снова дважды ударил его по голове. Я даже не понял, куда именно я попал, так как почти сразу получил в ответ прямой удар в переносицу. У меня брызнули искры из глаз, я оступися и повалился в снег.

- Ты брат точно рехнулся, - уже более спокойно сказал Илья.

Я сел, кровь из разбитого носа окрасила снег яркими красными горошинами. В голове было пусто, такую же точно пустоту я ощущал в первый год службы в армии, когда «деды» отделили меня металлическими пружками. Тогда я точно так же сидел на спортплощадке, только вместо снега была желтая песчаная пыль и кровь на ней становилась коричневого цвета и не выглядела так вызывающе красиво.

- Ты успокоился? – спросил меня мой друг.

Я покачал головой.

- Нет? Тогда вставай и продолжим.

Я поднялся, но продолжать у меня не было никакого желания. Я просто сплюнул на землю в направлении Ильи и пошатываясь побрел домой.

- Ты чего хотел то? – с издевательской ноткой в голосе прокричал Илья мне в спину.

Недалеко от дома меня остановил окрик за моей спиной. Я повернулся, наводя резкость. Видимо мой нос опух, а может это был глаз поэтому видел я не очень хорошо. Разглядел только темный силуэт.

- Молодой человек, вы меня не помните? – услышал я.

- Просите

Я присмотрелся и узнал того самого слепого предсказателя из пивной. Наверное снова начнет пророчествовать. Но теперь я не испытывал страха, мне вообще было все равно что он скажет и как это отразится на моем будущем. Мне почему-то стало смешно. Вокруг рушился мир, мой друг скорей всего написал на меня донос и побил меня, редакции не нужны мои умения и усилия, мой моральный облик раздражает товарищей по партии и вот в довершение всего я встречаю слепого пророка.

- А, таинственный оракул

- Вспомнили? – в голосе слепого я услышал радостные нотки, словно мы старые друзья, которые встретились после долгой разлуки.

Я чувствовал себя отвратительно, голова гудела, мне хотелось упасть в постель и забыться сном. Я пошатнулся и сжал ладонями виски.

- Что с вами? – спросил слепой.

- Постойте как вы меня вы что меня видите? – удивленно спросил я.

- Не очень хорошо, но

- Черт! Как вы меня вообще нашли? Вы что, не слепой?

- При первой нашей встрече вы задали почти такой же вопрос

- Да, да я помню, - перебил я слепого.

- Извольте, я отвечу. Нет, я не потерял способность видеть.

- Опять ваши философские загадки, – раздраженно сказал я, - может хватит уже

- Меня ослепили, но сделали это не совсем грамотно. Поэтому левым глазом я вижу. Не так хорошо, но привык со временем.

- Ослепили?

- Это долгая история, - ответил слепой.

- Как вы меня отыскали?

- Я шел за вами из пивной и узнал этот адрес. Сегодня вот решил навестить.

- С чего такая честь?

Я сел на каменные ступени крыльца и обхватил руками голову, которая вот-вот должна была взорваться.

- Простите, я сегодня не в форме. С другом по душам поговорил.

- У вас есть время сегодня вечером? – спросил слепой, не придав значения моим словам и страдальческому голосу.

Я несколько секунд размышлял, что ответить. В ближайшей перспективе времени у меня будет навалом. Скорей всего с работы я вылечу, раз партком хочет применить ко мне кадровый вопрос. Еще неизвестно, что я услышу в милиции. Повестку мне пока не вручили, но думаю со дня на день я ее точно получу.

- Да, времени у меня навалом только вот чувствую я себя не очень. А что вы хотели?

- Я хотел показать вам одно место, мы можем поехать туда прямо сейчас. Мне кажется, вам будет интересно.

Меня абсолютно не радовала перспектива тащиться куда-то на ночь глядя, да еще в таком состоянии. Поэтому я промолчал, ожидая услышать аргументы, которые заставят меня изменить решение.

- Это касается ваших подозрений. Я хочу показать вам, насколько они близки к истине.

- Вы о чем? – спросил я равнодушно.

- Вы знаете о чем я. Насколько я помню, вас интересовали некоторые интересные факты, которые указывают на то, что с этим миром что-то не так. Хотите узнать что именно не так – поедemте со мной.

К концу фразы слепой перешел практически на шепот. Но я расслышал каждое его слово. Слепой обладал таким проникновенным тембром голоса, а может виной тому была затронутая им тема, что я забыл о боли и теперь готов был впитывать каждое его слово. Поэтому, я кивнул и сказал:

- Для этого я время найду.

- Хорошо. Тогда нам нужно на Курский вокзал, оттуда на электричке до Люблино и дальше немного пешком. Есть еще вариант на метро до Текстилей, а там автобусом но это дольше, да и небезопасно. На Курском вокзале будет проще оторваться

- От кого?

- Вполне вероятно, за нами будут следить. Не спрашивайте – кто, просто поверьте на слово.

Мне ничего не оставалось как поверить на слово. Только попросил подняться со мной в квартиру, чтобы я мог оценить степень ущерба, которую нанес моему лицу Илья и переодеть запачканные кровью джинсы. Когда я переодевался, задал несколько вопросов моему новому знакомому и слепой понемногу ввел меня в курс дела.

- Туда куда мы едем - место нашего постоянного сбора и аналитический отдел. Раньше был еще один, в Бескудниково. Нас немного осталось в Москве после последней зачистки

- Зачистки? – изумленно спросил я.

- Да. Они постоянно следят, и наверняка знают что у нас в столице снова появилось место сбора. Но его сложно отыскать, потому что мы стали максимально осторожными. Сегодня нас в Москве сто сорок пять человек осталось, раньше было больше тысячи. Пришлось покинуть Москву. Но сейчас надежней на периферии, там не так активно против нас работают.

- Вы все время говорите – мы, против нас Вы вообще кто? – спросил я, выходя из ванной.

- Общество слепых.

- Слепых?

- Да. Раньше в составе только слепые были, сейчас сильно все изменилось, но название осталось. Сначала костяк составляли только те, кто видел все собственными глазами, очевидцы. Сейчас кто-то догадывается сам, вот как вы например кого-то мы вербуем. А некоторые из новых тоже были *там* и знают наверняка, что *там* ничего нет.

Он дважды произнес «там» и оба раза сделал ударение на этом слове.

- Чем же занимается ваше общество? – недоверчиво поинтересовался я.

- Мы собираем информацию, факты. Анализируем все детали. Чтобы в один прекрасный момент открыть людям глаза.

Это прозвучало несколько комично и я рассмеялся, но тут же взвыл от боли, так как распух у меня не только нос, но и губа.

- Вам смешно, потому что вы работаете по другую сторону и ваша реальность отличается от нашей точно так же, как ночь отличается от дня. На самом деле слепы именно вы, а не мы. Верней, вы начинаете прозревать. Именно поэтому я сейчас здесь.

- Да ладно, ладно мне просто показалось это смешным, не обижайтесь. Скажите, в вашем обществе не состоял некто Рымарь? Отставной военный, служил он в Берлине, еще до постройки стены. Я был знаком с ним. Иван Карпович Рымарь.

- Рымарь Не припоминаю.

Мой спутник и я вышли из дома, когда начинало смеркаться.

Мы добрались до Земляного Вала, когда уже полностью стемнело. На Курском вокзале было многолюдно, я и мой спутник заняли место возле касс с правой стороны от входа, откуда хорошо просматривался весь зал. Мы довольно долго стояли, пока я не начал терять терпение.

- Чего мы ждем.

- Вон те двое, видите? – он кивнул головой в центр зала.

Главный зал Курского вокзала довольно специфическое место. Совершенно пустое пространство, где глазу не за что зацепиться, нет ни одного ориентира. Но даже в полупустом зале я не заметил никаких личностей, которые могли оказаться сотрудниками милиции или комитета. А уж на них у меня теперь глаз был наметан.

- Нормально, вообще кто из нас слепой? – удивленно сказал я.

- Да вот же у киоска.

Я стал присматриваться к группе людей на которых указал мнимый слепой, но ничего подозрительного так и не увидел. Тем временем слепой озвучил свой план:

- Сейчас мы с вами пройдем на перрон. Без спешки. Сначала на третью платформу, постоим там. Потом спустимся вниз и перейдем на другой путь. Если они пойдут за нами, то это слежка.

Я согласился, полностью полагаясь на своего спутника. Мы блуждали по подземным переходам, поднимались на платформу, снова спускались вниз, пока наконец не оказались на нужном нам пути. Электричка уже стояла у платформы и мы вошли в вагон. Расположились недалеко от выхода, выбрав самое затемненное место. Люминесцентные лампы в этой части вагона горели неровно, одна или две нервно мерцали и светились холодным светом, отчего лица немногочисленных пассажиров казались серыми.

Мой сосед обеспокоенно смотрел через окно на темное здание вокзала, которое в ступившихся сумерках и внезапно опустившемся на город тумане выглядело как заброшенный космический корабль, застрявший на периферии миров.

- Когда вы поедете туда сами, то должны быть очень осторожны, - сказал мой загадочный спутник.

- С чего вы взяли, что я буду туда ездить?

Слепой не ответил, вагон качнулся и бесшумно покинул перрон, оставив космический корабль где-то позади, но теперь уже не в одиночестве, сейчас его окружали мириады звезд. Мы покидали центр Москвы. Какое-то время мы ехали молча, затем мой спутник спросил полусшепотом:

- Расскажите мне про этого Рымаря. Что он видел в Берлине, может говорил о чем-то необычном?

Я подробно рассказал слепому о своем давнем знакомом, о его страхах и догадках и о том, как он в итоге закончил. Финал моего рассказа совсем не удивил моего слушателя. Он цокнул языком и сказал:

- Неудивительно. Многие из нас прошли через психушки или исправительные лагеря. Я тоже не исключение, знаете ли. Как думаете, сколько мне лет?

Я присмотрелся. Выглядел мой собеседник прямо скажем, не очень. Серый цвет лица, морщины и дряблая кожа.

- Шестьдесят чуть больше или меньше. Не знаю в общем.

- Мне сорок пять. Я был совсем молодой, мне лет пятнадцать было, когда я увлекся этим назовем это движением у меня был друг наставник, он мне много чего интересного рассказал. Но сначала я так же как и вы никак не мог понять, почему нет ни у кого прямых контактов из-за пределов СССР. Как будто мы за стеной, которую ни пробить ни преодолеть невозможно. Ну, вы понимаете о чем я?

Я кивнул.

- Среди моих знакомых был один, который жил какое-то время в Испании, но это было еще до войны. Он вернулся и больше никуда не выезжал. А потом как я ни старался, никаких прямых контактов так и не нашел. Ни оттуда, ни тем более туда никто не выехал.

- У меня то же самое. Думал - поеду в Италию и вот те на!

- Я вас тогда сильно разочаровал? Впрочем, не думаю что вы серьезно отнеслись к словам сумасшедшего, да еще и слепого. Верно?

- Вообще-то разочаровали я думал об этом. И ночью тогда А особенно после того, как сорвалась эта чертова поездка. Вы знали

- Знал. Хотелось, чтобы все немного иначе вышло, но

- Как вышло, так и вышло, - отрезал я, - Вы сказали, что у вас был наставник?

- Да. Телевизоры тогда были редкостью, мы больше радио слушали но все что до нас доходило было похоже на вымысел, который нельзя никак проверить. Да и многим из нас в то время не до заграницы было страну восстанавливали. Я тоже на стройке работал, и был у меня мастер, который всю войну прошел. Он оставался на восточной границе в Германии под Кот-

бусом где-то, когда немцы подписали эту свою капитуляцию. Но на самом деле не было никакой капитуляции. Мастер мой рассказывал, что аккурат четвертого мая сорок пятого он был на дежурстве и вышел покурить ночью. Примерно часа в два все небо на западе стало красного цвета, как от пожара. И так продолжалось до самого рассвета, как будто все там полыхало целую ночь. А утром их часть срочно сняли и отправили километров за тридцать на восток, уже в Польшу. Очень спешили. Он после войны говорил со своим однокашником, тот в третьем Украинском служил и в то время на Балканах воевал. Так вот, товарищ его точь-в-точь повторил то же самое, что и он. Видел мол на севере и на западе зарево, на следующий день их в полном составе отвели назад. Что-то там произошло, на западе. Тут же сразу и границы, и блокпосты появились. Никто ни туда ни оттуда к нам попасть не может. Я заинтересовался и стал носиться с этой идеей, хотя меня предупреждали, просили быть осторожным. Но я был молод, хотелось все пощупать своими руками. Стал я рыть как тот крот и нарыл. Повстречался мне однажды такой же слепой, каким спустя время стал и я сам. Он раньше работал водителем у председателя областной парторганизации где-то в Эстонии. И начальник его был человеком посвященным так мы их называем.

- Что это значит?

- Есть люди, их немного в основном это члены правительства, крупные парработники, военные из высшего руководства конечно же. Люди это информированы, они знают то, что остальным смертным знать не положено. Так вот водитель этот был особо приближен к своему шефу, выполнял всякие неформальные задания, о которых вслух говорить не принято. Однажды шеф отправил его за армянским коньяком. У них там было закрытое совещание, ну а какое совещание без коньяка? Он летит в лабаз, летит обратно и заносит коньяк в кабинет. Начальство вышло то-ли покурить, то-ли просто у них перерыв был, в общем нет никого в кабинете, а на столе карта. А на карте СССР, союзники наши ГДР, Польша, Китай кто еще

- Ну, я понял. Дальше то что?

- Да. И кроме нас и еще нескольких стран нет ничего. Только зоны отмечены Зона 1, Зона 2 и так далее.

- А Америка, Австралия?

- Ничего нет. Ну как материки есть, конечно. Но государств нет, везде только Зоны, Зоны и Зоны. И все белым цветом. Америка носит номер 34, Австралия 78. Сейчас то мы знаем, что это за карта а тогда знакомый мой прямо скажем оказался в замешательстве. Так вот сейчас такая карта в нашем распоряжении есть. Она не меняется с сорок пятого года. Границ нет, действительно есть только зоны. И в этих зонах мы сейчас только уровень радиации отмечаем.

- Радиации?

- Да, радиации. Про Японию нам СМИ рассказали, а про остальное забыли. Да и про Японию, честно говоря, не совсем так как было на самом деле.

Слепой отвлекся, взгляды в темноту за окном.

- Ага, вот уже и Люблино, нам выходить скоро. Расскажу по дороге.

Глава 12

Общество Слепых.

От станции Люблино мы шли еще порядка тридцати минут в сторону промзоны. Кругом был неровный, местами потрескавшийся асфальт, непролазная грязь и лужи. Словно мы находились не в черте столицы, а в каком-нибудь богом забытом провинциальном пригороде. Я пару раз проваливался в неглубокие рытвины, мои ботинки намокли и стали тяжелыми, с каждым шагом идти становилось все трудней, как будто к ногам привязали пудовые гири. Пока мы продвигались по темной безлюдной улице я донимал слепого расспросами а он отвечал по мере возможности, так как для него путь был не менее труден. Пару раз я замечал, как и его нога застревала в капкане вздыбленного асфальта.

- А что дальше? – спросил я, - наставник твой рассказывал еще что-то?

- Водитель? Он много чего рассказывал, но к сожалению, не только мне. Ушей кругом полно было. Наболтал кому не следовало и в начале пятидесятых его упекли в психбольницу, а там и ослепили.

- Ослепили? – ужаснулся я.

- Да у них раньше мода такая была – ослеплять.

- Зачем? Что это дает?

- Ничего это не дает. В назидание остальным по большей части.

Слепой остановился, повернулся в мою сторону и как мне показалось внимательно на меня посмотрел насколько вообще слепой может внимательно смотреть. А затем проговорил:

- Почти все кто что-то узнавал, слышал а еще хуже если распространял - попадали в психбольницу либо в тюрьму. Но в тюрьму реже У властей и так руки развязаны, но если ты оказываешься в подобном учреждении, то можешь себе представить, что там с тобой могут сделать. А потом, когда выходишь – на тебе уже клеймо. Какое отношение а главное, какое доверие у нас в СССР к инвалидам, к тем же слепым, да еще с белым билетом? Кто им поверит если они начнут правду вещать? У нас принято только официальным СМИ верить, так ведь?

Я промолчал, так как возразить мне было нечего. Я ведь еще в детстве прекрасно понимал, что в нашем доме рассказам Рымаря кроме меня тоже никто не верил.

- А в пятьдесят седьмом наставник мой предложил мне поехать с ним в Светогорск, это на самой границе с Финляндией. Город был закрытый, мы доехали сначала до Выборга, а потом где на перекладных, где пешком уже к границе. Я тебе говорит покажу, что такое Финляндия. А ты сравнишь с тем, что в газетах про нее пишут.

- Вы что, через границу шли? – удивился я.

- В то время - слепой усмехнулся, словно припоминая что-то и продолжил, - тогда попроще было через границу пройти, чем в тот же Светогорск попасть. Сейчас конечно у них на границах не так как в пятидесятые а тогда переход нам обошелся в три бутылки водки для пограничника, палку колбасы, банку тушенки и четыре блока импортных сигарет для начальства.

- Откуда импортные сигареты тогда? Кто их производит а машины, шмотки? – спросил я.

- О, это отдельная история. Скоро все узнаете, мы почти пришли

Мы подходили к мрачному строению, с виду заброшенному и напоминавшему склад с большими покосившимися воротами. По центру ворот красовалась пятиконечная звезда из металла, выкрашенная в красный цвет. Сами же ворота были когда-то зелеными, краска местами облезла, кое где выгорела или была поедена ржавчиной.

- Нам сюда, - слепой пригнулся и пролез через небольшую щель между створками, я последовал за ним.

- Ну и что там с Финляндией? – нетерпеливо спросил я, когда мы оказались внутри двора.

- От Светогорска до Иматры километров семь если по прямой. Мы часа за полтора туда добрались.

- И что?

Слепой остановился. Я только сейчас заметил, что он снял свои темные очки, которые теперь торчали из нагрудного кармана его пиджака. Его глазные впадины представляли собой жуткое зрелище. Правого глаза не было вообще, не его месте красовалось нечто, напоминавшее сморщенный бледный финик. Левый глаз тоже был как будто выжжен или вырван самым жутким образом. И только в самой его глубине из небольшой узкой щели поблескивало нечто, что можно было принять за зрачок. Я вздрогнул, хотел отвести взгляд но не смог.

- Чем это вас так?

- Раскаленные камни. Мне повезло, как видите. Студент практикант попался неопытный вероятно. Или рука дрогнула в какой-то момент.

- Черт! – сказал я и по телу моему пробежала дрожь.

- Нам сюда, - Слепой указал на небольшую железную дверь.

Я потянул за ручку и дверь с таким жалобным стоном растворилась, словно открывая врата в преисподнюю.

- Знаете что-нибудь про Финляндию, про Иматру? – спросил Слепой, когда мы вошли в темный коридор.

С помощью своего атласа я исколесил практически весь мир, и хотя Финляндия не была в приоритете моих вояжей, я знал, что этот город ничем особо не знаменит, разве что курортами существовавшими еще в те времена, когда Финляндия была в составе Российской империи. Население примерно двадцать тысяч и вроде целлюлозное производство имеется. Я сказал об этом слепому.

- Ничего там нет, молодой человек. Иматра – город призрак. Ни производства, ни людей, ни животных разрушенные здания в центре, везде растительность, на стенах, на тротуарах. Такое ощущение, что город внезапно вырос посреди леса. Ни электричества, ни жизни ничего. И уровень радиации тогда был довольно высокий, поэтому надолго мы там не задержались.

Я вспомнил рассказы Рымаря и сравнил с тем, что услышал сейчас. Слепой направился в сторону небольшой лестницы, ведущей вниз, а я так и остался стоять в полутемном коридоре. У самой лестницы слепой остановился и жестом пригласил меня следовать за ним.

Мы молча спустились на два этажа под землю. Было удивительно, что мой слепой спутник ни разу не оступился, не остановился на лестнице а все время шел вперед. Даже мне было сложно приспособиться к кромешной тьме, которая царилла вокруг.

Наконец слепой открыл внизу дверь и на лестницу просочился тусклый свет. Мы прошли через огромный пустой холл, освещаемый одной единственной лампой под потолком. Слепой остановился перед дверью с несложным кодовым замком, набрал комбинацию и толкнул дверь, пропуская меня вперед. Меня тут же ослепил яркий свет, и оглушил шум голосов.

- Ну, что же вы? – подбодрил меня слепой и легко подтолкнул в спину.

Я шагнул в небольшой зал наполненный шумом, людьми, заставленный столами, на которых стояли печатные машинки, и даже пара компьютеров. Я прищурился от яркого света и вошел в резиденцию Общества Слепых.

Привыкнув к свету я разглядел несколько карт висящих на стенах, именно такими как их описывал слепой - СССР, страны Варшавского договора, Китай, Монголия Остальной мир представлял собой белые либо серые зоны с границами, которые совсем не соответствовали государственному или географическим. Одним словом, они были не такими к которым я привык с детства. Каждая зона имела несколько цифровых значений, которые не писались на кар-

тах, а крепились к ним при помощи обычной булавки с цветным флажком. Среди присутствующих было несколько слепых, с такими же похожими на сморщенные финики глазами впадинами, некоторые носили темные очки. Но большинство были зрячими, они внимательно следили за мной, но увидев моего сопровождающего тут же теряли ко мне всякий интерес и занимались своими делами.

- Это и есть наш штаб, - сказал слепой и обратился к присутствующим, - прошу внимания! Хочу вам представить нашего гостя. Он работает в международной редакции (слепой назвал известное московское издательство) и надеюсь что он будет не против сотрудничества с нами. Не буду говорить, насколько важны для нас сегодня именно представители СМИ.

Эта короткая речь показалась мне чересчур пафосной. Не было только продолжительных и бурных аплодисментов. Присутствующие внимательно прослушали короткую речь и вернулись каждый к своим занятиям. Слепой отвел меня в сторону, мы сели за небольшой письменный стол и мой провожатый предложил мне изложить письменно все, что мне было известно о так называемом *неизвестном* мне мире. О моих личных подозрениях, о памятных людях или событиях, которые повлияли на меня и в итоге привели в это место. Слепой почему-то не сомневался что я пойду на сотрудничество с ними, он говорил так уверенно, как будто твердо знал, что я уже все для себя решил. В какой-то степени он был прав, разве сам я не искал этой встречи? Все мои попытки найти правду, все мои мысли о непонятном и странном мировом устройстве. Разве не хотел я найти единомышленников, которые так же как и я подозревают - все чем пичкают нас ежедневно, весь этот поток информации есть абсолютная ложь.

И я написал все что знал и о чем догадывался, начиная с самого детства и заканчивая последними событиями на телецентре и в Шереметьево, а так-же моей неудавшейся поездкой. Слепой пробежался по тексту, подозвал кого-то из сотрудников и передал ему мои заметки.

- Чего вы добиваетесь? – спросил я.

- Вы уже спрашивали еще до поездки сюда, - ответил слепой, - и я вам ответил.

- Я просто не ожидал увидеть все это

- Пока это только сбор информации и аналитика. Мы должны четко понимать, что сегодня происходит в обществе. Какой процент тех, кто задается этим вопросом, сколько непосредственно сталкивались с несоответствиями или с откровенной ложью. Кого стоит вербовать уже сегодня, а с кем нужно еще работать. И учтите - не каждому, кого мы принимаем в Общество посчастливилось побывать в этом месте. И не каждый кто сомневается вообще знает о нас.

- Чему я обязан такой честью? – спросил я с показной иронией, но моему собеседнику было вовсе не смешно.

- Вы журналист. И когда придет время, вашу полезность для нашего дела сложно будет переоценить. Как и сейчас, хотя вы и работаете против нас, в системе лжи и против зачатков правды. Именно поэтому вы полезны и теперь и будете полезны в будущем. Вы знаете, какими были первые три декрета, которые издал Ленин сразу после свержения власти?

- О Мире, о Земле и

- О Печати, - напомнил слепой, - он был разработан одним из первых. И хотя он не входит в число трех канонических декретов, но был подписан даже раньше чем декрет о Власти.

- Хорошо, какой во всем этом смысл? Я не спрашиваю – какой смысл для вас, это мне более-менее понятно. Но зачем руководству страны все это нужно? Неужели нельзя просто рассказать людям правду и покончить с этим?

- Правду? Много ли вы сегодня правды пишете? Я сейчас даже не о мировом устройстве, не о Белой зоне говорю, - слепой показал на карту, висевшую на стене, - меня интересуют повседневные, обычные и бытовые вещи. В стране дефицит жилья, нормальных продуктов дефицит всего. Кумовство и взяточничество, вы не можете себе ни килограмм мяса ни машину купить, не дав на лапу. Вы часто пишете об этом? Нет. А почему? Потому что вам страшно, да и не напечатает такое никто и никогда. А это уже называется попранием свободы слова.

Мне нечего было ответить и я пожал плечами.

- Вот видите Страх. Это основа основ их управления. Внешне вроде бы все в порядке, но даже малозначительные темы не подаются читателю без того, чтобы не извратить сути, ну хоть чуть-чуть да соврать. Это их стиль, понимаете. Они не видят своего существования без лжи. Ну и как в этом мире управлять обществом, которое все знает, все понимает и которое ничего не боится, как по-вашему?

- Я не знаю

- И они не знают. Поэтому, для управления им необходим страх. Страх и враг, который всегда угрожает извне, что очень важно! Именно извне. И по этой причине нас всегда можно попросить потерпеть, затянуть пояса, сплотиться, не обращать внимания на тяготы. Подумаешь, колбасы нет на прилавках? Не колбасой измеряется качество жизни, а духовностью. Но духовность, это для нас, у них как раз колбаска на первом месте. И если кто-то неугоден или им просто приглянулось ваше имущество или ваша женщина, то имея внешнюю угрозу вас проще обвинить в предательстве и выставить на всеобщее порицание. И не сомневайтесь – вас осудят. А дай людям в руки камни, вас и камнями побьют. Страх и ненависть. Это единственные рычаги, которые им известны и которыми они пользуются уже более трех тысяч лет, начиная с постройки египетских Пирамид и заканчивая. Вы можете себе представить три тысячи лет они не могут ничего нового придумать в управлении государством и людьми, кроме новых терминов! Монархии, анархии, республики, демократии, коммунизм или фашизм казалось бы, такие разные понятия, а принцип управления и механизмы управления всегда одни и те же.

- Ну, различия ведь есть - попытался возразить я.

- Ошибаетесь. В чем различия? В оболочке, в названии? Скажите, вам не все равно за что вы должны терпеть тяготы или за что вас лично пошлют умирать – за царя батюшку, за эфемерную свободу или за придуманные ценности? Человек должен идти умирать только за то, что ему действительно близко, а не навязано извне.

Я понимал и был согласен почти со всем, о чем говорил мой собеседник. Я хотел задать отложенный вопрос о том, как попадает сюда всякого рода техника, одежда или к примеру тот же пресловутый альбом Sex Pistols, но сама тема вопроса показалась мне несколько приземленной после таких патетических рассуждений, что я сдержался. Но слепой сам вспомнил об этом и мы перешли к технической стороне вопроса, или простыми словами к тому, как все устроено.

- После ядерных бомбардировок, а их было несколько первая волна уничтожила практически все живое на территории от Германии и до Атлантики, а на востоке Австралию, Океанию и Японию. Да, да молодой человек. США к тому времени здорово отстали со своей ядерной программой, так что японские города бомбили наши самолеты, ну а ваша журналистская братия постаралась сделать их стопроцентно американскими. История получилась красивая, был показан звериный оскал врага и его нечистоплотность. А в душе собственного народа навсегда поселился страх, а с ним и уверенность – эти способны и не на такое.

Мне казалось, что я слушаю какую-то фантастическую сагу. Мир переворачивался у меня в голове с ног на голову. Да, я и раньше волей-неволей представлял себе нечто подобное, но до сих пор это было лишь в моем воображении. Сегодня же я увидел воочию настоящий штаб Общества Слепых, слушал мнение если и не очевидца тех событий, то по крайней мере человека, который знает и видел гораздо больше чем я.

- Господи, все это похоже на какой-то бред.

- Люди много веков верили, что Земля плоская и стоит на трех китах посреди океана. Они тоже не знали ничего кроме своей земли, но расскажи я вам сегодня их теорию, вы бы скорей всего подумали что мое место именно там, где я потерял зрение. А то что вы пишете в своей редакции день за днем разве не бред? Или то, чему вас учили в университете? Много ли знаний вы применили на практике?

Я и сам так думал все время пока учился и особенно после универа, когда столкнулся с реальностью

- Ладно, мы несколько отвлеклись. На чем я остановился? – спросил слепой.

- О бомбардировках, - пробормотал я.

- Так вот, уничтожено было не все. Многие предприятия оставались в более-менее рабочем состоянии. Великобритания и США еще считались союзниками и печальная участь Европы сначала их миновала, пострадал только военный контингент. Резонанс был еще тот, нас осуждали, но они были напуганы и несколько лет сохранялся некий паритет вплоть до недавнего времени. К концу семидесятых у нас в арсенале имелось нейтронное оружие. Из соображений этики, а скорей всего из страха Штаты отказались от разработок чего-то подобного, но наше правительство на правах сильного продолжало работать и добилось значительного прогресса. Сначала были уничтожены США, затем очередь дошла и до Великобритании.

- Хотите сказать, это было восемь лет назад? Я про Англию.

- Да, именно это я и хотел сказать. Поэтому многие их предприятия, легкая промышленность, или автопром например, оставались неповрежденными.

- Кто же там работает, если все население - я не договорил, испугавшись собственного воображения.

- Сначала никто не работал, уровень радиации не позволял. А лет через пять, когда условия стали более-менее пригодными для жизни, власти стали нанимать туда людей

- Нанимать? - переспросил я, не веря собственным ушам.

- Я оговорился. Правильней будет назвать это не наймом, а направлением. Да. Многих направили сразу после войны, но они не выжили по известным причинам. Правительство временно прекратило практиковать такой подход. Знаете почему?

Я отрицательно мотнул головой.

- Вы наверное думаете, их волновал человеческий ресурс? Умиравшие от лейкемии люди? Отчасти да, так и было. Но больше из-за того, что продукты из-за рубежа поступали имея не совсем хороший фон. А так как в первую очередь пользовались этими вещами люди из посвящённых или их ближайшего круга, то временно проект свернули. А нам рассказали про железный занавес, санкции и эмбарго.

- А сейчас?

- Схема снова заработала в начале пятидесятых. Людей просто направляют туда под видом несуществующей войны в Корею, например или в Афганистане. Люди числятся погибшими, как исполнившие свой интернациональный долг, а на самом деле они трудятся на заводах в Европе.

- Но ведь все эти вещи в любом случае заражены. Как можно тащить их сюда?

- Во-первых, ядерные удары наносились не везде, и больше для устрашения, в основном же применялось обычное оружие. Во-вторых, не забывайте про правило семь-десять.

- Что за правило такое?

- Каждые первые семь часов уровень радиации падает в десять раз. Это фон в эпицентре удара. Ну а вещи, машины и прочее завозятся в основном с периферии, где заражения практически нет. Кроме того, через семь лет кратко живущие изотопы из Европы ушли, йод 131 тоже распался. Конечно, атмосфера там заражена, поэтому находиться постоянно на этих территориях нежелательно а иногда и смертельно опасно. Но люди живут там и умирают от рака и тому подобных прелестей. У нас тут есть несколько человек, которым удалось бежать и нелегально вернуться в СССР. Некоторые из них к сожалению не выжили, но кто-то еще трудится в штабе.

Слепой указал на человека, сидевшего за печатной машинкой. Мне не хотелось верить во все это, я еще допускал мысль, что возможно все эти люди просто сумасшедшие. Или они ошибаются может быть это сборище диссидентов, недовольных существующим строем. Да,

такой вот парадокс - вчера я готов был в это поверить, но как только услышал сегодняшнюю историю, как внутри меня поднялся дух противоречия – этого не может быть!

- Эта система работает почти без перебоев с конца войны. Так проще обслуживать свои личные потребности, потребности высшего общества, элиты. Ограниченный контингент работает в малопригодных для жизни резервациях, остальные, миллионы таких как мы с вами, просиживают штаны в СССР и находятся под постоянным страхом и угрозой внешнего вторжения. Очень удобно, а главное – малозатратно. Никто не станет бунтовать. Первые, потому что их ничтожно мало, вторые вторые, потому что их приучили не думать и бояться только того, что находится снаружи. И мы хотим однажды все это изменить.

- Как?

- То что вы видите здесь, это только вершина айсберга. Это только одна из наших ячеек, в крупных городах их несколько. В Москве - в самом подбрюшье власти, за нас взяли последнее время но мы держимся и не собираемся сдаваться. Как я уже говорил, мы заняты не только аналитикой, но и вербовкой, причем на самых разных уровнях. Я думаю, сегодня костяк организации насчитывает тысяч сто пятьдесят- двести, и это только в РСФСР. Наши люди выполняют самые разные задания.

- Например?

- Например, звукозапись о которой вы писали. Она оказалась у вас в руках не случайно. Мы конечно не рассчитывали что она попадет именно к вам, человеку который был в какой-то степени подготовлен и сразу же засомневался. Но именно мы позаботились, чтобы она попала в страну не в то время, когда нужно попала как новинка и вызвала непонимание и живой интерес. С вами так и случилось, вы обратили внимание на эту деталь. Наши действующие власти недооценивают такие малозначительные, как им кажется направления как поп-культура или искусство, поэтому на должностях курирующих эти потоки сидят люди, которых легче всего подкупить или договориться.

- Как с ними можно договориться?

- Очень просто. Шантаж, например. У многих из них есть свои назовем это тайными слабостями.

- Мы сейчас говорим про отчима моего приятеля, про атташе?

- Точно не скажу, но уверен, что эти вопросы решаются на более высоком уровне. А приятель ваш и его отчим просто случайные звенья в этой цепи. Но маленькая деталь сработала и вы получили малую порцию информации для размышлений.

В итоге я оказался прав, когда утверждал что пластинка из другого времени, но не понимал, что виной тому целая система, которая внезапно дала сбой. И это был действительно сигнал мне, тому кто сомневается, кто ищет правду. Значит остальные предметы шикарной западной жизни оказываются тут согласно плану, этим скудным потокам импорта предопределен свой путь. И люди, якобы приезжающие из-за рубежа вовсе там не бывают. Они те самые - как он их назвал - посвященные. А нам остается только ложь и выдуманный мир. И все-таки

- Есть некоторые непонятные для меня вещи, - закончил я свою мысль вслух.

- Например?

- Зачем переправлять сюда импорт, который на уровень лучше и долговечней нашей собственной продукции? К чему дразнить гусей?

- А вот в этом и проявляется самая большая воспитательная миссия нашей власти. Иначе все было бы слишком однозначно. Воспитание духовного начала в каждом гражданине, которое должно быть выше материального. Вкупе с рассказами о детской проституции, продажных политиках, нищете и неравенстве это дает свой положительный результат. У всего есть цена. Красивая жизнь, роскошный автомобиль, и в то же время хаос и страх на улицах родного города, где сумасшедший скинхед может проломить вам череп из-за цвета кожи. Я не говорю,

что духовная пища хуже чем физическая, или наоборот. Не в этом дело. Но ведь и мы не подопытные, над которыми сильные мира могут проводить эксперименты. Разве я не прав?

- Хорошо, я понял. Но чем я могу помочь?

- Так вы с нами? – спросил слепой и еле заметно улыбнулся.

Я кивнул.

- Хорошо. Тогда мы добрались до самой сути. До причины, почему именно вы оказались здесь. Я вас познакомлю с одним человеком, он вам объяснит задачи на ближайшее время. И как вы уже поняли, никаких имен. Я не спрашивал вашего и не говорил свое. Этот человек станет вашим куратором, так его и называйте. Кстати, как вы называете меня?

- Слепой - ответил я неуверенно.

- Отлично, - сказал слепой и подал кому-то знак рукой.

К нам подошел солидный седой человек в очках. Тот самый, на которого указал слепой, когда рассказывал о том, что некоторые трудились на зараженных предприятиях и им удалось сбежать обратно в СССР. Этот человек и должен был стать моим куратором на ближайшее время. Мы оставили слепого в главном зале и прошли в отдельный кабинет, который по-видимому был оснащен неплохой звукоизоляцией, так как звуки в нем казались приглушенными и короткими.

Куратор внимательно изучил меня. Я отметил, какой у него пронизывающий и холодный взгляд. Он уселся за стол и предложил мне расположиться напротив.

- Нам нужна хорошая коммуникация, как между всеми членами организации, так и между крупными ячейками. Лучше и безопасней всего передавать скрытую информацию через открытые источники газеты например, которые доступны любому человеку в любом уголке страны. Напомните еще раз, вы в какой газете работаете?

Я назвал газету и он одобрительно кивнул.

- Я разработал систему знаков, слов и комбинаций, которую можно использовать и не бояться быть раскритикованными ГУР или КГБ. Это называется стеганография, все довольно просто. Ваша задача состоит в том, чтобы как можно скорей освоить этот метод и ждать от меня сообщений.

Куратор развернул передо мной сложную на первый взгляд схему, где имело значение практически все, первые буквы предложений, сочетание слов и даже дата выхода газеты как часть ключа. Сначала он кратко изложил суть системы, затем перешел к деталям. Но гениальность его изобретения была в ее простоте, поэтому вскоре я был знаком с основными нюансами и ключами. Куратор был человеком разговорчивым и я подумал, что смогу узнать от него много интересного.

- Скажите, вы же реально были там? – спросил я.

- Да. Начиная с шестидесяти седьмого - он задумался, вспоминая что-то и продолжил, - целых четыре года.

Я попросил его рассказать о своем пребывании и бегстве. Он откинулся на спинку стула, его взгляд стал задумчивым. А я с замиранием сердца ждал его рассказ.

- Летом, как раз на Троицу вызывают меня в управление, я тогда служил в ПВО в запасе. Меня еще удивило, что не в военкомат а прямо в штаб, на беседу. Ну и говорят, мол хотим вам предложить выполнить долг во Вьетнаме. Интернациональный, как они его называют. Там тогда якобы война была с американцами. Ну ты знаешь, читал наверняка. Все на добровольной основе, никто никого не принуждает. Хотя мы люди военные и для нас это равносильно приказу. Но ты же в курсе, что ничего добровольного у нас нет, откажешься – жди потом последствий.

Я кивнул, да мол - понимаю.

- На сборы три дня, медкомиссия, подписка о неразглашении. Наше участие в войне сам понимаешь, нежелательно. Вывезли нас в Кубинку, на подготовку. С этого момента вообще

никаких связей с родственниками. Ни писем, ни по телефону. Изучали действия при налетах, маскировку что еще? Не помню даже, но мне еще тогда показалось странным, что нас не обучали работе с вьетнамскими расчетами. Или как вести себя в тропиках такое ощущение, что это все было чисто формально. Хотя, у нас все, везде и всегда формально, так что я особого значения не придавал. Говорили, на месте мол обучитесь, нечего время терять. Ну, мы люди военные были, нам не привыкать. Родина сказала Ну ты понял.

Я снова понимающе кивнул.

- Нас должны были отправить самолетом на Ташкент, оттуда Индия и дальше на Ханой. Хотя, если бы я тогда знал куда попаду да

Седой куратор замолчал, вспоминая и снова переживая свое приключение.

- Много вас было? - спросил я.

- На учебке? Двадцать пять примерно. А вот на аэродроме и в двух транспортах нас уже человек двести набралось, может больше. Со всего Союза нас собирали. Летели с дозаправками, все очень быстро. Не выпускали ни на минуту, так и сидели в самолете все время. Разве что по нужде вставали. А кормили нас прямо там, в транспорте. А когда прибыли на место, тут то и началось Вышли ночью, как сейчас помню. Кругом темень, огней нет, только взлетка светится и рулежки. Нас по машинам и развезли по разным частям, как я тогда думал. Группы человек по десять были.

Куратор снова задумался.

- А что дальше? – с нетерпением спросил я.

- А дальше самое интересное. Короткий инструктаж о том, что наше пребывание на территории братского Вьетнама больше не актуально. Привозят нас на предприятие по производству радиотехники Выдали робу какую-то, показали цеха, конвейер, продукцию. Все иностранное, я таких станков и оборудования в СССР не видел. Ну, думаю раз Родина так считает, то мне все равно на каком фронте меня использовать будут. Я же радиотехник по образованию, не только военный. Работаем неделю, вторую Нам ничего не говорят, как долго мы здесь еще будем. Живем в городке неподалеку, типа лагеря там все есть, магазины, кафетерии, даже кинотеатр. Но выйти за территорию нельзя. Ну оно и понятно, мы же за границей. Но где точно, не знает никто, даже те, кто тут по несколько лет живет.

- По несколько лет?

- Ну да, я видел там вообще пожилых людей, спрашиваю сколько вы тут? Говорят, кто пять лет, кто десять. Поговаривали, что фон там нехороший, но счетчика Гейгера не достать, чтобы померить. Кто -то говорил, что мы на немцев работаем, или на японцев. Мол, из-за этого здесь фон и зашкаливает. Кто еще какую-то чушь сочиняет Я считал это все сказки, которые придумывают от нечего делать. У людей сплошная рутина - работа, магазин или кино, больше у нас ничего не было. Инструктажи время от времени. Женщин почти нет в поселке, тоже странным показалось. Много странностей письма мы писали родным, но с ответами была вообще непонятная история. Обрато мы получали письма отпечатанными на машинке. Звонить домой нам не разрешалось. Некоторые из наших возмущались, кто-то напрямую предъявлял претензии и тогда

Мой Куратор замолчал, вспоминая наверное что-то личное. Я не стал его торопить, у меня было о чем подумать в это время. Помолчав пару минут, он продолжил свой удивительный рассказ:

- Самые рьяные ну, те кто возмущался по поводу режима, по поводу писем и вообще никто ведь не знал насколько мы тут задержались. Так вот, люди эти пропадали и мы их больше никогда не видели. Был человек с которым я тогда сдружился в общем, он тоже пропал. И тогда я решил бежать. Но как? И куда? Я даже не знал в какой стране нахожусь. Примерно раз в квартал грузили самолет с готовой продукцией и отправляли все это скорей всего в СССР. По крайней мере, так я надеялся. Но на самом деле мне было уже все равно, я там был почти

четыре года, терпение было на пределе думал, в любое место, только бы на свободу. Пробраться на самолет перед отлетом было адски сложно, да и нашли бы меня сразу. Поэтому мне нужно было продумать все досконально. Готовую продукцию в транспорт грузили в деревянных ящиках и это навело меня на мысль – если самостоятельно попасть в самолет сложно, пускай они меня туда сами занесут. Я время от времени оставался во вторую смену, чтобы смастерить двойное дно для одного из таких ящиков. Но самое главное было обмануть собак собаки проверяли каждый самолет перед отправкой. Отбивать нюх перцем, жиром или еще чем-то было опасно, собака тут же начала бы чихать или вести себя неадекватно. Я нашел кусок клеенки и обил изнутри ящик, оставив только небольшие отверстия для дыхания. Никакой еды, мне нужна была только вода, чтобы не загнуться от обезвоживания и сбить чувство голода.

Все это время я молча слушал, время от времени отпуская только реплики, настолько невероятным казалась мне история куратора.

- Я довольно точно все рассчитал. Мне нужно было продержаться максимум два часа с начала погрузки в цеху и до отправки самолета. Но сколько потребуется времени для разгрузки я не знал. Но самое главное и самое опасное – я ни за что не смог бы повернуть все это в одиночку и мне нужен был помощник, который запечатает меня в ящике, положит сверху немного товара и закроет крышку. Но закроет так, чтобы я смог выбраться самостоятельно. Да еще и ящик мой должен стоять сверху при загрузке. Но я никому не доверял никому. Да мы все там были как дикие животные

- Как же вы выбрались?

- Я изменил конструкцию ящика. Сделал так, чтобы можно было забраться и выбраться из него сбоку. Вся подготовка заняла несколько месяцев, я складывал отдельные детали недалеко от своего рабочего места, чтобы ночью перед погрузкой можно было быстро смонтировать ящик, поставить его так, чтобы при загрузке он оказался именно там, где я смогу беспрепятственно из него выбраться. В последний день перед вылетом я взял больничный, температура мол это чтобы меня на работе в первые день-два не искали. Мне нужен был небольшой запас времени, чтобы дотянуть до первой посадки, а там там мне было все равно где я окажусь. Главное было не начать паниковать, избежать судорог или онемения от неподвижности. Таким вот образом я все это и провернул. Еще повезло, что самолет сел в Ташкенте. Пока летели и дозаправлялись я только воду пил, еду не брал. Хорошо еще, что в транспорте до первой заправки никого не было, я смог вылезти из ящика и размять ноги. А вот последний перелет, это чистый ад. В транспортный отсек посадили роту солдат и вылезти я уже не мог. Мочился под себя, ясное дело. Хорошо еще, что ничего съестного не брал. Летели несколько часов, я уже и пленку изнутри отодрал, чтоб хотя бы дышать можно было. Молился, чтобы собак при разгрузке не было, иначе сразу бы учуяли.

- И как?

- Нет, все обошлось, не было собачек. Но перед самой посадкой мне казалось что еще немного и я с ума сойду, так все затекло, боль была невыносимая. Мне кажется я даже стонал там, в ящике. Думаю - пропади все пропадом, еще минута - выбью доски и вылезу наружу. Пускай меня бьют, расстреливают терпеть я уже не мог. Только когда почувствовал как на снижение идем, у меня как будто второе дыхание открылось.

- Фантастика.

- Да, такая вот история. Но настоящая фантастика началась здесь. Я пришел домой, мать и отец отказались верить что я жив. Их после моего отъезда почти сразу вызвали в военкомат. Никаких официальных писем, никаких упоминаний про Вьетнам. Сказали просто – ваш сын погиб, выполняя служебное задание. И точно такие сообщения получили все родственники тех ребят, что были со мной. Я некоторых разыскал потом, но ничего им рассказывать не стал. То есть, мы изначально не должны были вернуться, это не планировалось. Понятно, что я должен

был прятаться, оставаться в доме родителей я не мог, приехал в Москву первое время жил у друзей. Пока не встретил не встретил тех, о ком вы теперь тоже знаете.

Куратор закончил свой рассказ и мы еще какое-то время сидели молча. Затем он оставил меня в кабинете и я углубился в детальное изучение его системы. Основные ключи, роторы и блоки систем я записал в блокнот. Я пребывал в одиночестве не более получаса. Думал о том, что мне только что рассказал куратор, представил мир вокруг тот самый неизвестный и призрачный мир, который я так хотел посетить. Наконец дверь открылась и на пороге я увидел слепого.

- Нам пора.

Я вышел и показал ему записи в блокноте.

- Это не противоречит режиму секретности? – спросил я.

- Все в порядке. На сегодня мы можем попрощаться. Ваш куратор скоро свяжется с вами.

Глава 13

Будни посвященного.

Повестку в милицию мне выдали через нашу партийную организацию. Я даже не был при этом взволнован, но и чувствовал себя не так как обычно. Честно говоря, после того вечера, когда я побывал в штаб-квартире Общества Слепых во мне что-то поменялось, я вдруг ощутил себя как тот самый посвященный, которому внезапно открылись знания, которые обычным смертным недоступны. В какой-то степени так оно и было. Меня выбрали возможно из множества претендентов, и пригласили на тайную встречу с секретной организацией, занимающейся абсолютно противозаконными, я бы даже сказал – вызывающе опасными делами. Куда уж там моим жалким потугам познакомиться с иностранцами в аэропорту. Поэтому в парткоме я был не то чтобы спокоен, я был выше всего этого, небрежно взял повестку, посмотрел на дату и равнодушно выслушал короткую памятку о том, как должно себя вести человеку, гордо называющему себя коммунистом. Думаю, это все выглядело довольно комично, учитывая что следы побоев, оставленные у меня на лице Ильей не только не исчезли, а расцвели характерными гематомными красками.

Целый день на работе я старался быть на виду, постоянно торчал в курилке и в коридоре, демонстрируя сослуживцам свое побитое лицо. И надо сказать, оно никого не оставило равнодушным, даже Людочка не удержалась и спросила, что случилось.

- Из-за женщины, - с трудом скрывая гордость ответил я.

- Надо же я думала такое уже не случается.

Я только пожал плечами.

Дядя Боря тоже имел счастье лицезреть меня в коридоре, но особых эмоций не проявил, просто посмотрел и молча прошел мимо. Мне даже пришла в голову мысль он мог подумать, что это сделали возмущенные поклонники Анны К. и был вполне удовлетворен результатом. Я подавил внезапный порыв догнать его, схватить за рукав и сказать, что он ошибается, что это все не так но, нужно ли посвященному опускаться до подобных объяснений.

Единственным человеком, который действительно искренне меня пожалел была Даша. Мне показалось, что она готова была расплакаться, когда увидела мое лицо. Конечно, она стала допытываться откуда такие синяки и опухший нос.

- Упал на лестнице.

- Не ври.

- Клянусь. Нес подшивку с последнего партийного съезда ну и не заметил ступеньки. У нас там в архиве ступенька такая об нее постоянно все спотыкаются. Ну я не мог бросить такую ценную информацию, поэтому пожертвовал лицом, - пошутил я.

- Ну да, я такая дура по-твоему? Я еще могу понять, нос разбил, губу или бровь рассек но глаз?

- Это я об перила. Даш, правда.

- Могу за тобой сегодня поухаживать, хочешь? У меня выходной завтра.

Я очень бы этого хотел, но после событий вчерашнего вечера мне нужно было все хорошенько обдумать. Тем более, сегодня должна была вернуться мама и мне необходимо уделить ей внимание, все-таки мы не виделись больше двух месяцев. Я не стал говорить Дарье о приезде мамы, она точно захочет с ней познакомиться и тогда вечер превратится в телепередачу «Что? Где? Когда?» с вопросами и ответами. Поэтому я просто сказал что много срочной работы навалилось и сегодня никак Она явно расстроилась и чтобы немного смягчить ситуацию я сказал:

- Даш, я билеты на «Юнону» достал, на субботу.

Дарья кинулась мне на шею, совсем позабыв о моих болезненных травмах. Я поморщился от боли, но виду не показал.

- Какой ты молодец у меня

- Это не я, это Сашка. Опять через какого-то своего знакомого. Он хотел с Маринкой пойти, но она не может или не хочет предложили нам. Я решил взять.

- Ну зачем - разочарованно сказала Даша.

- Что именно?

- Сказал бы что это ты сам достал отстоял очередь под дождем или у спекулянта перекупил за очень дорого. Ты разрушил все очарование, дурачелло. Что мне с тобой делать?

Она обвила мою шею руками и ее большие глаза были совсем близко. Мне вдруг стало невероятно тепло, захотелось остаться с Дашей наедине нет, не так – пригласить ее и познакомиться наконец с мамой, провести время втроем. И пусть это будет скучно и похоже на телепередачу. Но я сдержался, несмотря на нахлынувшие внезапно чувства снова вспомнился вчерашний вечер в Обществе Слепых. Я в очередной раз подумал о том, что мне нужно определиться и понять, что же на самом деле для меня важнее - реальная Даша или кажущееся не совсем настоящим Тайное Общество.

Мама была уже дома, даже успела спуститься в магазин и пополнить запасы в холодильнике, которые были здорово истощены. Я так давно ее не видел, показалось что мама осунулась, похудела. Не мудрено, в ее возрасте да еще и после воспаления легких.

- Ты как, ма? Зачем в магазин ходила, я бы сам

- Мне не сложно, Андрюша. Тем более что я там засиделась у Володьки, они мне ничего не давали самой делать. Уже и не знала как вырваться.

- Я звонил несколько раз, но никто трубку не брал. Я уж волноваться начал. Как он, кстати?

- Вовка? Да как все так же. Как было у него шило в одном месте, таким и остался ты лучше про себя расскажи?

Я рассказал маме, что сорвалась моя поездка в Италию, не стал правда называть причину, чтобы не волновать понапрасну. Рассказал про Дашу, но она по-моему ничего не поняла, потому что все время переспрашивала и называла ее Катериной. Я смирился и не стал ее переубеждать. Придет время, я их познакомлю.

- Мама, тебе нравится Анна К.? – спросил я.

- Конечно, хорошенькая. И играет так натурально. Сейчас так мало стало нормальных артистов. Я помню, раньше вот

- Ма, она устроила дебош на гастролях, представляешь? Бросила стаканом в администратора гостиницы. Режиссеру нахамила. В газете писали, ты не читала?

- Ой, Андрюш ты же сам знаешь, как у нас любят человека очернить. Завистников много, вот что я скажу, поэтому и пишут ахинею всякую. Бумага все стерпит.

- А если это правда? Если она на самом деле репетицию может сорвать, нахамить коллегам или напиться.

- Ну и что? Ты же и сам знаешь, сколько ты их повидал в своей газете И вообще, чего это ты вдруг так завелся?

- Я не завелся. Я просто думаю, что таким людям не место в кино и в театре. У нас же по идее все равны, верно? А если все равны, то почему я не могу администратора гостиницы по голове графином звиздануть? Чем я хуже, ма?

- Что ты такое говоришь, сынок, - опешила мама.

- Я говорю, что если мы будем делить людей по принципу – им можно, потому что они элита или знаменитость, то какое же это равенство? Это мама, херня на постном масле.

- Ну уж знаменитости то можно простить, Андрюш у них жизнь

- Какая? Какая у них жизнь? Им что сильно сложно в этой жизни? И да, я пообщался с ними в своей газете, как ты говоришь Они обычные люди, ма. Ну, то ест совсем. И никаких поблажек им делать не надо. И правильно, что ее пропесочили через газету, раз другим способом не получается!

- Да чего ты взъелся то, Андрюша? Я прям занервничала расскажи лучше, как там Катерина.

- Нормально только она не Катя.

- Ой, я запуталась совсем.

Видимо мама немного перенервничала и стала вести себя приторможенно. Я решил больше не докучать ей неприятными разговорами. Я вообще с самого начала так решил, но затем какого-то лешего начал говорить об этой Анне К.

Утро все расставило на свои места. Я сидел на кухне, пил кофе, еле слышно фонил радиоприемник. То что произошло вчера вечером напрочь перечеркнуло мою прежнюю жизнь, у меня появилась настоящая цель. Мне стало совершенно ясно, что начиная с этого дня я должен все свои усилия направить на то, чтобы донести до людей правду. Вчера к вечеру я несколько размяк, встреча с Дашей меня расслабила мне даже начало казаться, что мое посещение Тайной Организации было нереальным. Каким-то фантастическим эпизодом, который ничего не значит и ничем не закончится. Со мной не свяжется никакой куратор, меня не будут использовать как средство коммуникации в этой разветвленной как паутина сети. Но сейчас я был уверен, что новости не заставят себя ждать, просто я должен быть готов ничего кроме этого от меня пока не требуется.

На повестке дня был поход в отделение, но это не казалось мне чем-то из ряда вон выходящим. Наоборот, теперь как участник подпольной организации, такие вещи как посещение следователя, допросы, слежку а возможно и пытки я должен воспринимать как рутину. От последней мысли я вздрогнул, но не от страха а от какого-то неведомого мне доселе восторга.

Следователь на этот раз был не так молод, у такого пощады не жди. Он внимательно рассматривал меня, как будто по моему виду можно было понять, мог ли я восемь лет назад натворить тех бед, которые мне сегодня снова инкриминировали.

- Тут новые вводные пришли по вашему делу, поэтому я вас вызвал, Андрей Палыч. Вы, судя по всему человек серьезный, журналист, член партии поэтому я надеюсь пойдете навстречу следствию.

Я согласно кивнул, но ничего не ответил.

- Некто Илья Звягин вам знаком? – спросил следователь.

Значит, я был прав. Ну и подлец! И что мне делать? Поступить зеркально? Отплатить добром на добро или не признаваться ни в чем? Я внезапно понял, что не должен давать волю эмоциям. Нужно вести себя спокойно и все взвесить, прежде чем давать показания. Что я получу, если признаюсь что аппарат был украден со склада, ответственным за который на тот момент был Илья? Первое – я автоматически признаю свою вину. Мы все-таки печатали или пытались что-то печатать в подвале, а это значит, что моя предыдущая версия рассыпается. Второе – я действовал в сговоре, а это уже серьезная статья. Выдумывать что-то новое не было ни сил, ни желания, ни фантазии. Я решил придерживаться своих старых показаний, чего бы мне это не стоило, даже невзирая на чьи-то там новые свидетельства. Если мне их озвучат, буду пытаться склеить мою версию и версию следствия. Если бы я только мог узнать, какая именно информация попала в руки следователя. Но ведь показания эти могли быть просто чьим-то вымыслом. Все-таки мне с трудом верилось, что Илья сам лично написал на себя донос. Но что же тогда он мог написать, какую чушь он сочинил?

- Андрей Палыч? – следователь напомнил о своем присутствии.

- Да.

- Отвечайте на вопрос. Вы знаете Илью Звягина?
- Да, мы знакомы я разве не сказал? Это мой друг еще со школы.
- Можете напомнить, каким образом печатный станок оказался в подвале?
- В деле же все есть, - ответил я.
- Я хотел бы услышать от вас непосредственно.

Я рассказал свою историю восьмилетней давности, ничего не приукрасив и ничего не сократив. Следователь слушал меня и периодически заглядывал в свои записи, видимо сверяя мои слова со старыми показаниями.

- Здесь говорится, что вы не смогли ничего напечатать, так как отсутствовала одна деталь. Что это за деталь?

- Насколько помню, не было барабана вернее формного цилиндра. С его помощью наносится изображение на бумагу. Без него ничего не получилось бы. Это как фотоаппарат без затвора.

- Ясно. Вы где изучали печатную технику? – прозвучал следующий вопрос.

- Как я уже говорил, хотел поступать в Полиграфический и ходил на подготовительные курсы там, в библиотеке я и нашел все необходимое.

- То есть, вы готовились? – спросил следок.

- Да нет же! Я уже знал как работает такая машина, потому что до этого ходил на курсы и в библиотеку. Там я изучал работу печатной техники.

Следователь что-то записал и спросил:

- В каком году месяц? Помните?

Я сделал вид что пытаюсь восстановить в памяти тот период своей жизни, но в итоге удрученно помотал головой.

- Приблизительно хотя бы осень, весна

- Вступительные летом значит, осенью где-то. Сентябрь или октябрь, точно не скажу.

Следователь снова что-то записал, а я запаниковал. Здесь мог быть мой прокол, но отступить было нельзя, чтобы не шло вразрез с моими старыми показаниями. Но с другой стороны для них не составит труда проверить, был ли я зарегистрирован на этих курсах, ходил ли в библиотеку. И когда они выяснят, что никакие подготовительные курсы я не посещал, моя версия затрещит по швам. Почему я тогда не сказал, что просто увлекаюсь техникой? Может внести поправку сейчас? Сказать, что восемь лет назад я перепугался, и сказал неправду

- Гражданин следователь, - начал я и осекся.

Но было уже поздно, следователь вопросительно смотрел на меня. Пришлось придумать на ходу.

- Я хотел узнать что за анонимка? – спросил я, прекрасно понимая, что ответа я не получу.

- А кто вам сказал, что это анонимка? – вопросом на вопрос ответил следователь.

- В парткоме сказали. Вроде бы

- Вроде бы, - проворчал следователь, передразнивая меня, - вы же журналист! Оперировать должны четкими данными и терминами.

- Просто столько лет прошло, я уже и забыл про это. Хозяин станка что ли нашелся?

- Что у вас с лицом? – снова вопросом ответил следок.

- За женщину заступился, - соврал я.

- Я беру с вас подписку о невыезде, вот тут распишитесь. Вы никуда не планируете ехать из города в ближайшее время?

- Не планирую.

- Если будете выезжать, только с моего личного разрешения, надеюсь вам это понятно. Вот мой номер, - следователь написал в блокноте номер телефона, вырвал страничку и передал мне.

Я не глядя сунул бумажку в карман.

- Пока это все. Можете быть свободны. По вызову нужно будет явиться незамедлительно.

С меня взяли подписку о невыезде, но подписки о неразглашении я не давал, поэтому первым делом когда вышел от следователя, я разыскал телефон-автомат и позвонил Сане на работу.

- Саня, меня сегодня в ментовку вызывали.

- С чего бы?

- Помнишь, мы с Илюхой библию печатали?

- В подвале? Припоминаю. Дело же закрыли

- Ага, я тоже так думал. У них какие-то новые детали всплыли. Следак ничего не сказал, только спрашивал, спрашивал и записывал. А вот в парткоме обмолвились насчет какой-то то ли анонимки, то ли заявления

- Анонимки? – удивился Саша.

- Я не знаю, Саня. Я точно не запомнил, как именно они это обозвали не важно. Знаю только, что появилась некая бумажка, и дело снова подняли из архива кто-то мне решил насолить.

- Подозреваешь кого-нибудь? – спросил Саня.

- Есть мысли, конечно.

- И?

- Думаю, это Илья. Мы с ним подрались на днях

- Вы совсем тронулись? Из-за Дашки что ли?

- Нет ну, поводов то на самом деле хватает, - задумчиво ответил я.

- Ты о чем?

- Сань, я хотел с ним сразу разобраться. У него мотив есть, больше некому. Но я даже выяснять ничего не стал, мне просто хотелось ему морду набить.

- Ты совсем debil? Илюха точно не стал бы такой херней заниматься. Ты же его знаешь он может в глаза сказать, но крысятничать! Не, это не про него.

- А кто тогда?

- Ну а я почему знаю может, с твоей работы кто-нибудь? У вас же там осиное гнездо! Конкуренция вполне могли тебя утопить. Ты вроде в примы пролез, вот и решили тебе подгадить маленько.

Я в который раз подумал про Горшка и снова отбросил эту мысль.

- Нет, Саня это все сильно надумано. Это мог сделать только тот, кто наверняка знал. А знали только мы трое.

- И баяшка еще.

- Точно! Может он гэбншник?

- Нет, Андрюха. Будь он из КГБ, вас бы сразу закрыли.

- Остается только Илья, - резюмировал я.

- Ну, спасибо, что ты на меня не подумал.

- Подумал вообще то, - сказал я и усмехнулся.

Сашка молчал, и я подумал что ему был неприятен сам факт того, что между нами троими пробежала черная кошка.

Посвященным быть невыносимо тяжело по причине того, что ты одинок в своем знании. Никто ни в курилке, ни в кабинете не в курсе того, что ты знаешь то, что другим недоступно. И вообще довольно странно работать в организации, которая освещает события, которые не происходят в реальности. Мы здесь занимаемся тем, что строчим тексты и рисунки для фантастических комиксов, которые должны развлекать миллионы людей в нашей стране, давать

им почву для серьезных рассуждений выводов Господи, сколько средств и ресурсов тратится впустую!

Евгений вместе с его синим костюмом, которого еще пару дней назад я на дух не переносил, теперь казался мне жалким подопытным кроликом. В курилке я больше не появлялся, и не по причине того что я не курю, а потому что темы ежедневных разговоров теперь казались мне ничтожными.

Однажды после обеда я вернулся в свой кабинет и обнаружил на рабочем столе оставленную кем-то газету. Это было издание с моей предыдущей работы. Сначала я не придал этому значения, но когда развернул газету и прочел передовицу, я понял что оказалась она у меня на столе совсем не случайно. По центру красовалась фотография Анны К. Мое сердце учащенно забилось и я углубился в чтение статьи.

С первых строк стало понятно, что это был омерзительный пасквиль, содержащий абсолютную ложь и приправленный таким количеством грязи, что я еле сдерживал отвращение. Я дочитал статью до конца. В ней было все, что когда-то требовал от меня Горшок: вызывающее поведение, пьянство и даже намек на сумбурную интимную жизнь. Значит, команда Олега Дмитриевича победила и они решили вместо опровержения добить несчастную Анну К. Но самым неприятным было то, что статья эта не имела подписи автора. Вернее, была подписана инициалами, которые странным образом походили на мои собственные. Но не полностью - совпадали только имя и отчество. Но этого было достаточно, чтобы дать понять что статью написал именно я и недостаточно для того, чтобы предъявлять претензии Горшку. Это был довольно хитрый ход.

Сказать, что я был вне себя, это не сказать ничего. Впрочем, я сам был виноват во всем случившемся. Даже если предположить, что статья имела бы подпись «группа товарищей» или «доброжелатель», после выхода первой статьи вторую и все последующие все равно будут приписывать мне. Теперь все эта война, которая развернулась на страницах моей бывшей газеты будет вестись от моего имени, какими бы абсурдными и нелепыми именами или инициалами ни подписывались тексты. Именно на это и рассчитывал Горшок.

Кафе Метелица на Калининском слыло в народе значным местом, известным в среде фарцовщиков, девиц жаждущих красивой жизни и работников руководящего ранга. В общем место это посещали все те, к кому я испытывал чувство легкой неприязни, это мягко говоря. Сашка знал об этом, однако свой день рождения он решил отметить именно там.

Мы с Дашей пришли одними из первых, и теперь сидели за длинным столом, накрытым белой скатертью, и уставленным пустыми тарелками и бокалами. Саша с Мариной тоже были на месте и подсели к нам. Мы говорили обо всяких пустяках, когда в зале появился Илья со своей новой девушкой. Я не общался с Ильей с того памятного дня, закончившегося нашей потасовкой и честно говоря побаивался этой встречи. Нет, я не боялся конкретно Илью или очередного выяснения отношений, мысленно даже желая повторения. Мне было просто неприятно, что я столько лет ошибался в человеке, которого считал своим другом.

- Привет, Андрюха, - сказал Илья как ни в чем не бывало.

Он протянул руку и вызывающе смотрел мне прямо в глаза. Именно этого жеста и этого взгляда я и боялся больше всего. Но я ответил на приветствие. Илья представил свою подругу, и они сели напротив нас с Дашей. Я понял, что вечер будет не из тех, на которых старые добрые друзья напиваются, беззлобно подшучивая друг на другом и в завершение всего, обнявшись горланят свою любимую песню с понятным только им одним смыслом. Дай бог если обойдется без мордобоя или разборок. Но это зависело не от меня. Я с замиранием сердца следил, как будет вести себя Даша, станет ли она отвечать на провокации Ильи? Будет ли Илья провоцировать нас? На самом деле я был в который уже раз очарован Дашей она была необыкновенно хороша и мне казалось, что Дарья буквально светится изнутри. Ну и конечно же некий черт внутри меня

твердил, что это все потому, что Илья сегодня здесь, с нами да еще и с новой пассией. Меня душила ревность и мне хотелось как можно скорей распрощаться со всеми, забрать Дарью и уехать.

Но сбежать не получилось и скрыться от посторонних глаз было негде. Мало того, Илья постоянно поглядывал в мою сторону и мне даже показалось, он искал повода подойти и заговорить. Повод появился как-то сам собой, девочки о чем-то оживленно разговаривали на дальнем конце стола, Сашка вышел на улицу перекурить, я остался практически в одиночестве и тут ко мне и подошел Илья. Начал без подготовки, видимо он и сам понимал, что времени на прелюдию нет.

- Слушай меня в ментовку вызывали. Знаешь, по какому делу? – спросил он как мне показалось с некоторым вызовом.

Я сказал, что догадываюсь. Меня несколько удивил вопрос, но я постарался выглядеть равнодушным. Илья присел рядом на соседний стул, придвинул две свободные рюмки и открыл бутылку с водкой.

- Выпьешь со старым другом?

Я молча кивнул. Он налил, и мы выпили не чокаясь, каждый за что-то свое. Я ждал что будет дальше. Илья поставил рюмку и продолжил:

- Они твою фамилию называли, спрашивали как давно мы знакомы. Спросили про печатный станок и ну, в общем интересовались типографией в подвале.

- Типографией? Так прямо и сказали? – усмехнулся я.

- Да, так и сказали. А еще говорят, что станок вроде стащили со склада Машиноэкспорта. Интересно, правда?

Я пожал плечами и промолчал. Но при этом смотрел прямо в глаза Илье.

- Откуда они могли это узнать, нет идей? Может, вложил кто? – спросил он.

Мне показалось или Илья произнес это таким тоном, как будто подозревает меня? Вероятно, он выбрал тактику нападения, как лучший вариант защиты. Илья конечно же узнал или догадался об истинной причине моего агрессивного поведения при нашей последней встрече, просто сейчас старался скрыть это. Я тогда хорошо запомнил его недоуменный взгляд. Теперь он пытается показать мне, насколько я был к нему несправедлив, так что ли? Врет, конечно же ни в какую ментовку его не вызывали. Но в конце концов мне скрывать нечего.

- Меня тоже вызвали, - сказал я.

- И что?

- Допрашивали, спрашивали про тебя.

- Даже так? И что ты им рассказал? – спросил Илья.

Мне было неприятно, что приходилось оправдываться. Мой друг без особого труда загнал меня в позицию виноватого. Это бесило меня и я еле сдерживался. Я мог бы рассказать ему все, что было на допросе, но это действительно выглядело бы как оправдание. Поэтому я был по возможности краток и максимально сухо произнес:

- Ничего. Все то же, что и восемь лет назад, ничего нового не добавил.

- Слушай, - голос Ильи смягчился и он сказал уже без напора, - я на твоём месте наверное так же поступил. Я просто тогда реально не врубился что происходит ты как буйный накинуся, что мне оставалось?

Я поморщился.

- Тебя реально допрашивали? – снова спросил Илья, явно намекая на то, что хотел бы получить более развернутый ответ.

И тогда я рассказал ему про допрос, одновременно наблюдая за Ильей и в какой-то момент окончательно понял, что это был именно он. Именно Илья - мой старый друг с потрохами сдал меня ментам. Было заметно, как он сначала напрягся, а потом расслабился, когда услышал что я придерживался своих прежних показаний и не упомянул как мы вдвоем тащили

станок с его склада в тот чертов подвал, и о том что изначально вся идея с печатью Библии принадлежала непосредственно самому Илье. Мы помолчали с минуту.

- Слушай, браза - наконец сказал он, - ты что, реально решил, что я мог тебя ментам слить? Делать мне нечего Из-а Дашки? Ты точно рехнулся, бро.

Он сам озвучил причину, которая прозвучав из чужих уст внезапно показалась мне и вправду ничтожной. Но я тут же с удвоенной энергией начал убеждать себя в обратном. Внутри меня происходила настоящая борьба. Мне было неловко признаться Илье, что я действительно считаю историю с Дашей причиной его предательства, но и отрицать не стал, просто красноречиво промолчал и уставился на свои ботинки. Вокруг гремела музыка, по полу плясали разноцветные огни и мне показалось, что я нахожусь в каком-то нереальном мире, обсуждаю совершенно ничтожные проблемы, принимаю никому не нужные решения. Я устал, я внезапно осознал насколько все это неважно. Пусть Илья считает что я ошибался на его счет, нужно успокоить его и хотя бы сегодня прекратить обсуждение этой темы. Ведь мне нужно сосредоточиться на другом, более важном деле. Господи, если бы только он знал, какова она – истинная реальность! Я на секунду представил себе выражения лиц всей этой модной тусовки отплясывавшей в Метелице, узнай они сейчас то, что известно мне. Я еле заметно усмехнулся.

- Забудь, Илья. Я не хочу даже обсуждать все это. Под меня кто-то копает, может быть с работы, я не знаю. Я подумал что это ты, да извини я просто хотел выяснить. Забудь.

- Окей, бро. Давай еще по одной?

Илья налил и мы снова выпили.

- Я тогда был на взводе, сам понимаешь. Не парься.

Все это я постарался произнести насколько возможно искренне, как будто между нами ничего не произошло. Не было ни Даши, ни этой дурацкой драки.

- Слушай, а кто тогда? Варианты есть? - спросил он.

От меня не ускользнуло, как быстро Илья постарался подхватить тему и вот он уже заинтересованно спрашивает, есть ли у меня кто-то на подозрении. Я пожал плечами. Мы выпили еще и тут же повторили. Внутри разлилось тепло и одновременно с этим к горлу подступила тошнота. Мне уже порядком надоела наша беседа.

- Не хочу говорить об этом. Не сегодня. Хорошо?

Я встал и пошатываясь направился на танцпол. Вокруг меня отплясывала разношерстная публика. Самодовольные физиономии так называемой московской элиты: проститутки, дети партийных функционеров, воры и фарцовщики импортным шмотьем. Знали бы они где и кем отшиваются эти шмотки. Я усмехнулся.